

СОВЕТ ПЕНСИОНЕРОВ-ВETERАНОВ ВОЙНЫ И ТРУДА
НЕФТЯНАЯ КОМПАНИЯ «РОСНЕФТЬ»

*Из истории развития
нефтяной и газовой
промышленности*

ВЫПУСК 26

В E T E P A H H Ы

Москва
ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство»
2013

УДК 001(091): 622.276

В39

Серия основана в 1991 году

Ветераны: из истории развития нефтяной и газовой промышленности.
Вып. 26. – М.: ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство», 2013. –
256 с.

Сборник «Ветераны» содержит воспоминания ветеранов-нефтяников и статьи, посвященные истории нефтяной и газовой промышленности России, рассказывает о деятельности Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» (бывшего Совета ветеранов центрального аппарата Миннефтепрома СССР и Главнефтеснабжения РСФСР).

Сборник направлен на пропаганду трудовых достижений работников отрасли и патриотическое воспитание молодежи. Он предназначен для современного поколения нефтяников, молодых специалистов, и всех, кто интересуется историей нефтяной и газовой промышленности нашей страны.

Редакционный совет:

*Э.Д. Векилов (председатель), В.Д. Барановский, Е.В. Голубева,
Ю.В. Евдошенко, Н.М. Еронин, Л.А. Иванисько,
А.И. Иванькин, В.Е. Петров, А.Л. Салтыков*

© ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство», 2013

ISBN 978-5-93623-010-3

Содержание

В Совете ветеранов	
О работе бюро Совета ветеранов	5
Салтыков А.Л. Участие ветеранов компании «Роснефть» в воспитательной работе в подшефной школе	10
Салтыков А.Л. Три незабываемых дня в городе-герое Волгограде-Сталинграде	13
Каплина Т.Ф. Об экскурсии ветеранов «Роснефти» в г. Курск и г. Белгород	15
День памяти и скорби в ОАО «НК «Роснефть»	18
К 120-летию грозненской нефтяной промышленности	
Евдошенко Ю.В. Инженер А.В. Иванов — революционер, полярник, «вредитель»	20
Иванов А.В. «Грознефть»: истоки и первые шаги. Свидетельства очевидца	40
Из истории нефтяной и газовой промышленности	
Матвейчук А.А. Рубежи и миражи профессора Тихвинского	80
Юхименко В.Г. А.С. Полушкин — первооткрыватель нефти в Удмуртии	100
Севанько Г.Д. Удмуртская нефть. Как это было (воспоминания геолога)	110
Николаев Б.М. Моя работа в Индии в 1970-е годы	126
Кульчицкий В.В. Рождение «звездочки». Из истории отечественного горизонтального бурения	135
Голубев Г.Р. Под покровом земной коры. Из истории бурения сверхглубоких скважин	149
Голубев Г.Р., Марков О.А. Воспоминания об одноклассниках по газо- нефтепромысловому факультету МИНХиГП им. И.М. Губкина	169
Карпов В.П. «Оконторились ... блестяще»: о проблемах организации нефтяного хозяйства Западной Сибири в 1980-е годы	180
Рудкевич В.Н. 11 трудовых пятилеток Виктора Коломацкого	194
Воспоминания	
Щелкачев В.Н. Мой студент Михаил Миллионщиков (к 100-летию со дня рождения)	203
Сидоров В.С. Байки северного лета. Борода	208

Поздравляем Юбилера	
Николаю Петровичу Макарову – 85 лет!	224
Евгению Ивановичу Осадчуку – 80 лет!.....	225
Анатолию Степановичу Гуменюку – 80 лет!.....	227
Александрю Вячеславовичу Кочневу – 65 лет!.....	228
Виктору Иоганесовичу Отту – 65 лет!.....	229
Мы помним	
Григорян Георгий Макарович (1878 – 1962)	231
Муравленко Виктор Иванович (1912 – 1977)	233
Шмарев Алексей Тихонович (1913 – 1993).....	236
Крол Матвей Маркович (1913 – 1995).....	239
Бабуков Александр Георгиевич (1913 – 1985).....	240
Рустамбеков Тофик Фатуллаевич (1918 – 2007)	241
Петросов Владимир Антонович (1920 – 2012)	244
Мальцев Николай Алексеевич (1928 – 2001).....	246
Филановский-Зенков Владимир Юрьевич (1928 – 1994)	247
Павлов Владимир Павлович (1933 – 2013)	250
Байков Назип Мавлютович (1921 – 2013)	251
Об авторах.....	254

О работе Бюро Совета ветеранов

13 декабря 2012 г. Бюро Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» провело очередное совещание актива под председательством А.И. Иванькина с нижеследующей повесткой дня:

1. Краткие итоги работы Бюро Совета ветеранов в 2012 г. и задачи на 2013 г. Докладчик А.И. Иванькин.

2. Основные организационные принципы взаимодействия актива с членами Совета на основе действующих положений о Совете ветеранов и уполномоченных. Докладчик А.И. Феоктистов.

3. Практика работы актива культурно-массовой комиссии и патриотического воспитания. Докладчик Э.Н. Тимонина.

4. Участие уполномоченных в работе комиссии по социальным вопросам. Докладчик Л.А. Иванисько.

5. Актуальные вопросы в работе редакционной комиссии. Докладчик Э.Х. Векилов.

6. Информация об отчетно-выборной конференции Совета ветеранов ЦАО г. Москвы. Докладчик Л.А. Иванисько.

Основной докладчик — председатель Совета ветеранов А.И. Иванькин — отметил ряд положительных моментов в работе Совета по сравнению с 2011 г. Так, в 2012 г.:

— выплаты юбилярам производились всем одинаково по 3000 руб. каждому независимо от возраста;

— поощрение активу увеличено в два раза, как было обещано в 2011 г.;

— введена единовременная выплата материальной помощи пенсионерам, не получающим корпоративную пенсию, по 3500 руб.

Компания ОАО «НК «Роснефть» ввела с 2011 г. новый порядок поощрения пенсионеров при награждении Почетной грамотой — выплату 100 тыс. руб. В Совете ветеранов эти грамоты получили 19 человек.

— санаторными путевками были обеспечены 40 человек;

— в настоящее время проработан вопрос о расширении географии санитарных путевок, где условия проживания, лечения и питания находятся на высоком уровне (в частности в Белоруссии).

Большой интерес у актива вызвали выступления и других докладчиков — Л.А. Иванисько, А.И. Феоктистова, Э.Н. Тимониной, Э.Х. Векилова, а также ряда членов актива в ходе обсуждения докладов.

Сейчас на учете в Совете ветеранов 540 чел., из них 350 чел. — старше 70 лет, 150 чел. — младше 70 лет, 11 чел. — в возрасте 90 и более лет. Одинок проживающих пенсионеров — 70, на заседании отмечалось, что им необходимо особое внимание.

Всего в ветеранской организации ОАО «НК «Роснефть» 25 групп пенсионеров, сформированных по производственному признаку. Основная работа с ними ведется через уполномоченных, средний возраст которых составляет 70 и более лет. Это вызывает необходимость привлечения к работе в активе новых членов организации. На совещании отмечалось, что вновь назначенные уполномоченные активно включились в работу, среди них: Н.А. Орлов, Л.И. Зацепина, Т.И. Шакина. В работе им помогают старейшие члены актива, в том числе Э.Н. Тимонина, И.А. Агеева, Р.Н. Тращинская и другие.

Об успехах и сложностях культурно-массовой работы и патриотического воспитания говорила председатель соответствующей комиссии Э.Н. Тимонина. Совет ветеранов в свое время был создан как объединение ветеранов войны и пенсионеров, но число фронтовиков и тружеников тыла становится с каждым годом меньше. При создании участников войны было 135 чел., а сейчас только 13. Ветеранов войны осталось 52 чел. В отчетном году ушли из жизни О.В. Чернявская, Л.И. Шашина, В.А. Петросов.

У нас заведено на День Победы отдавать дань памяти всем участникам войны, возлагать цветы к могиле Неизвестного солдата, мемориалу погибшим нефтяникам. Участие уполномоченных в этих мероприятиях ограничено, особенно вновь принятых. Активно в них участвуют группы Главнефтепродукта.

Большая работа проводится по оформлению фотостендов, где помещается много материалов о войне и видных нефтяниках, проведенных экскурсиях, юбилеях и др.

Культурно-массовая комиссия поддерживает постоянную связь с районным Советом ветеранов района «Якиманка» и ведет активную

работу по патриотическому воспитанию учеников московской средней школы № 1262.

Член социально-бытовой комиссии, ответственная за медицинское обеспечение пенсионеров-ветеранов Р.Н. Тращинская отметила, что с приемом на учет в Совет ветеранов новых членов увеличилось число пенсионеров, которым необходимо прикрепление к поликлиникам. Это вызывает затруднения в их обслуживании. Предложение со стороны ОАО «НК «Роснефть» взять на себя прикрепление к поликлиникам руководящих кадров с членами их семей не было принято. На 2013 г. остается нерешенным вопрос об обслуживании пенсионеров старше 85 лет.

Уполномоченные Г.П. Матвеев и А.А. Абрамкина от себя лично и от всех присутствующих поблагодарили Р.Н. Тращинскую за ее отзывчивость, готовность помочь при всяком обращении.

Член Совета Н.В. Кунамбаева отметила, что в 2012 г. санаторными путевками были обеспечены почти все желающие. Оплата путевок производилась оперативно, без задержек. Однако установленный порядок приема заявлений от пенсионеров по полугодиям себя не оправдал, так же как и годовые. Например, заявки на 2013 г. многими уполномоченными так и не были представлены к моменту совещания. Было предложено вернуться к старому порядку — рассмотрению заявлений на санаторное обслуживание по мере их поступления.

Руководитель редакционной комиссии, член Бюро Совета ветеранов Э.Х. Векилов отметил неплохую работу редакции, которая за последние два года подготовила и опубликовала 24-й и 25-й выпуски сборника «Ветераны: из истории развития нефтяной и газовой промышленности». В них по-прежнему публикуются исторические статьи, воспоминания, биографии заслуженных нефтяников и, таким образом, традиция продолжается. Ведется сбор материалов для выпуска № 26.

Редакционной комиссией проведена большая работа по упорядочению книжного архива Совета. Подобраны практически все номера сборников (отсутствуют №№ 5 — 7). Имеется подборка книг заслуженных работников отрасли. Расширен список лиц и организаций, которым рассылаются сборники «Ветераны». Успехи комиссии во много связаны с сотрудничеством с редакцией журнала «Нефтяное хозяй-

ство», культурно-массовой комиссией Совета и поддержкой таких активистов, как Э.Н. Тимонина и И.А. Агеева.

Член редакционной и культурно-массовой комиссий А.Л. Салтыков рекомендовал расширить распространение информации о работе Совета ветеранов, в том числе путем размещения информационных материалов в газете «Нефтяной курьер» и журнале «Нефтяное хозяйство». В настоящее время к работе Совета ветеранов проявляет подшефная школа № 1262, на ее сайте публикуются материалы о встречах школьников с представителями Совета.

Совещание актива Совета пенсионеров-ветеранов ОАО «НК «Роснефть» решило:

1. Информацию Председателя Совета о работе Бюро и комиссия принять к сведению.

2. Активизировать участие уполномоченных в работе комиссий Бюро в соответствии с Положением о Совете ветеранов и уполномоченных, в том числе:

- продолжить работу по подбору дублеров и привлечению ветеранов в актив комиссий;

- активнее привлекать ветеранов к участию в мероприятиях, проводимых культмассовой и другими комиссиями;

- вносить свои предложения по поощрению ветеранов за активное участие в работе Совета ветеранов;

- внести предложения в план работы Совета ветеранов на 2013 г.;

- заявления на оказание материальной помощи подавать с визой уполномоченных, неся ответственность за оформление документов;

- активизировать работу уполномоченных по посещению одиноких и больных пенсионеров;

- проводить работу среди ветеранов для участия их в сборе материалов для сборника «Ветераны».

3. Комиссии по организационным вопросам:

- оформить план работы Совета ветеранов на 2013 г. и представить его на утверждение Бюро;

- принять меры по привлечению активистов к работе уполномоченных, своевременно реагировать на происходящие изменения;

- возобновить практику заслушивания уполномоченных на заседания Бюро с отчетами об их работе с ветеранами.

4. Культмассовой комиссии оформить для уполномоченных памятку о проводимых мероприятиях с указанием ориентировочных сроков.

5. Комиссии по социально-бытовым вопросам:

— проработать вопрос о возможности рассмотрения заявлений на санаторные путевки по мере их поступления;

— доработать вопрос о возможности приобретения санаторных путевок в Белоруссию, уточнив вопрос о налоге со стоимости путевок;

— повторно проработать вопрос об оказании с 2013 г. медицинской помощи через страховую компанию ветеранам в возрасте более 85 лет;

— направить письмо руководству ОАО «НК «Роснефть» с просьбой пересмотреть некоторые вопросы медицинского обслуживания страховой компанией членов Совета ветеранов;

— рассмотреть вопрос о снятии с прикрепления к поликлиникам пенсионеров, которые не пользуются медицинскими услугами;

— оказывать материальную помощь пенсионерам один раз в год по одному из видов помощи.

6. Редакционной комиссии:

— проработать вопрос о возможности размещения информации о работе Совета ветеранов в газете «Нефтяной курьер» и журнале «Нефтяное хозяйство».

В заключение совещания актива заместитель председателя Бюро Совета ветеранов Л.А. Иванисько представил информацию об отчетно-выборной конференции Совета ветеранов ЦАО г. Москвы, которая была принята к сведению.

Редакционная комиссия

Участие ветеранов компании «Роснефть» в воспитательной работе в подшефной школе

А.Л. Салтыков

Хотелось бы немного рассказать о наших встречах, моих личных впечатлениях от общения с преподавателями и учащимися подшефной школы № 1262 имени А.Н. Островского, расположенной на Садовом кольце на Житной улице между станциями метро «Добрынинская» и «Октябрьская».

Регулярно участвовать в посещении школы я начал почти 4 года назад по приглашению одного из наших самых деятельных ветеранов Зинаиды Николаевны Тимониной, участника Великой Отечественной войны и ветерана труда ОАО «НК «Роснефть», руководителя ветеранской комиссии по культурно-массовой и военно-патриотической работе. Но сейчас я уже не представляю своего участия в общественных делах Совета без постоянных встреч со школьниками и их наставниками.

Активисты Совета (слева направо: **В.А. Петросов**, К.С. Кубасов, Е.В. Голубева, В.Н. Агапова и З.Н. Тимонина) с учениками и педагогом СШ №1262

Школу опекают, в первую очередь, наши ветераны-участники войны. Сегодня их, деятельных и энергичных, осталось, к сожалению, очень мало. Помимо самой З.Н.Тимониной школу регулярно посещали Владимир Антонович Петросов и Ким Сергеевич Кубасов. (К огромному сожалению, в декабре 2012 года Владимир Антоновича не стало). Изредка к ним присоединяется Валентина Николаевна Агапова. Кроме того, в школе бывают ветераны труда — «дети войны», которые в 1941-1945 гг., будучи малыми детьми, испытали на себе все трудности и лишения, доставшиеся в ту пору на долю советского народа — и взрослых и детей: голод, холод, отсутствие мало-мальски добротной одежды. Дети жили с матерями в скученных условиях коммунальных квартир, нередко в общежитиях, зачастую в эвакуации, а то и в оккупированных врагом городах и деревнях или, что еще страшнее, даже в фашистских концентрационных лагерях. К таким нашим ветеранам, в первую очередь, следует отнести Раису Николаевну Полякову, Елену Владимировну Голубеву и малолетнего узника фашистских лагерей Анну Яковлевну Сорочкину.

И если ветераны-участники войны рассказывают детям о своих ратных буднях, которые с позиций сегодняшних дней — настоящие подвиги, то ветераны — «дети войны» делятся воспоминаниями о своих впечатлениях о жизни в военное время, что для многих является во многом новой и неожиданной информацией. И, конечно, важной темой бесед со школьниками и преподавателями для всех ветеранов является наша нефтяная отрасль — от чисто технических и технологических проблем геологии, бурения, разработки месторождений, транспортировки и переработки нефти, использования нефтепродуктов в народном хозяйстве до структуры отраслевого управления, взаимоотношений нефтяников с другими производителями страны, состояния отрасли и ее перспектив.

Я тоже отношусь к категории ветеранов-«детей войны» и всегда прихожу в школу с фотоаппаратом, очень много фотографирую и даже записываю тем же фотоаппаратом фрагменты отдельных школьных мероприятий на видео. Снимки затем передаются в школу, где они нередко используются для подготовки стендов о школьной жизни, размещаются на школьном сайте, раздаются школьникам. Видеоролики

(самые интересные) я выкладываю в интернете, информация о них также попадает на школьный сайт.

Основные события, которые ветераны отмечают в школе, — День Победы, даты крупнейших ратных сражений в период Великой Отечественной войны, государственные праздники и памятные даты (День защитника Отечества, Международный женский день, День матери, День учителя, Новый год и другие). Нередко мы участвуем в чисто школьных мероприятиях — таких как педагогические советы, а также в концертных выступлениях школьников — вокальных, танцевальных (например, в отчетных концертах школьных хоров и ансамблей), присутствуем на театральных постановках, широком проведении в разных классах Дня Островского (поскольку школа носит имя великого русского драматурга), спортивных праздниках, играх по типу КВН.

Самую активную помощь в общении ветеранов со школьниками оказывает нам руководство школы в лице ее директора Шурыгиной Галины Анатольевны и заместителя директора по воспитательной работе Зубаревой Аллы Константиновны.

Ветераны участвуют во многих школьных мероприятиях, причем зачастую в активной форме, как члены жюри, выступают с оценкой просмотренного, делятся воспоминаниями о подобных событиях в своей жизни.

За многие годы общения с учащимися и преподавателями школы мы стали неперенными и привычными участниками повседневной жизни школы, поэтому неудивительно, что некоторых из нас хорошо знают не только учителя школы, но и сами школьники, вырастающие на наших глазах из малышей начальных классов до юношей и девушек-выпускников.

Авторитет ветеранов «Роснефти» у ребят поддерживается беседами в неформальной обстановке — после уроков, на праздничных мероприятиях. Школьники видят в ветеранах заинтересованных наставников, умудренных жизненным опытом и искренне желающих помочь им в жизни.

Три незабываемых дня в городе-герое Волгограде — Сталинграде

А.Л. Салтыков

18, 19 и 20 мая этого года группа из 16 человек — ветеранов ОАО «НК «Роснефть» (в том числе участника Великой Отечественной войны Зинаиды Николаевны Тимониной и ветеранов труда компании) — знакоилась с городом-героем Волгоградом (правда, мы все, как и многие горожане, называем этот удивительный город его знаменитым боевым именем — Сталинград).

Утром сразу после приезда наш путь лежал на главный мемориальный объект города — Мамаев курган. Нужно ли рассказывать о том, что такое Мамаев курган? Никакие слова не смогут передать те чувства, которые испытываешь при посещении этого места. Есть тысячи фотографий и описаний, но и они не могут передать даже сотой доли впечатлений. Да, курган — это громадная братская могила; да, на кургане создан величайший памятник-ансамбль, призванный увековечить память о сражении; да, на вершине холма стоит одна из самых высоких в мире статуй. Это — памятник человеческой воле, храбрости, мужеству, отваге и преданности Родной земле.

200 ступеней — по числу дней и ночей Сталинградской битвы — отделяют вершину кургана от подножия. Когда поднимаешься по первым ступеням, и перед тобой открывается вид на Родину-мать — захватывает дух, щемит сердце, слезы наворачиваются на глаза. Все композиции памятника вы проходите с этим чувством, достигая кульминации в пантеоне Славы: безмолвно горит Вечный огонь, освещая своим светом более семи тысяч имен погибших за главную высоту России.

Мы провели несколько часов на Мамаевом кургане. Спускаясь к автобусу, заглянули в недавно построенный православный храм Всех Святых, находящийся по правую сторону от Родины-матери, поклонились останкам советских солдат на Воинском мемориальном кладбище (по другую сторону от кургана).

Нельзя не отметить, что в 2008 году Мамаев курган всенародным голосованием вошел в состав семи чудес России.

Ветераны «Роснефти» на Мамаевом кургане

В этот день мы также побывали на Волжской ГЭС и в городе-спутнике Волжский, посетили Мемориально-исторический музей с экспозицией «Военная история Царицына начала XX века».

Следующий день был посвящен ознакомлению с городом: мы побывали на центральной набережной, Аллее Героев, мемориальном сквере, площади Павших Борцов, ознакомились с экспозицией «Память» — местом пленения фельдмаршала Паулюса, съездили на Солдатское поле.

После обеда мы осмотрели памятники прошедшей войны — Дом Павлова, руины Мельницы, состоялась незабываемая прогулка по Волге, перед нами открылся ни с чем не сравнимый вид города, где по-прежнему доминировала величественная Родина-мать.

Последний день пребывания в Волгограде был посвящен поездке в храм Успения Богородицы и к самой южной окраине города — в музей-заповедник «Старая Сарепта», памятник многовековой старины Царицына-Сталинграда-Волгограда, уникальный не только для России, но и для Европы.

О каждом посещенном нами уголке города-героя можно много написать, но, к сожалению, у нас нет такой возможности просто из-за ограниченных размеров статьи.

Мы с большим чувством признательности хотим поблагодарить руководство компании «Роснефть» за предоставляемую ежегодно возможность группе ветеранов компании посещать самые интересные и незабываемые места нашей России, ознакомиться с нашим историческим прошлым, боевыми памятниками Родины, еще и еще раз ощутить гордость за наш народ и нашу огромную и великую страну.

Об экскурсии ветеранов «Роснефти» в г. Курск и г. Белгород

Т.Ф. Каплина

Ранним утром 22 июня 2010 года наша группа ветеранов ОАО «НК «Роснефть» из 12 человек прибыла на экскурсию в город боевой славы Курск.

Более 1000 лет возвышается он на правом берегу тихой речки Тускари у слияния ее с такой же спокойной речкой Кур. Последняя и дала, по преданию, название городу, которому с самого основания предназначено было стать важным звеном в цепи городов-защитников Руси от степных врагов. Об отваге и мужестве древних курян замечательно повествуется в знаменитом «Слове о полку Игореве».

Курск расположен на холмах. Это — красивый, зеленый, очень опрятный город. В нем много памятников старины, в том числе древних храмов. Их посещению мы посвятили часть своей поездки. Первым мы посетили храм Серафима Саровского, построенный в честь святого (в миру Прохор Мошнин), родившегося и жившего в этих местах. Следующим храмом, где мы побывали, был Сергиево-Казанский, воздвигнутый родителями Серафима Саровского. Затем мы направились в монастырь Курской Коренной Божьей Матери, где из Животворящего источника отдавали воды и отдохнули.

После мы отправились в поселок Поныри, где расположен военный мемориал советским воинам-саперам. В 1943 году там было открытое поле, на котором шли ожесточенные бои. А сейчас это — чудесный парк, выращенный в память о павших. Все деревья в нем посажены местными жителями, которые — и взрослые, и дети — заботятся о сохранении мемориала.

Далее посещаем село Слобода, где в 1943 году размещался командный пункт маршала К.К. Рокоссовского и штаб Центрального фронта. Всего было сооружено 18 блиндажей. Мы побывали в одном из них, в том, где непосредственно находился прославленный полководец. Глубина блиндажа — 8 метров, он облицован деревянным брусом и электрифицирован. Внутри — две комнаты: кабинет с телефоном и небольшая спальня с раскладной кроватью и умывальником. Все скромно и без излишеств, по-фронтовому.

В 1963 году К.К. Рокоссовский посетил это место. К тому времени оно представляло собой пустырь, где ничего не осталось кроме старых воронок. После отъезда маршала местный Совет ветеранов принял решение о строительстве мемориального комплекса, который открыли 5 августа 1973 года. Сейчас это — красивые аллеи, пирамидальные деревья, памятники воинам и музей имени маршала, дважды Героя Советского Союза К.К. Рокоссовского. Следует помнить, что это был человек огромной воли, ясного ума и необыкновенной сердечной доброты. Он был одним из самых замечательных и любимых военачальников своего времени. Под его руководством были разработаны и осуществлены блестящие военные операции, принесшие славу советскому оружию.

На следующий день мы посетили поселок Прохоровка, крупный железнодорожный узел, у которого в том же 1943 году произошло знаменитое танковое сражение, окончательно переломившее ход Великой Отечественной войны.

Сейчас на поле стоит 70-метровая звонница, на которой каждые 20 минут звонит колокол. На ее открытии присутствовали президенты трех стран: В.В. Путин, Л.Д. Кучма и А.Г. Лукашенко. Помимо звонницы установлен памятник Г.К. Жукову, расставлена боевая техника, есть музей, красивый храм и гостиница.

Отдав дань памяти героям Прохоровки, мы едем в Белгород. Вдоль дороги по склонам оврагов белые глыбы мела. Он дал цвет и название городу. Во время войны Белгород был основательно разрушен и исторических сооружений практически не осталось. В память о событиях войны в городе открыли музей-диораму «Курская битва. Белгородское направление». Конечно, центральным элементом этого музея является сама диорама «Прохоровское сражение», которая очень наглядно передает один из моментов сражения. Горящие самолеты, всполохи разрывов зенитных снарядов, которые освещают черное небо, внизу в пыли, пламени или дыму — танки, кругом раненые и убитые. Земля буквально пропитана кровью или горит. Все очень страшно и смотреть без содрогания невозможно.

Думаю, что после посещения таких мест молодое поколение с почтением и благодарностью будет вспоминать героев войны, обеспечивших жизнь и мирное небо над нашей страной.

От имени участников экскурсии выражаю глубокую благодарность Совету пенсионеров-ветеранов войны и труда НК «Роснефть», как и самой компании, за предоставленную возможность побывать в местах боевой славы.

Особая благодарность Зинаиде Николаевне Тимониной, нашему неутомимому руководителю!

День памяти и скорби в ОАО «НК «Роснефть»

Патриотическое воспитание является одним из важных звеньев деятельности Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть». Так, в течение 27 лет своего существования Совет ветеранов постоянно проводит мероприятия по увековечиванию памяти погибших в Великой Отечественной войне нефтяников Миннефтепрома СССР и ОАО «НК «Роснефть», военачальников и солдат нашей армии, а также городов-героев и славы СССР и РФ.

Вот и в нынешнем 2013 году в официально проводимом государством Дне памяти и скорби о трагичном для нашего народа дне, 22 июня 1941 года, вероломном нападении фашистской Германии на СССР, ветераны ОАО «НК «Роснефть» возложили огромные букеты цветов и поклонились погибшим нефтяникам перед памятником, установленном на территории компании; к памятнику маршала Г.К. Жукова, установленном перед входом в

Исторический музей у Красной площади; к Могиле Неизвестного солдата и отдали дань памяти городам-героям и славы в Александровском саду.

Приятно отметить, что после некоторого перерыва вышеуказанное мероприятие состоялось совместно с представителями нынешнего поколения ОАО «НК «Роснефть», перед которыми выступили непосредственный участник войны Зинаида Николаевна Тимонина, дошедшая до Берлина и расписавшаяся на стене Рейхстага, а также узница фашистских лагерей, ветеран труда Анна Яковлевна Сорочкина.

Совет ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» выражает глубокую благодарность президенту компании И.И. Сечину, вице-президенту компании Ю.И. Калинину за оказанное содействие в осуществлении данного мероприятия, которое весьма четко было организовано директором департамента кадров компании Р.Р. Муртазиным и департаментом социального развития и корпоративной культуры в лице его руководителя П. Зимовски и менеджера О.Е. Гавриловой, нашим постоянным куратором от компании. На представленных снимках, выполненных членом Совета ветеранов А.Л. Салтыковым, зафиксированы некоторые моменты указанного мероприятия.

Инженер А.В. Иванов — революционер, полярник, «вредитель»*

Ю.В. Евдошенко

В 2013 г. нефтяная общественность отмечает 120-летие грозненской нефтяной промышленности. В этот период обязательно будут вспоминать людей, внесших значительный вклад в ее развитие. Однако в анналах нефтяного Грозного совершенно забытым остается имя первого технического директора крупнейшего нефтяного треста «Грознефть» А.В. Иванова, который наряду с И.В. Косиором и другими инженерами-нефтяниками стоял у истоков советской нефтедобычи в Грозном.

Становление инженера: между горным делом и революцией

Судьба Александра Васильевича Иванова печальна и удивительна. Родился он в августе 1878 г. в семье саратовского портного [1]. Каким было его детство — неизвестно. Он окончил гимназию, но для получения высшего образования уехал в Париж, в Политехническую школу, ту самую, которую окончили Анри Ситроен, Конрад Шлюмберже и многие другие инженеры, составившие научную и техническую славу Франции. Получать образование за границей в дореволюционной России могло заставить три причины: богатство, внутрироссийские национальные ограничения и «политика». Ни первая, ни вторая из них к сыну портного по фамилии «Иванов» не относились, а антиправительственная деятельность, начатая в довольно молодом возрасте, вполне могла испортить его репутацию. Сам он признавался, что «воспитывался среди рабочих и с юных лет увлекся революционными течениями в науке и жизни» [2, л. 40 об.].

За помощь, оказанную при подготовке статьи, автор благодарит сотрудников: Государственного архива Архангельской области — В.Г. Трофименко и Центрального архива ФСБ России — Е.И. Ермакова и А.П. Черепкова.

В 1904 г., окончив высшую школу, горный инженер А.В. Иванов начал свою деятельность в Екатеринбургском горном округе. На золотых приисках в г. Кочкаре Оренбургской губ. (ныне г. Пласт Челябинской обл.) работало французское «Анонимное общество Кочкарских приисков», которое, вероятно, и пригласило его на службу. Следующие три года он посвятил добыче золота.

Для России это было очень сложное время: неудачная война с Японией, рост политической активности граждан, начало массовых волнений, переросших в первую русскую революцию. Все это словно электризовало общество, насыщая его адреналином так, что даже материально обеспеченные горные инженеры вступали в политическую борьбу. Начал ее и А.В. Иванов. Но прежде произошло важное для него знакомство.

В Екатеринбурге, где инженеру приходилось бывать по делам службы, он познакомился с семьей управляющего одним из золотых приисков Н.Г. Стрижовым. У последнего было два сына, Иван и Сергей, также посвятивших себя горному делу, и три дочери. Младшая, 19-летняя Вера завладела умом и сердцем молодого человека и вскоре они поженились. Вероятно, на свадьбе и состоялась встреча А.В. Иванова со старшим братом невесты И.Н. Стрижовым, приехавшим с Северного Кавказа. Два горняка быстро нашли общий язык и стали друзьями.

О конкретном участии А.В. Иванова в революционных событиях в Екатеринбурге в 1905 — 1907 гг. известно мало. Позднее он рассказывал чекистам лишь о том, что «совместно с Яковом Свердловым выступал на митингах» [1, л. 33 об.]. Бывшие революционеры в конце 1920-х годов среди лидеров эсеровской организации Екатеринбурга называли «А. Иванова и Стрижева» [3, с. 143], вероятно, имея в виду младшего брата И.Н. Стрижова — Сергея.

Революционный опыт оказался печальным. «Еще после 1905 года я решил никогда в жизни не заниматься политикой, — писал инженер. — Я глубоко разочаровался в творчестве революции массами. На Урале вся революция 905 года [так!] разбилась о глухую стену невежественного крестьянства и полурабочего-полукрестьянина собственника, так называемого заводского уральско-

го мастерового. Лозунги вооруженного восстания и защиты завоеванных свобод с оружием в руках не находили отклика в массах. Только небольшая группа революционеров-энтузиастов ушла в горы и леса с оружием в руках и одиноко погибла. Но ни пролетариат, ни крестьянство Урала их не поддержали. А уральские заводы существовали со времен Петра Великого, и за этот срок [у мастеровых] могло сложиться определенное классовое самосознание. По убеждениям я оставался социалистом, но не примыкал ни к одной партии» [2, л. 40].

Ссылный А.В. Иванов, 1907 или 1910 г., Архангельск (ГААО)

В 1907 г. А.В. Иванов был арестован и выслан на два года под гласный надзор полиции в г. Кемь Архангельской губернии [4].

В этот период у него идет переоценка ценностей. Нужно было решать: либо с головой уходить в революционное движение, либо отказаться от него вообще. «Я не умею по натуре дело делать на половину или взяться за дело и не кончить его, — писал инженер. — Революции нужно было отдаться целиком. Нужно быть инициативным и что-то создавать новое. Для создания нового у меня не было ни теоретического багажа, ни богатого революционного стажа и опыта. Чтобы бросить все старое, нужно было гражданское мужество потерять все материальные удобства, воспитание детей и технику. Я любил тогда две вещи: семью и технику. И не знаю, что больше. В технике можно было творить и немедленно видеть результаты: на твоих глазах росли помысла, заводы, увеличивались рабочие; жизнь была ключом и не было предела развитию техники. Партия сковывала человека по рукам и ногам. Быть маленьким работником было не в моем характере, а быть большим — не было данных» [2, л. 40 об.].

Заняться техникой А.В. Иванов решил незамедлительно и ... бежал с места ссылки.

Пионер грозненского «газового дела»

Беглого приютил в Грозном управляющий «Челекено-Дагестанским нефтяным обществом» И.Н. Стрижов и под именем штейгера Михайловского принял к себе на работу. Там А.В. Иванов стал постигать нефтяное дело, сначала выполнял мелкие проектные работы, затем ему доверили наблюдение за бурением и эксплуатацией отдельных скважин. Учился он у И.Н. Стрижова, но тот был геологом, а не инженером. Очень много «штайгер Михайловский» почерпнул у работавших с ним Н.И. Родненского и владельца подрядной буровой фирмы, опытного мастера Г.М. Фаниева. Отработав у своего шурина чуть более года, А.В. Иванов по приглашению перешел на должность заместителя управляющего промыслами общества «Казбекский Синдикат», подконтрольного Deutsche Bank'у.

Начался период активного технического творчества. Правление фирмы выделило ему деньги на промышленные эксперименты. Вскоре после приезда в Грозный он вступил в Терское отделение Императорского Русского технического общества (ТО ИРТО), где регулярно собирались местные инженеры для обсуждения научно-технических тем. «Меня называли фантазером и безусым мальчишкой в нефтяном деле», — писал А.В. Иванов о том времени. Но у него было преимущество: как новичок, он не был подвержен техническим стереотипам и оказался среди тех, кто пытался искать и применять технологические новинки. Результаты своих исследований А.В. Иванов изложил в двух докладах — «Об утилизации газа из скважин» и «О поршневом тартании нефти». Оба доклада в корне меняли вопросы эксплуатации и взгляды нефтяников на газ, как топливо.

8 апреля 1909 г. в ТО ИРТО состоялось длительное и оживленное обсуждение. В протоколе собрания зафиксировано, что «г-н Стрижов высказывался, что устройство утилизации газа, сделанное на промыслах “Казбекского Синдиката”, о котором говорил докладчик, поставлено рациональным образом <...>». А.В. Иванов возражал оппонентам и предложил «организовать при Техническом обществе комиссию для изучения способов утилизации газа из скважин и выработки мер предосторожности при

этой утилизации» [5]. В мае 1909 г. такая комиссия была создана; ее председателем избрали А.В. Иванова (Михайловского) [6]. «Мои идеи о поршневом тартании и утилизации газа блестяще подтвердись, — писал он позднее. — Все фирмы Грозненского района и крупные бакинские фирмы с лихорадочной поспешностью стали вводить указанные реформы» [1, л. 28]. В подтверждение этому бакинское «Нефтяное дело» сообщало о Грозном, что там «на промыслах в настоящее время наблюдается увлечение газовым делом. Почти все фирмы заняты устройством утилизации газа из скважин для отопления котлов, печей и действия моторов. Некоторые участки, как например участок № 39 общества “Казбекский Синдикат”, совсем перешли на газ и не употребляют нефти для отопления котлов» [7].

В конце 1909 г. после покупки «Казбекского Синдиката» Ротшильдами А.В. Иванов покинул Грозный и попытался продолжить деятельность в Баку, где быстро получил ряд предложений по устройству утилизации газа и тампонажу скважин. В феврале 1910 г. в Бакинском отделении ИРТО он рассказал местным инженерам о поршневом тартании, которое в 2 — 3 раза увеличивало производительность скважин и активно применялось в Грозном. «Во время работ по поршневому тартанию и газу, — писал А.В. Иванов, — я сделал ряд изобретений, получивших широкое распространение у нас и за границей: поршень и герметический трапп для добычи нефти, газовую форсунку, газовый трапп, скруббер для очистки газа от вредных примесей и проч.» [1, л. 28 об.].

Развернуться в Баку А.В. Иванову не удалось, потому что «охранка» узнала, что под именем техника Михайловского скрывается беглый инженер Иванов. «Занявшись практической деятельностью, — сообщалось полицейскими, — сообразно своей специальности, молодой человек обнаружил недюжинные способности, особенно заявив себя талантливым инженером в новой отрасли техники, в деле утилизации выходящих из нефтяных скважин газов и в деле борьбы с водой в тех же скважинах» [цит. по: 4]. Летом 1910 г. он вновь оказался в Архангельске.

В ряду российских полярников

Эта страница биографии А.В. Иванова открывалась вместе с новой страницей полярных исследований. Наряду с именами ведущих российских полярников начала XX века — Г.Я. Седовым и В.А. Русановым — имя А.В. Иванова также должно быть выбито на скрижалях истории освоения Северного морского пути.

По прибытию в Архангельск А.В. Иванов, по его признанию, составил проект, по которому был построен городской трамвай. Но не это было основным. Правительство и губернские власти озадачились активизацией на Севере иностранных промышленников и в 1911 г. архангельский губернатор отправил на Новую Землю 3 экспедиции, которые должны были подготовить базу для колонизации северных территорий России. Одну из них возглавил известный исследователь В.А. Русанов (его именем названо крупное газоконденсатное месторождение в Карском море). Он должен был обойти вокруг южного острова архипелага, а А.В. Иванов со своей экспедицией — высадиться на северном острове, восстановить несколько домов, которые там некогда были, организовать метеорологическую станцию и провести ряд наблюдений, а также

В Архангельске инженер познакомился и подружился с такими же, как и он, ссыльными. Среди них были: бывший студент юридического факультета Петербургского университета, будущий первый нарком юстиции РСФСР и начальник «Союзнефти» Г.И. Оппоков (Ломов), будущий председатель СНК СССР А.И. Рыков, бывшая сотрудница Пулковской обсерватории, математик Н.Н. Неуймина, известные эсеры: автор первой истории о русской революции Н.Н. Гиммер-Суханов, член экспедиции В.А. Русанова, топограф и барон Э.П. Тизенгаузен и другие. Изучить флору и фауну острова. Многие из них составляли костяк экспедиции А.В. Иванова.

Когда основная часть работ была выполнена, А.В. Иванов и Г.И. Оппоков пересекли остров и открыли проход от Крестовой губы в Баренцевом море до залива Чекина на берегу Карского моря, где обнаружили признаки нефти, приуроченные к девонским отложениям. Оценивая эту экспедицию, В.А. Русанов писал: «Сооружение г. Ивановым в Крестовой губе под 74° с.ш. самой

северной русской метеорологической станции, по-моему, особенно важно теперь, когда делаются практические попытки открыть для правильного судоходства северный морской путь в Сибирь. Систематические метеорологические наблюдения в связи с наблюдениями за распределением и движением льдов, скорее всего, помогут открыть сибирский путь.

Затем Новую Землю много раз посещали русские и иностранные ботаники, но только одна сотрудница из экспедиции г. Иванова — Н.Н. Неуймина впервые сделала опыт подсчета количества растений, занимающих известную площадь, собрав таким образом совершенно новый и в высокой степени интересный материал о "сообществах" новоземельских растений.

Наконец, открытие г. Ивановым нефти и "доманика" <...> устанавливает замечательный параллелизм и тесную не только палеонтологическую, но и петрографическую связь между новоземельскими горами и Тиманским кряжем, иными словами, между Новой Землей и Ухтой» [цит. по: 8, с. 396]. Положительно оценили деятельность А.В. Иванова и губернские власти. Сообщение об открытии им признаков нефти на Новой Земле передавалось Санкт-Петербургским телеграфным агентством и прошло в центральных газетах [9].

В 1912 г. некие российские граждане попытались взять в аренду большую территорию в северо-восточной, наименее изученной, части Архангельской губернии. У властей были все основания предполагать, что «возникающее предприятие есть, в сущности, предприятие иностранных капиталистов, при каковом возможен перевод всех богатств этого края в руки иностранцев, в ущерб своего коренного населения». В апреле 1912 г. Архангельский губернатор С.Д. Бибиков обратился к председателю Совета министров В.Н. Коковцеву с просьбой профинансировать экспедицию в район мыса Канин нос и Чешскую губу для исследования «всех условий края, дабы иметь возможность взвесить в должной мере насколько возникающее предприятие явится вредным или полезным фактором как в жизни местного населения, так и дела колонизации нашего севера» [10, л. 7, 6 об.]. Губернатор просил 6 тыс. руб., которых должно было хватить на оплату жалования

небольшой, в 5 человек основного состава, экспедиции, закупку моторного бота, шлюпки и всей необходимой амуниции и приборов. Экспедицию наполовину составляли ссыльные — Г.И. Оппоков, А.А. Гром, Д.Д. Иевлев, в нее входили также заведующий рыбными и звериными промыслами губернии М.Т. Талалаев, судоводитель А.А. Шляпин и механик И.Ф. Корельский. Во главе было решено поставить хорошо зарекомендовавшего себя А.В. Иванова.

Поздние льды задержали экспедицию. Из Архангельска она вышла лишь 5 июля 1912 г., а через несколько дней пароход «Мурман» доставил ее к месту назначения.

С первых дней А.В. Иванов и его спутники столкнулись с трудностями: их мотобот оказался мал, а его мотор постоянно выходил из строя, вдобавок по всей длине расщепилась мачта и в разгар исследований от судна пришлось вообще отказаться [4]. Тем не менее экспедиции удалось пройти по воде 700 верст, часть которых пришлось идти на весельном карбасе. Еще 400 верст исследователи прошли пешком. Специальных гребцов и носильщиков в экспедиции не было. В своем отчете А.В. Иванов сообщал, что ее членам приходилось грести веслами по 12 часов, под непрерывным дождем, при необходимости — идти бечевой по грудь в холодной воде, нести весь груз на себе. К концу экспедиции, в 20-х числах сентября, выпал снег, начался сезон штормов.

Экспедиция была комплексная. А.В. Иванов проводил топографическое описание побережья, намечал удобные места для маяков и стоянок судов, изучал геологию района. Его сотрудниками делались промеры глубин морского побережья и рек, проводились экономико-статистические исследования хозяйства местных жителей, описывались лесные и пастбищные угодья. В двух местах экспедицией были оборудованы постоянные гидрометеорологические пункты. По волостному архиву и анкетированием изучались объемы и формы налогообложения, хозяйственные уклады, земельные отношения, «колониционная емкость края». В ходе экспедиции было сделано 600 фотоснимков, проведено множество опросов местных жителей — русских поселенцев и «самоедов». Результаты экспедиции А.В. Иванов описал в предварительном отчете [11].

Основную задачу — утверждение Канинского полуострова и Чешской губы как зоны государственных интересов России — экспедиция выполнила и именно на ее выводы ссылался губернатор С.Д. Бибииков, когда МИД и Главное управление землеустройства и земледелия посчитали эти места малозначащими для страны и готовы были открыть их для иностранных промышленников [4].

Вернувшись, А.В. Иванов отправился в Петербург, где вскоре получил вызов от И.Н. Стрижова: заболел туберкулезом основной буровой подрядчик Г.М. Фаниев, и его нужно было заменить.

Промысловый управляющий фирм

В тот период в российской нефтяной промышленности, особенно в Грозном, шел активный процесс поглощений и слияний фирм. В 1913 г. А.В. Иванов стал управляющим промыслов «Англо-Русского Максимовского общества», а вскоре и крупного «Петроградско-Грозненского нефтепромышленного общества», в котором большинство акций принадлежало лианозовской нефтепромышленной группе. Вскоре значительный пакет приобрело и «Товарищество бр. Нобель». Это общество было только добывающим. Когда А.В. Иванова пригласили туда управляющим промыслами, суточный объем добычи общества составлял около 13 тыс. пуд., через 2 года — уже 56 тыс.

Самый главный подарок, который сделал А.В. Иванов своей фирме, а как оказалось, и будущей «Грознефти» — открытие восточного окончания Старогрозненского месторождения — Солёной балки, скважины которой фонтанировали 9 — 10 лет и обеспечили быстрое восстановление в первые послевоенные годы.

На этом крыле Старогрозненской антиклинали у фирмы было два участка, где были заложены 4 скважины. Первая, № 24/137, на глубине 506 саж. (более 1000 м) встретила богатый нефтяной пласт, но прежде чем до него дойти, нужно было проявить мастерство и характер. Бурение на такие «невиданные» глубины требовало высокой квалификации инженеров и буровых рабочих. Перед фонтанным пластом скважина вскрыла три водоносных пласта, которые ежесуточно выбрасывали до 300 тыс. пуд. горячей воды. А.В. Иванов вспоминал, что водяной фонтан бил на высоту

в 8 сажен и борьба с водой заняла 4 месяца. «Иногда я терял всякую надежду на победу горячей воды, — рассказывал инженер. — Но я упорно продолжал работу, не считаясь с насмешками друзей-инженеров, геологов и потерявших веру в благополучный исход дела членов своего Правления. В результате вода была закрыта, и в дальнейшем получен фонтан, вызвавший сенсацию, поставивший мое имя в число первоклассных бурильщиков и вызвавший лихорадочный ажиотаж на нефтеносные участки в Соленой балке» [2, л. 46 — 47]. Консультацию А.В. Иванову оказывал И.М. Губкин, который, по словам Иванова, в 1913 — 1917 гг. был геологом правления Петроградско-Грозненского общества [1, л. 36, 41], а его заместителем на промыслах стал бывший меньшевик и будущий профессор Московского нефтяного института Н.А. Сорокин.

В середине 1910-х годов Грозненский нефтяной район испытал подъем. Его доля в общероссийской добыче росла благодаря открытию Соленой балки и Ново-Грозненского нефтяного месторождения. Геологи фирм активно изучали прилегающие к Грозному хребты, закладывая разведочные скважины в Вознесенском, Датыхском, Гудермесском и др. районах. В 1913 — 1914 гг. был сделан первый заказ на оборудование для газолинового завода, был построен трубопровод Грозный — Петровск-порт, велось проектирование и изыскания для прокладки магистрали к Черному морю. Динамичного развития не могла остановить даже начавшаяся Первая мировая война, однако последовавшие революционные события и гражданскую войну нефтяной Грозный пережил с большими потерями.

В начале марта 1917 г. до Грозного дошли известия о крушении монархии в России. Жизнь демократизировалась, а вместе с этим обострились социальные, экономические и национальные противоречия, которые без твердой власти приводили к столкновениям. «С середины 1917 г., — вспоминал А.В. Иванов, — Грозный был ареной гражданской войны между большевиками и белыми и между горцами и русскими без различия партий» [1, л. 34]. Под воздействием Грозненского совдепа, рабочих комиссий и профсоюзов работа промыслов и заводов дезорганизовалась, приехавший в Грозный недоучившийся студент Н.А. Анисимов, на некоторое

время ставший председателем совдепа, призывал брать промыла в свои руки и не слушаться инженеров, доходило до призывов расправляться с последними [2, л. 159]. После победы социалистов (блока эсеров, части меньшевиков и дашнаков) на выборах в городскую думу в сентябре 1917 г. на промыслах был введен так называемый «рабочий контроль», который свелся к анархии и неподчинению администрации промыслов. Совдеп и подконтрольная ему городская дума принуждала владельцев и управляющих произвольно повышать зарплаты и выдавать дополнительные пособия. «Требования Совдепа стали выражаться в виде контрибуции на отдельных капиталистов, на нефтяные фирмы, конфискации сейфов и драгоценностей» [2, л. 159]. В этих условиях председатель Совета съезда нефтепромышленников Новогрозненского района и Грозненского гражданского комитета И.Н. Стрижов потребовал от Временного правительства установить «твердый порядок на промыслах» и «твердую власть, могущую уничтожить анархию и устранить самочинные действия и невозможные требования рабочих» [12, с. 196].

Масла в огонь вражды подливали воинские части, возвращавшиеся через Грозный с Закавказского фронта в Центральную Россию, и дезертиры. Воинские части, разложенные агитацией, не были боеспособны, а часто солдаты сами становились погромщиками или, не зная местных особенностей, провоцировали национальную вражду. В этих условиях Терское казачье войско выступало защитником промыслов, поскольку они находились на казачьих землях и с них казаки получали арендную плату. Противостояние казаков и Грозненского совдепа вскоре переросло в войну. Нерешенные земельные отношения между казаками и чеченцами порождали еще один очаг напряженности. В этих условиях «грел руки» и обыкновенный бандитизм, скрывающийся под маской социальных или национальных движений.

До ноября 1918 г. А.В. Иванов находился на Старых промыслах, где наиболее остро чувствовалось социальное противостояние. Некоторое время промысловый район был отрезан от города боевыми действиями. Два раза А.В. Иванов, который нес ответственность не только за промысловые дела, но и за рабочих и слу-

жащих фирмы, выезжал в Моздок, где находилось очередное правительство Терской области, чтобы привезти «денег и продовольствия». Вторая поездка пришлось на период наступательной операции красных частей М.К. Левандовского и инженер оказался отрезанным от Грозного линией фронта. Вместе с потоком беженцев, в котором было много инженеров, он добрался до Петровска, а затем и до Баку.

Вернулся он в Грозный в марте 1919 г., когда город был занят Добровольческой армией. А.В. Иванов занял должность коммерческого директора фирмы и переехал с промыслов в город.

Казалось, что жизнь войдет в нормальное русло. Восстановилось железнодорожное сообщение с Петровском и Ростовом, появилась хоть какая-то возможность вывозить нефть и нефтепродукты, которые скопились в городе. Однако и Деникинское правительство не смогло наладить нормальной работы. «Наоборот, — рассказывал А.В. Иванов, — Деникин объявил всю грозненскую нефть военным призом и требовал бесплатного снабжения армии нефтепродуктами. Получилось большое разочарование “добровольцами”. Спустя 3 — 4 месяца после прихода “добровольцев” последние разогнали городскую думу, поставили градоначальника и назначили сами гласных новой думы. Работа Особого Отдела или Охранки окончательно разочаровала интеллигентную часть общества» [2, л. 160 — 160 об.].

Тем не менее, А.В. Иванов, как и большинство инженеров, боялся оставаться в Грозном, когда в марте 1920 г. Добровольческая армия стала эвакуироваться, и уехал в Петровск, где скопилось большинство грозненских беженцев. В этот период возникла пауза, когда каждый из инженеров решал: либо ему двигаться дальше — в Баку и за границу, либо возвращаться. Но в это время в Петровск стали прибывать делегаты от грозненских рабочих с обещанием не применять к инженерам репрессий и просьбой вернуться на промысла и заводы. На общем собрании инженеры решили вернуться и «работать с Советской властью» [2, л. 161]. Из 300 инженеров, работавших на промыслах и заводах Грозного до революции, с новой властью стали сотрудничать не больше трех десятков.

У истоков «Грознефти»

28 апреля 1920 г. грозненская нефтяная промышленность была национализирована и до мая 1922 г. А.В. Иванов деятельно работал над созданием ее новой архитектуры. Сначала он был заведующим Промысловым отделом Грозненского центрального нефтяного управления (будущей «Грознефти») и руководил восстановлением промыслов (включая Вознесенский район), затем после трестирования стал техническим директором, заместителем управляющего трестом. «Все промыслы и заводы нужно было разбить на самостоятельные технико-хозяйственные группы и создать что-то новое, что можно было бы назвать национальным хозяйством» [2, л. 79].

Это было сложное время. Пока нужно было организовать отправку в промышленные районы накопившихся за время войн и революций нефтепродуктов. Боровшие в 1917 г. за повышение ставок большевики теперь дали указание «по мере налаживания снабжения рабочих ставки понижать» [13, л. 18 об.]. Распоряжения коллегии Центрального нефтяного управления отменялись распоряжениями Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), инженеров — промысловыми комиссарами или профсоюзом, в результате на производстве не было настоящего хозяина и руководителя. Работы получали не плановый, а авральный характер. Как сообщалось в одном из отчетов 1921 — 1922 гг., «истекшее полугодие прошло в нездоровой обстановке мелочных придирок РКИ, постоянной травле в местной газете, как самого Нефтеуправления, так и его руководителей, в натянутых отношениях с райком Союза горнорабочих, вообще в обстановке недружелюбного отношения всех правительственных и профессиональных учреждений, сильно мешавших нормальной работе и отрывавших ответственных работников Нефтеуправления от их специальной работы. В отношении всякого рода налогов и сборов следует отметить, что обилие их и размеры совершенно не соответствуют действительному финансовому состоянию Грозного» [14, л. 6]. В этих условиях и инженерство со скепсисом смотрело на новую власть, которая одной рукой разрушала то, что другой — создавала.

Однако работе сильно способствовала слаженная работа И.В. Косиора, возглавившего Грозненский нефтяной район, и

А.В. Иванова, стремившегося организовать и убедить инженерную массу, пока еще весьма немногочисленную, в необходимости честной работы. Он считал, что ему это удалось. Даже если инженеры и высказывались критически по отношению к новым порядкам, то это не мешало им выполнять свой долг честно и добросовестно. В результате за полтора года коллективными усилиями удалось организовать работоспособный нефтяной трест полного производственного цикла.

В мае 1922 г. «Грознефть» направила за границу представительную делегацию: коммерческого директора В.С. Поляка, технического директора А.В. Иванова, а для «присмотра» за ними И.В. Косиор отправил своего помощника С.П. Ананьина. Последний являлся главным распорядителем денег. Делегация должна была наладить сбыт нефтепродуктов и поставку оборудования и расходных материалов в Грозный, за последнее отвечал А.В. Иванов.

Целью поездки являлись Берлин и Лондон, выполнявшие в 1920-е годы роль основных экономических окон Советской России, там располагались важнейшие советские торгпредства. До ноября 1922 г. А.В. Иванов находился за границей, участвовал в переговорах о концессиях с крупнейшей грозненской фирмой «Шпис». В течение 1922 – 1924 гг. он еще два раза выезжал в длительные командировки. В тот момент именно такие «спецы», как А.В. Иванов, А.И. Манчо, А.Ф. Притула, А.Л. Зомбе и другие, имевшие большой технический опыт, положительную репутацию среди иностранных нефтяников и в то же время не имевшие связи с ВКП(б), «прорубали» окно в Европу для советской нефтяной промышленности. От И.В. Косиора А.В. Иванов имел задание пригласить вернуться в Грозный некоторых из уехавших инженеров и геологов или, по крайней мере, предложить им представлять «Грознефть» за границей. Так, в Лондоне техническим консультантом представительства «Грознефти» и советского торгового общества «Аркос» стал опытный буровик, знаток грозненских недр Э.К. Валлен. Постепенно удалось наладить поставки в Грозный некоторых, наиболее необходимых видов оборудования и материалов.

В феврале 1924 г. председатель Нефтесиндиката Г.И. Ломов предложил А.В. Иванову должность уполномоченного по торгов-

Участники всесоюзного совещания по охране недр. А.В. Иванов — в первом ряду второй слева, далее — И.Н. Стрижов, в центре на стуле — И.М. Губкин, ноябрь 1925 г., Москва

ле нефтепродуктами во Франции и Бельгии. Однако ОГПУ не дало семье Иванова разрешение на выезд и ему пришлось работать в Москве, в экспортном отделе Нефтесиндиката. Через четыре месяца он возглавил нефтяную секцию в Горном отделе Планово-экономического управления ВСНХ, которым руководил брат его революционного соратника Я.М. Свердлова — Вениамин.

В этот период как известный в отрасли инженер он вел большую организаторскую работу. Он являлся ученым секретарем Экспертной нефтепроводной комиссии Госплана СССР, которую возглавлял В.Г. Шухов. Комиссия должна была определить направления первых советских нефтепроводов на Северном Кавказе и в Закавказье. Также А.В. Иванов был секретарем оргкомитета Всероссийского совещания по вопросам охраны и рационального использования нефтяных недр, которое прошло в ноябре 1925 г.

В 1926 г. А.В. Иванов перешел в нефтяной директорат Главгортопа ВСНХ заведующим плановым сектором, а когда его ликвидировали, то стал куратором мелких трестов «Узбекнефть» и «Туркменнефть».

«Английский шпион»: история «преступления»

Казалось, что работа кипела. Он доказал Советской власти свое искреннее желание работать. Однако положение «буржуазного спеца» в новой России не было столь однозначным. Большевистское государство планировало отказаться от услуг «старых» инженеров и пыталось готовить им замену из среды рабочих и крестьян. Еще в июле 1923 г. Политбюро ВКП(б) признало «необходимым облегчить условия поступления в ВУЗы детей ответственных работников», но это касалось лишь партийной элиты. При регулярных чистках институтов, предписывалось особенно жестко их проводить в отношении «совслужащих и выходцев из буржуазных семей» [15, л. 32]. Детям инженеров не было места в советских институтах. Им приходилось искать различные способы.

Например, заведующий Научно-техническим бюро Совета нефтяной промышленности и профессор Московской горной академии Н.Н. Смирнов пошел по традиционному пути: попытался задействовать административный ресурс. Он просил походатайствовать И.М. Губкина, и тот, перечислив в огромной преамбуле письма все свои должности — от члена Госплана до директора сланцевой промышленности и члена ВКП(б) — просил приемную комиссию Московского университета «оказать всяческое содействие к допущению на физико-математический факультет дочери Инженера Н.Н. Смирнова Наталии Николаевны Смирновой». При этом будущий академик предупреждал, что кроме него «за Н.Н. Смирнова могли бы высказаться еще ряд виднейших товарищей близко знающих его по работе — как-то: т.т. Кржижановский, Красин, Чубаров, Смилга, Серебровский и проч.» [16, л. 179]. Дочь Н.Н. Смирнова поступила и стала нормальным советским геологом. Но И.М. Губкин мог и отказать, как отказал заведующему Щекинским каменноугольным бассейном Н.П. Блюменталю, сославшись на «правила Главпрофобра» [16, л. 197]. В 1924 г. этой проблемой озадачился известный геолог-нефтяник Н.Н. Тихонович, который также писал во все инстанции, моля о приеме своего сына Александра в институт. Имя Тихоновича еще было в почете и его сына приняли по квоте ЦК ВКП(б). Очевидно, А.В. Иванов не мог или не хотел идти по этому пути. Он отправил обоих

своих сыновей на учебу в Англию, куда для присмотра за ними уехала и его жена.

В 1925 г., получая визу для второго сына, в посольстве Великобритании он столкнулся с бывшим британским консулом на Кавказе Джоном Уэйтом (Weit), который как раз заведовал визами. Они были знакомы, хотя и шапочно, с 1913 г. по Грозному, где работало много англичан и куда приезжал дипломат. Как служащий англо-русской фирмы, А.В. Иванов должен был у него визировать доверенность от своего лондонского правления. В Москве знакомство между ними возобновилось и им пользовались некоторые из отъезжающих в Европу нефтяников. Ведь получение визы для советских служащих не было простым делом, посольства «буржуазных» государств тщательно рассматривали кандидатуры, отказывая многим членам ВКП(б), считая эту организацию экстремистской.

В период обострения взаимоотношений СССР и Великобритании в 1927 г. И.В. Сталин писал руководству ОГПУ, что «агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется, ... хорошо бы дать один-два показательных процесса по суду по линии английского шпионажа, дабы иметь официальный материал для использования в Англии и Европе» [17, с. 135]. Чекисты начали просеивать связи английских дипломатов. Письма А.В. Иванова жене стали вскрываться. Из них выяснилось, что инженер иногда пользовался услугами Уэйта для пересылки денег на содержание семьи. Дело в том, что в связи с валютными затруднениями, объем денежных переводов из СССР в Европу был строго лимитирован, дабы сохранять в стране валюту, а затем и вовсе запрещен. Оставлять семью без содержания А.В. Иванов не мог. В письмах В.Н. Иванова писала, что получила от жены Уэйта некоторую сумму. Воспользовавшись несколько раз услугами дипломата, А.В. Иванов выкрутился следующим образом: в Англии были найдены люди, имевшие родственников в СССР, они давали деньги родным Иванова, а он давал такую же сумму их родственникам в Москве. Однако вывод чекистов был однозначным: деньги от жены консула — оплата шпионских услуг. Больше того, в августе 1928 г. сотрудники ОГПУ писали: «Путем перлюстрации корреспонденции, поступающей на имя Иванова А.В. из-за границы, было установлено, что его жена, на-

ходящаяся в Лондоне, является передаточной инстанцией между Ивановым и Стрижовым и бывшими владельцами нефтепромыслов в СССР» [1, л. 7]. 20 октября 1928 г. вернувшийся из командировки в Среднюю Азию А.В. Иванов был арестован.

Следствие продолжалось до 5 июня 1929 г., а 1 июля Коллегия ОГПУ приговорила А.В. Иванова «к расстрелу с заменой заключением в концлагерь, сроком на десять лет» [1, л. 214].

Высшая мера наказания

А.В. Иванов стал одним из многих инженеров, попавших под каток сталинских репрессий. Как и большинство из своих собратьев по несчастью он должен был продолжить свою деятельность в заключении. Ему предстоял путь в уже знакомый край — Архангельск. Оттуда в начале июля 1929 г. отправлялась первая партия Ухтинской экспедиции ОГПУ, в которую и был включен один из пионеров освоения Европейского Севера России.

21 августа партия прибыла на Ухту, а 30 августа заместитель начальника экспедиции, студент-пятикурсник Московской горной академии Д.Л. Русанов и заключенный инженер А.В. Иванов были направлены на обследование недобуренной нефтепромышленником Гансбергом скважины № 2 [18, с. 70].

Чем детально занимался в экспедиции А.В. Иванов — неизвестно. Вскоре его отправили техноруком (техническим руководителем) разведки на Ярегу, где через некоторое время будет открыто крупное нефтяное месторождение. А в феврале 1930 г. оттуда своему сыну в далекий Лондон он писал: «У нас нет никаких признаков весны: глубокий снег и тайга, тайга без конца. Какая-то зимняя сказка без начала и без конца. Если бы не работа, то в ней можно одичать, сойти с ума или просто погибнуть. Живешь ради целей исследования этого таинственного края или по инерции. Очень много товарищей это страшно тяготит. Большинство работают как волю и не задумываются ни над чем. Но у каждого есть затаенное желание получить сокращение срока. А следовательно, теплится какая-то надежда. Над воротами дантовского ада была надпись “человек оставь надежду возвратиться”. Здесь нет ворот и надежда не оставлена» [2, л. 2 — 3].

Что творилось на душе инженера? Возможно, его терзали мрачные предчувствия. Своему сыну Виктору он сообщал: «Я крайне огорчен, что ничем не могу помочь тебе материально. Даже советы мои могут быть далеки от жизни и дойдут до тебя слишком поздно, или никогда. Я прохожу школу жизни и приобретаю ненужный мне опыт. И даже свой опыт передать никому не могу. Ты имеешь друга и мудрого советника в лице мамы, и едва ли она даст тебе дурной совет. Не отрывайся от русской жизни и аккуратно читай наши газеты» [2, л. 2]. Это напутствие не ушло, и сын его никогда не прочитал.

В далекой Москве на финишную прямую выходило дело о «вредительстве» в нефтяной промышленности СССР. Вместе с А.В. Ивановым под агентурную разработку попал и его шурин, старший директор нефтяной промышленности Главгортопа ВСНХ И.Н. Стрижов. К сожалению, в своих показаниях Иванов вынужден был оговорить его, и пока он создавал базу для освоения ухтинских месторождений, чекисты оформили большое дело, арестовав более 70 человек. К этому делу было решено приобщить и А.В. Иванова.

Его по запросу Экономического управления ОГПУ препроводили в Москву и 27 марта 1930 г. доставили в Бутырскую тюрьму. Все началось сначала, но теперь к «шпионажу» добавилось обвинение во «вредительстве».

18 марта 1931 г. 77 нефтяников были осуждены. Большинство было приговорено к расстрелу, но реально расстреляли лишь каждого десятого, в назидание другим. Среди расстрелянных был и А.В. Иванов. 25 марта 1931 г. в одном из подвалов ОГПУ его жизнь оборвала пуля.

В 1992 г. первый технический директор «Грознефти» был реабилитирован, но его имя до сих пор неизвестно историкам грозненской нефтяной промышленности.

Примечания:

1. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ). АСД Р-49379. Т. 1.
2. ЦА ФСБ. АСД Р-49379. Т. 9.
3. Егоров Ал. Я.М. Свердлов на Урале в 1905 г. // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. Кн. 42. — М.: Всесоюзное общество политка-торжан и ссыльно-поселенцев, 1928. С. 138 — 147.
4. Трофименко В.Г. Роль Канинской экспедиции 1912 г. в изучении северо-востока Европейской России // Современные научные исследования. Выпуск 1 / Под ред. П.М. Горева и В.В. Утемова. — Концепт. — 2013. (эл. ресурс. <http://e-koncept.ru/article/443>. Дата обращения — 28.05.2013).
5. Протокол заседания ТО ИРТО от 4 апреля 1909 г. // Труды ТО ИРТО. 1910. Вып. II. С. 92.
6. Протокол заседания ТО ИРТО от 20 мая 1909 г. // Труды ТО ИРТО. 1910. Вып. II. С. 102.
7. NN. Грозненские нефтяные промыслы (краткий обзор за 1 треть 1909 г.) // Нефтяное дело. 1909. № 11. С. 12.
8. Владимир Александрович Русанов. Статьи, лекции, письма. — М.-Л.: Изд-во Главсевморпути, 1945. — 428 с.
9. Телеграммы Санкт-Петербургского телеграфного агентства // Торгово-промышленная газета. 1911. № 220. 4 (17) октября. С. 2.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 8. Д. 527.
11. Канинская экспедиция 1912 г. (предварительный отчет начальника экспедиции А.В. Иванова) // Памятная книжка Архангельской губернии за 1914 г. — Архангельск, 1914. — С. 67 — 89.
12. Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 — март 1918 гг. — М.: «Патрия», 2007. — 520 с.
13. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 6880. Оп. 1. Д. 108.
14. РГАЭ. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 160.
15. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАС-ПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 417. (электронный ресурс: <http://sovdoc.rusarchives.ru>. Дата обращения — 2 июля 2013 г.)
16. РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 5. Д. 588.
17. Шифротелеграмма И.В. Сталина В.Р. Менжинскому о задачах ОГПУ // Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. — М.: МФД, 2003. — 912 с.
18. Нефть и газ Коми края: Сборник документов и материалов. — Сыктыв-кар: Коми книжное издательство, 1989. — 288 с.

«Грознефть»: истоки и первые шаги. Свидетельства очевидца

А.В. Иванов

От Редсовета: В октябре 2013 г. исполняется 120 лет грозненской нефтяной промышленности, которая ведет отсчет с момента первого нефтяного фонтана, полученного при бурении скважин фирмой «Ахвердов и Ко» 18 (6) октября 1893 г. Хотя литература о нефтяном Грозном довольно внушительна, но его история содержит еще много «белых пятен», неизвестных имен, а многие ее страницы нуждаются в переосмыслении.

Вниманию читателей предлагаются воспоминания первого технического директора «Грознефти» А.В. Иванова, которому управляющий Центральным управлением грозненскими нефтепромыслами и заводами (с 1923 — трест «Грознефть») И.В. Косиор¹ поручил создать первые государственные нефтепромыслы. Этот человек до сих пор оставался неизвестным не только широкой публике, но даже историкам грозненской нефтяной промышленности. Он был незаконно репрессирован и расстрелян в марте 1931 г.

Старший инженер и главный эксперт нефтяного директората Главгортопа ВСНХ СССР А.В. Иванов был арестован 20 октября 1928 г. сотрудниками контрразведывательного отдела ОГПУ. И публикуемые записи это — не рассказ пенсионера, вспоминающего свои трудовые будни, а показания, которые давал арестованный инженер в ходе следствия.

Из всего комплекса показаний нами выбраны лишь те, которые относятся к периоду, предшествующему национализации грозненской нефтяной промышленности, и первым годам становления крупного советского треста «Грознефть». Рассказ А.В. Иванова затрагивает малоизвестные страницы истории грозненской нефти. Он дает портретные зарисовки грозненских нефтяных деятелей и инженеров-нефтяников, оставшихся работать в Новой России, характеризует эволюцию их отношения к Советской власти.

Поскольку прямых улик, подтверждающих участие А.В. Иванова и других «спецов» в «контрреволюционной и шпионско-вредительской деятельности», у следователей не было, то Иванов, как и другие подсудимые, должен был по несколько раз возвращаться к описанию событий предшествующих национализации и произошедших сразу же после нее. Следователи, как интервьюеры, пыта-

лись лишь навести на интересовавшую их тему, а затем своими методами «подшлифовывали» рассказ. По этой причине публикуемые показания (а их четыре) хронологически не последовательны, а представляют собой отдельные, дополняющие друг друга рассказы, со своей внутренней хронологией.

При восприятии отрывков текста, где речь идет о якобы существовавшей в нефтяной промышленности «вредительской» организации, нужно помнить, что ее в реальности не было, а все признания — плод воздействия со стороны следствия.

Показания публикуются с некоторыми купюрами. В них сохраняется авторская стилистика, исправлены лишь явные опечатки и орфографические ошибки.

Публикацию подготовил Ю.В. Евдошенко.

А.В. Иванов, 1928 г. (ЦА ФСБ)

Показания Иванова А.В. от 22 ноября 1928 г., рукопись².

На Грозненские нефтяные промысла я приехал 1 января 1907 г. и остановился у своего родственника, брата жены³, Ивана Николаевича Стрижова, бывшего в то время управляющим промыслами и до-

веренным Правления Челекено-Дагестанского О-ва. Стрижов предложил мне место инженера на управляемых им промыслах и я начал изучать геологию района под его руководством, а эксплуатацию, бурение и все нефтяное хозяйство от рабочих, буровых мастеров и двух заведующих нефтяными участками — Николая Ивановича Родненского⁴ и Ивана Харлампиевича Михаловского⁵. Родненский был по образованию геологом, но по чистой геологии работал мало и увлекался бурением скважин.

Михаловский был без специального горного образования, но имел хорошую практику во всех видах нефтяного хозяйства. Родненский в настоящее время состоит техническим директором «Грознефти» <...> С момента моего отъезда в 1922 году границу я был с Родненским в близких дружеских отношениях; наши жены тоже дружили и мы часто бывали друг у друга. По своим

воззрениям Родненский был глубоко аполитичным человеком; он не был консерватором — монархистом, не был и социалистом. Родненский был сыном механика московского завода Бромлей и впитал в себя с детства любовь к производству и равные, добрые отношения к рабочим; таковым он остался, как я слышал, до самого последнего момента. На работе я его видел последний раз в 1925 году, когда был командирован Горным отделом ВСНХ СССР в Грозный по вопросам охраны нефтяных недр от затопления водой. Родненский был у меня в Москве в 1926 году перед отъездом в Америку <...> Родненский не является человеком широкой инициативы и новатором в нефтяном деле, ибо от природы он труслив и всегда не уверен в собственных силах, как и в благоприятном исходе той или другой реформы, но порученное ему дело выполняет добросовестно и аккуратно.

Михаловский, насколько мне известно, сейчас работает руководителем работ в Крыму, где Грознефть пока безрезультатно ведет разведочные работы двумя или тремя скважинами. Михаловский до сих пор остался беспартийным и, вероятно, также брюзжит на советское правительство, как недавно брюзжал на царское. <...>

Кроме поименованных двух лиц я был в дружеских отношениях с подрядчиком по бурению и буровым мастером Георгием Мартыновичем Фаниевым⁶, бурившим нефтяные скважины у Челекено-Дагестанского О-ва. Фаниев вышел в мастера из буровых рабочих и считался лучшим знатоком канатного бурения в Грозненском районе. Мы были знакомы семьями и изредка бывали друг у друга. Фаниева я видел на промыслах ежедневно и от него я заимствовал все тонкости бурового дела.

Первоначально я исполнял для Челекено-Дагестанского О-ва мелкие проекты, но потом мне уже поручали надзор за бурением отдельных скважин и работы по эксплуатации. Работать приходилось день и ночь, и я хорошо изучил Фаниева. Как большинство подрядчиков он любил деньги, но наживал их не притеснением и грубой эксплуатацией рабочих, а умелой постановкой бурового дела и быстротой бурения. Фаниев был аполитичен и беспартиен. Во время революции у него муниципализировали дачу в Кисловодске и текущий счет в банке. В настоящее время он работает в тре-

сте «Туркменнефть» в диком разведочном районе «Нефтедаг» в качестве бурового мастера. С 1919 года я с ним не виделся до августа сего года.

Встретил я его на обратном пути с Нефтедага на станции Джебель между вторым и третьим звонками моего поезда; мы успели обменяться только фразами о здоровье наших семей, и я узнал от Фаниева адрес его семьи в Баку, которую я навестил три раза в октябре с.г. на обратном пути из командировки по ревизии работы нефтепровода Хашури — Батум⁷.

Самым интересным человеком в Челекено-Дагестанском О-ве был его управляющий Иван Николаевич Стрижов. В своем лице он удачно сочетал глубокого ученого по естествознанию и геологии с прекрасным практиком по разведке и добыче золота, цинко-свинцовых руд, нефти и других полезных ископаемых; одновременно он был твердым администратором, который пользовался уважением рабочих и служащих. Вот уже двадцать лет спустя после моего знакомства с ним, Стрижов по преимуществу является нефтяным работником и человеком широкой инициативы. Свои идеи по созданию советской нефтяной промышленности он проводит с достойной уважения честностью и энергией. Из маленького Челекено-Дагестанского О-ва, где акционерами были известные миллионеры Глебов, Трубецкой и десятка два мелких акционеров, он создает крупное дело с увеличением земельного фонда и привлечением к делу Т-ва бр. Нобель. Когда я работал у Стрижова, Челекено-Дагестанское О-во было небольшое; добыча нефти в сутки колебалась от 5 до 7 тыс. пудов и только один раз при мне добыча поднялась до 9 тыс. пудов в сутки. По своим воззрениям Стрижов был к.д.⁸; но пульс политической жизни на промыслах и в Грозном бился слабо. В г. Грозном до самой революции не было газеты, и мы пользовались столичной прессой и газетами Баку и Владикавказа. <...>

В означенном обществе я проработал около одного года и 2 — 3 месяца и был приглашен помощником управляющего нефтяными промыслами о-ва «Казбекский Синдикат»⁹, на место уехавшего в Донбасс горн. инженера Анатолия Дмитриевича Воскресенского.

«Казбекский Синдикат» было по основному капиталу и по земельному фонду значительно солиднее Челекено-Дагестанского

О-ва, но по добыче оно было почти равно Челекено-Дагестанскому О-ву. Главным акционером общества был Немецкий банк (Deutsche Bank) и Правление было в Берлине. Общество имело городскую контору в г. Грозном, которая возглавлялась директором швейцарским подданным Эдуардом Богдановичем Тальманом.

Надо сказать, что, [еще] работая в Челекено-Дагестанском О-ве, я бывал довольно часто в Грозном, познакомился в клубе с инженерами других фирм и директорами их. К концу первого года жизни на промыслах я был избран членом Терского отделения б. Имп. [русского] технического общества, где я прочитал свои первые два доклада по нефтяному делу: «Об утилизации газа из скважин» и «О поршневом тартании нефти». Оба доклада в корне меняли вопросы эксплуатации и взгляды нефтяников на газ, как топливо. Меня называли фантазером и безусым мальчишкой в нефтяном деле. Я горел желанием доказать свою правоту и приглашение на роль фактического руководителя общества меня весьма устраивало.

Промысловым управляющим о-ва «Казбекский Синдикат» был Эмилий Карлович Отто, энциклопедист не только в нефтяном деле, но и вообще в технике. Он долгое время (около 20 лет) был управляющим промыслами бакинского миллионера Тагиева и других обществ. В Грозный он приехал «на покой» и охотно отдал мне управление промыслами. Он был социалист по убеждениям (что весьма редко среди нефтяников), любил новаторство и охотно помогал мне работать по рационализации нефтяного дела. Правление отпускало деньги и через несколько месяцев мои идеи о поршневом тартании и утилизации газа блестяще подтвердились. Все фирмы Грозненского района и крупные бакинские фирмы с лихорадочной поспешностью стали вводить указанные реформы. Поршневое тартание увеличивало в 2 - 3 раза продуктивность скважины, а утилизация газа из скважин сохраняла ежегодно у фирм несколько миллионов пудов сырой нефти, идущей на топливо¹⁰.

По приглашению Бакинского отделения [Императорского Русского] Техн. О-ва я прочитал в Баку доклады о своих работах и быстро приобрел известность в нефтяном мире. Во время работ по поршневому тартанию и газу я сделал ряд изобретений, получивших широкое распространение у нас и за границей: поршень и герметиче-

ский трап для добычи нефти, газовую форсунку, газовый трап, скруббер для очистки газа от вредных примесей и проч. Свои изобретения я никогда в жизни не патентовал согласно своим убеждениям. Следующей реформой у меня были вопросы борьбы с испарением нефти путем отбензинивания сырой нефти на промыслах перед перекачкой ее на нефтеперегонные заводы в город, замены пара двигателями внутреннего сгорания и электромоторами, введение новой конструкции бурильных станков и проч.

За время работы в «Казбекском Синдикате» я близко сошелся семьями с управляющим промыслами Отто, его секретарем и старым другом Петром Петровичем Жемчужниковым, ранее долгое время работавшем в Баку по нефтяному акцизу. Мы бывали друг у друга в гостях и вместе работали. Отто и Жемчужников пользовались среди нефтяников и инженеров глубоким уважением, как хорошие работники и бессребреники. Оба эти лица умерли во время гражданской войны от сыпного тифа.

С директорами нашей городской конторы Тальманом и Файвишевичем я был знаком официально и не вступал в близкие отношения по двум причинам: 1) между чистыми производственниками и коммерческими директорами, бухгалтерами и прочими служащими существует скрытая вражда, примерно как между кавалерией и пехотой, или между моряками и сухопутными войсками и 2) ходили слухи, что Тальман и Файвишевич «не чисты на руку». Последнее подтвердилось после ревизии нашей городской конторы ревизорами Немецкого банка. Оба директора были уволены. Тальман жил после в городе, как рантье, а Файвишевич сначала завел автомобильный гараж, потом выстроил деревообделочную фабрику, купил дома и заделался подрядчиком по крупным постройкам. В 1917 году Тальман уехал в Швейцарию, Файвишевич был «деклассирован» и, кажется, после долгих мытарств где-то служил в Москве, занимая скромное место.

В конце 1909 года, работая в «Казбекском Синдикате», я получил бурением первый крупный фонтан (скв. 1/99), давший 17 млн. пудов в течение года. Правление О-ва воспользовалось случаем и весьма выгодно продало все дело Ротшильду, интересы которого были представлены в Грозненском районе двумя фирмами — «Кас-

пийское Т-во» и «Русский Грозненский Стандарт». Обе фирмы имели при большом основном капитале малую добычу и покрывали свой дефицит скупкой нефти у грозненских фирм, переработкой нефти на собственном заводе в Грозном и торговлей продуктами перегонки. В методах работы фирмы Ротшильда были консервативны и не дали бы хода моей инициативе. Я ушел из О-ва и задумал наладить новые методы работы в Баку.

Я упустил из виду знакомство с одним иностранцем — Эдвином Ивановичем Валлэн. По крови он был англичанином, но родился и вырос на нефтяных промыслах в Канаде в семье рабочего и считал себя коренным американцем. Он с детства работал на нефтяных промыслах в Америке и как отличный буровой мастер был приглашен в Грозный фирмой Джеймса Мак-Гарвея, как бурильщик. Он работал в Грозном, кажется, с 1902 года, говорил, хотя плохо, порусски и во время моей службы в «Казбекском Синдикате» работал у меня в качестве заведывающего работами на участке № 39. Он женился на дочери вышеназванного Жемчужникова, с которым я был в приятельских отношениях. Моя жена и жена Валлэна — Ольга Петровна — были ровесницами, одинаковых вкусов и близко познакомились. Валлэн был любитель новизны в нефтяном деле и поэтому все реформы я прежде всего проводил на его участке. Участок № 39 скоро стал известен в нефтяных кругах, а вместе с ним приобрел популярность и Валлэн. От Джемса Мак-Гарвея он перешел в «Казбекский Синдикат» после смерти Мак-Гарвея. После моего отъезда в Баку он приблизительно только через год был приглашен Управляющим промыслами Северно-Кавказского О-ва, где директором Правления О-ва был Альберт Мак-Гарвей — брат Джемса Мак-Гарвея. В дальнейшем Валлэн, как блестящий бурильщик, развил добычу до большой высоты, и дело было куплено мировой группой «Шелл» (приблизительно в 1915 — 1916 году). Капиталы были английско-голландскими и контрольный пакет был у голландцев.

В 1915 году я открыл новый нефтяной район под названием «Соленая Балка» и получил в ней грандиозные фонтаны. Северно-Кавказское О-во приобрело в этом районе два участка по 10 десятин каждый. Валлэн начал бурить, сам руководя работами, и мы стали с

ним конкурентами на быстроту и тщательность работы. В течение трех лет наши отношения были натянуто официальными. Валлэн получил грандиозный фонтан, но он быстро стал обводняться и грозил затопить пласты Соленой Балки и тем самым погубить фонтаны О-ва, где я был управляющим. Как член Комиссии по охране недр¹¹ и как доверенный Петроградско-Грозненского О-ва я подал жалобу окружному инженеру на действия Сев.-Кав. О-ва, прося официального расследования причин заводнения скважины № 1/232 Северно-Кавказского О-ва. Дело получило скандальный оборот для Сев.-Кав. О-ва. Создались ряд комиссий из инженеров-нефтяников, и в результате двухмесячной работы фонтанная скважина № 1/232 была закрыта по постановлению Комиссии по охране недр. Суточный дебит этой скважины был около 500.000 пудов нефти, что при цене нефти по 40 коп. за пуд было весьма чувствительным ударом для Северно-Кавказского О-ва. Мы с Валлэн давно перестали бывать друг у друга, и среди английских фирм Грозненского района я перестал пользоваться репутацией «респектабельного» человека.

<...> Из Грозненского района я выехал с женой в конце 1909 года. В Баку я быстро получил ряд работ по устройству утилизации газа и по тампонажу скважин. Работал я в Московском О-ве¹², «Каспийском Т-ве»¹³, «Шрыро и Дембот». Дела мои шли хорошо, но летом 1910 года я неожиданно был арестован жандармами за участие в революции 1905 года в Свердловске, где я совместно с Яковом Свердловым выступал на митингах и был отправлен в Архангельск на два года.

В Архангельске я занялся изучением экономики Севера и техническими вопросами. Там по моему проекту, одобренному директором Московского трамвая инж. Поливановым, был построен городским самоуправлением трамвай в Архангельске. В Архангельске я познакомился с Г.И. Ломовым (Оппоковым) и жил на квартире два года. Ко мне приехала семья. Затем мой губернатор предложил мне построить поселок для русских и самоедских зверобоев на Новой Земле в Крестовой губе.

Летом 1911 года я в качестве начальника экспедиции выехал с Ломовым, математичкой Пулковской обсерватории Неуйминой, ра-

бочими на Новую Землю, где пробыл 6 месяцев, выполнив все поручения по постройке поселка, метеорологической станции и проч.

Я прошел пешком вместе с Ломовым поперек Новой Земли до Карского моря, составил геологическую карту, опись полезных ископаемых и выполнил ряд поручений Академии наук, Геолкома, Гидрографического управления и проч.

Летом 1912 года я составил экспедицию по поручению министра земледелия для обследования Канинского полуострова, Чешской губы и Тиманской тундры до реки Индиги на предмет отдачи всего этого края в концессию на 99 лет англичанам. В экспедицию вошли ссыльные большевики Ломов, Иевлев, Гром и другие. В течение 6 месяцев вся работа была выполнена, и мы представили в Министерство сводный доклад о нежелательности отдавать англичанам концессию.

В Архангельске у меня был следующий круг близких знакомых большевики: Ломов, Гром, Иевлев, муж и жена Гиммер-Сухановы; меньшевики: Трайтель, Цектилович; с-р¹⁴ — Тизенгаузен.

Осенью 1912 года я уехал в Ленинград, а оттуда по вызову И.Н. Стрижова — в Грозный, чтобы временно заменить тяжело заболевшего туберкулезом Г.М. Фаниева. У последнего я управлял бурением в течение нескольких месяцев и был в 1913 году приглашен управляющим промыслами вновь организованной Лианозовской группы. Последняя скупила промысла д.с.с. А.И. Путилова, наследников Максимова и Англо-Русского Максимовского О-ва. Первые два о-ва объединились в одно под названием Петроградско-Грозненского О-ва¹⁵, а в последнем Лианозовская группа имела большинство акций.

Новое дело имело в Грозном резервуары, но нефть отдавало на переработку заводу Владикавказской железной дороги, так что О-во вело только добычу нефти. Суточная добыча была около 13.000 пудов, а через два года мне удалось поднять ее до 56 тыс. пудов. В 1915 году мною открыт новый район — Соленая балка; в нем у Петроградско-Грозненск. О-ва было два участка по 10 десятин и у Северно-Кавказ. О-ва такое же количество десятин. Чтобы судить о богатстве и значении этого района достаточно сказать, что пробуренные мною скважины фонтанировали по 9 — 10 лет, причем

одна скважина дала около 150 милл. пудов нефти. Но бурение было весьма трудное, ибо скважины были глубиной свыше версты.

Городскими управляющими наших промыслов были поочередно: И.К. Ландер, М.С. Богдатын и Н.И. Шау. Ландер и Шау были английскими подданными, отцы коих обрусели и женились на русских. Ландер и Шау выехали при белых за границу, а Богдатын (кажется большевик) был расстрелян ВЧК в Москве за какие-то преступления по транспорту¹⁶.

В означенных обществах я оставался до национализации их управляющим промыслами и жил на Старых промыслах.

С середины 1917 года Грозный был ареной гражданской войны между большевиками и белыми и между горцами и русскими без различия партий. Летом 1919 года, когда последний директор Петроградского О-ва [Петроградско-Грозненского] Н. Шау выехал за границу, я переселился в Грозный и принял функции коммерческого директора. За управляющего на промыслах остался И.Н. Коханов — заведующий участком в Солёной Балке.

Летом 1918 года гражданская война достигла апогея: Грозный был осажден белыми, и Старые промысла были на 3 месяца отрезаны от города. По поручению рабочих я два раза доставал от Казачье-Крестьянского правительства в Моздоке провиант и деньги для рабочих, но второй раз был отрезан фронтом от промыслов и отступил до Чир-Юрта с белыми вместе со всеми инженерами промыслов. Вторично я отступал с добровольцами до Петровска-Порта¹⁷ вместе с инженерами и беженцами. Через 2 недели я вместе с семьёй и инженерами вернулся в Грозный, хотя имел полную возможность выехать в Баку и за границу. <...>

К моменту национализации [1920 г.] на промыслах и в городе оставалось весьма мало инженеров, буровых мастеров, буровых ключников, буровых рабочих, тартальщиков и квалифицированных специалистов и рабочих по металлу. В особенности было массовое бегство служащих, инженеров и рабочих после разгрома и сожжения Новых промыслов и систематических вооружённых разграблений жилищ служащих и рабочих Старых промыслов.

По предложению Коллегии Центрального нефтяного управления и его начальника командарма И.В. Косиора я занял пост Управляю-

щего Грозненскими и Вознесенскими промыслами, подобрал работников в Грозном и на местах и стал проводить и налаживать на практике национализацию промыслов и заводов. Дело было абсолютно новое; его надо было делать быстро, ибо каждый вопрос носил срочный, боевой характер. По приказанию т. Косиора я дал ему план работ на несколько месяцев вперед и наметил способы выполнения этого плана. По приказу Центра нужно было гнать все нефтепродукты изголодавшимся фабрикам и населению. На расчистку путей для налива цистерн, постройки новых путей и эстакад были брошены саперы и рабочие по воскресникам. Налив был налажен, и почти за одно лето было вывезено около 47 млн. пудов жидких грузов. <...> Недостаточную рабочую квалифицированную силу мы старались заменить отпускниками-красноармейцами, обучая их бурению и тартанию. Тартальщики вышли хорошие, но в буровых мастерах и рабочих ключниках мы чувствовали острую нужду до 1923-24 года. Бурение глубоких скважин в Новом районе и, в особенности, в Солёной балке пришлось отложить года на два, на три. Но мы интенсивно наладили старые фонтаны и пока обходились. <...>

На меня сыпались глухие, заглазные обвинения, что я сознательно не бурю на фонтанные пласты Солёной балки и Нового района¹⁸. Я неоднократно говорил т. Косиору, его заместителю т. Ганшину¹⁹, что бурить без риска испортить и затопить фонтанные пласты Солёной балки сейчас нельзя, ибо у нас нет сил в бурении и нет хороших буровых труб. Вопрос этот разбирался в Геолого-Технической комиссии по охране недр с представителем от центра известным геологом-партийцем профессором Д.В. Голубятниковым и другим геологом-партийцем профессором И.М. Губкиным. Кстати с И.М. Губкиным я знаком приблизительно с 1909 года; впоследствии он был геологом Правления Петроградско-Грозненского О-ва и консультировал мне бурение первой фонтанной скважины в Солёной балке. До 1920 года (т.е. до национализации) он прекрасно изучил геологию, условия бурения и все скважины и пласты Солёной балки. Его совет в Геолого-Технической комиссии был весьма ценным. Большинством 17 голосов против 5 было решено пока воздержаться от бурения в Солёной балке. Я со своей стороны всегда говорил Косиору, что в случае острой необходимости всегда можно

докончить бурением (десятка два-три сажен) пробуренную мной ранее скважину № 60 на участке Тапова Петрогр.-Грозн. О-ва. Действительно, вскоре после моего отъезда за границу (в июне 1922 года) скважина № 60 была углублена и из нее получен длительный фонтан с суточным дебитом в 60.000 пудов чистой нефти, а две другие глубокие скважины в Соленой балке, почти доведенные мной (до национализации) до фонтанного пласта, пробурены неудачно и нефти не получили (№ 56/137 и № 57/138).

Дисциплинированно и продуктивно на промыслах работали саперы и специалисты. Паек получали все одинаковый, но и те и другие не так отвыкли от систематической работы во время гражданской войны или вынужденного безделья в отрезанном от всех Грозненском районе.

Поднять трудовую дисциплину и производительность было основной боевой задачей. Я очень редко имел возможность влиять на рабочих (это делали партийцы), но среди специалистов вращался я всегда, ибо вопросы национализации были сложными и не сразу можно найти методы разрешения их. Мне все же удалось сплотить техников и инженеров на идее необходимости работать энергично и честно. Кадр техников и инженеров был небольшой и я почти всех их (за исключением армян бакинских фирм на Новых промыслах) знал хорошо. Были инженеры, которые быстро восприняли идею честно работать с большевиками, как мой помощник Роденский, управл. б. Петрогр.-Грозн. О-вом И. Коханов, братья Зомбе, Френкель и другие. Были лодыри, почти не желавшие работать, как Джалалов, Вайнштейн, были инертные, как Мошнин, Карк, Желиховский и проч.; были больные, как Комиссаров (сильно пил) <...> Но открыто никто не саботировал и в общей трудовой атмосфере все это тонуло и абсолютно не влияло на результаты работ. <...>

В 1921 году т. Косиор отправил за границу группу инженеров для продажи бензина и покупки материалов. Комиссия часть материалов купила в Тифлисе и Батуме и основную (в том числе и продукты питания) в Константинополе. За границу выехали инженеры: Притула²⁰, Зомбе А.Л.²¹, Джалалов²², Бондаренко, юрист Н. Лидский и партийцы Эр. Петр. Грибанов²³ (другого фамилию забыл). Притула, кажется, имел поручение достать профиль нефтепровода Грозный —

Поти и пощупать почву по привлечению капитала на постройку нефтепровода Грозный — Черное море²⁴. Вся комиссия вернулась кроме инж. Джалалова, который, по словам [членов] Комиссии, продавал бывшие нефтяные земли войска Терского. В общем, труды Комиссии были малопродуктивны и перед Правительством т. Косиор поставил две задачи, которые просил немедленно разрешить: организовать в Москве торговую контору для внешней и внутренней торговли и разрешить «Грознефти» экспортно-импортные операции, как за счет финансов Центра, так и денег, получаемых от возможной экспортной торговли «Грознефти». Центр разрешил и т. Косиор предложил мне (вернее всем отделам «Грознефти») в срочном порядке составить сметы на импортные товары для «Грознефти». Сметы были составлены, прокорректированы и подписаны т. Косиором. От последнего я имел распоряжение изменять сметы в зависимости от наличия товаров на рынках Европы, наличия денежных средств, цен на товары и прочее.

Тов. Косиором были назначены к поездке за границу три лица: помощник Косиора Сергей Петрович Ананьин (партиец), коммерческий директор «Грознефти» Вас. Солом. Поляк²⁵ и я, как технический директор и помначгрознефти. Ананьин должен был вести финансами и закупкой продуктов питания, обуви, белья, проз.²⁶ и спец. одежды; Поляк должен был продавать или следить за продажей нефтепродуктов «Грознефти» и вести всю коммерческую часть заказов и я должен был взять на себя выбор и заказ технических материалов, станков, двигателей, труб и проч. <...> В Москве мы должны были проконтролировать работу Московского представительства «Грознефти», во главе которого стоял партиец Эр.П. Грибанов и коммерческим директором был инж. Гусман.

В Москву мы выехали в мае 1922 года. Каждому были назначены суточные с момента переезда границы в размере шести фунтов стерлингов, оплата дороги и гостиниц. Наши семьи сохраняли квартиры (хотя никто в Грозном тогда не платил за квартиру) и право на получение жалованья от «Грознефти».

В каком состоянии остались промыслы и заводы Грознефти и вся постановка дела?

И в 1922 году, т.е. через два года после усиленной работы по восстановлению грозненской нефтяной промышленности, мы страшно нуждались в материалах и оборудовании, поэтому наша поездка была необходима и своевременна. За два года создалась надежная и работоспособная группа инженеров, на которых можно было оставить дело. Весь хлам отсортировался и был переведен на неотвественные работы. В достаточной мере была поднята дисциплина и производительность. В основных чертах дело могло идти вперед и развиваться по инерции. Ряд комиссий и ответственных лиц из Центра, посетивших за эти два года национализации Грозненский район, находили постановку дела прекрасной. Только в одном 1920 году были А.И. Рыков, Комиссия СТО под председательством Смильги²⁷, Комиссия Доссера и проч. В декабре 1920 года я повез в ВСНХ СССР председателю А.И. Рыкову²⁸ первые сметы и план работ на 1921-й год, которые вызвали у Рыкова и Ломова удивление в хорошей постановке дела. <...> Перебирая все поступки и дела в Грозном с момента национализации и отъезда за границу, я не могу в них найти злого умысла принести вред молодой национализированной промышленности, не могу найти саботажа или контрреволюции. Я знаю случай убийства инж. И.Н. Коханова, энергичного и честного работника, за требовательное отношение к своим подчиненным²⁹. В свое время «Грознефть» оценила Коханова, и портрет его висит в Правлении треста. А в 1922 году или 1921 моя работа протекала в неизмеримо более тяжелых условиях, и поэтому возникло самое дурное освещение поступков самых невинных по значению. <...>

Товарищу Р.И. Бредис, машинопись³⁰

Свержение самодержавия, образование Временного правительства и дальнейший развал на фронтах свалились на Грозненский район и его работников совершенно неожиданно. Мы все время работали почти в спокойной обстановке и со дня на день ожидали истощения Германии и полной победы союзников. Только в 1917 году начал остро чувствоваться недостаток в железе и продуктах питания. Первый революционный митинг на Старо-Грозненских промыслах собрал тысячи рабочих, служащих контор и инженерства. На этом митинге дол-

жен был выступить делегат Ленинградского [так!] Совета Депутатов студент Анисимов³¹. Анисимов отрекомендовал себя большевиком и в своей речи призывал к захвату промыслов в руки Совдепа, к недоверию специалистам и физическому истреблению инженеров и техников. Эта речь Анисимова произвела на нас громадное впечатление, и мы приняли ее как бред разгоряченного мозга. Совет Рабочих Депутатов за отсутствием идейных большевиков был образован из рабочих с.-р., с.-д.³² и просто революционно настроенных рабочих. Революционное настроение рабочих росло, росли требования к нефтяным фирмам и одновременно росло объединение контрреволюционных элементов в виде казачества, чеченцев, мецдан и торговцев г. Грозного. Требования Совдепа в Грозном встречали отпор в вооруженной самообороне г. Грозного и прилегающей станицы Грозненской. К Совдепу примкнули два революционных полка солдат, возвращающихся с Кавказского фронта. Требования Совдепа стали выражаться в виде контрибуции на отдельных капиталистов, на нефтяные фирмы, конфискации сейфов и драгоценностей.

Наступили массовые аресты торговцев и аресты отдельных богатых директоров фирм. Положение обострилось с Чечней на почве конфискации товаров из магазинов чеченских купцов в Грозном и требований от аулов Чечни продовольствия для Грозного. Армия, возвращавшаяся с Кавказского фронта через Тифлис — Баку — Грозный, или за бесценно продавала лезгинам и чеченцам оружие или вступала с последними в бой и громила чеченские аулы. Чеченцы разрушили путь от Грозного до Хосав-Юрта (в сторону Петровска) и до Беслана (в сторону Ростова н/Д). Вскоре Чечня объявила Газават (священную войну против христиан), но по существу он был направлен против большевиков под влиянием мулл и видной чеченской плутократии.

До двадцати тысяч чеченцев обложили город Грозный и требовали удаления из него двух полков солдат. Полки были удалены. Образовался во Владикавказе Народный Совет из представителей рабочих, казаков, чеченцев, ингушей, осетин и представителей городов³³. Совет стал выпускать деньги и издавать декреты для всей Терской области. Но жизнь в Грозном и на промыслах шла своим порядком помимо декретов Народного Совета.

Работы на промыслах были сокращены не менее как на 90 % за отсутствием сбыта нефти. Поддерживали на промыслах только отопление и освещение квартир. Кассы нефтяных фирм были пусты. В банках у фирм числились деньги, но денежных знаков не было. Каждая фирма начала выпускать чеки, акцентованные банками. Текущие счета были быстро исчерпаны, и Народный Совет через Совдеп взял на себя выплату жалования рабочим и служащим Грозненского района.

Летом 1918 года горные аулы Чечни напали на промысла Ново-Грозненского района, разгромили квартиры, зажгли дома, вышки, резервуары с нефтью и 13 фонтанов. Фонтаны горели один год и пять месяцев. Среди горожан и промыслового населения началась паника. Рабочие бросали заводы и фабрики. Совдеп выпустил воззвание покинуть рабочим промыслы. Началось паническое бегство с промыслов и из Грозного. Распространились слухи о том, что Чечня нападет на Грозный и на Старый район. Город был обнесен колючей проволокой и по ней был пущен ток в две тысячи вольт.

Какова же была психология инженеров и представителей фирм?

Большинство директоров и иностранцев всякими способами уходили, кто за границу, кто в Баку, а кто на Минеральные воды. В Грозном из представителей фирм осталось несколько человек. На промыслах осталось все инженерство, кроме иностранных инженеров. Денег не было, и бежать некуда.

Об остальной России ходили самые противоречивые слухи. Были слухи о Махно, смене правительств на Украине, жестокостях большевиков и прочее. Весь 1918 год мы жили слухами. Появился слух о Добровольческом движении, о росте Добровольческой армии и о порядке, который она водворяет в жизнь. У всех появилась надежда куда-нибудь вырваться из Грозненского тупика, и хоть как-нибудь перейти к нормальной работе. Из опыта сотрудничества с доморощенными грозненскими большевиками у всего инженерства появилось отрицательное отношение к Советской власти. Кроме разрушения мы не видели никакой созидательной работы.

Летом же 1918 года Грозненский Совдеп потребовал разоружения станицы Грозненской, опасаясь, что последняя нападет первая

на Совдеп. Разгорелась кровопролитная гражданская война, продолжавшаяся 90 дней.

Под напором армии Левандовского казаки сняли осаду города. Часть инженерства и рабочих, работавших по прокладке нефтепровода Грозный — Тепловодная, была отрезана и захвачена отступавшими казаками от грозненских промыслов. Казаки отступили на Петровск-Порт, а с ними и все беженцы до 4000 — 5000 человек. Инженерство вернулось на промыслы при Добровольческой армии.

В период 1918 года в Грозном находились очень немногие представители фирм:

1) от Челекено-Дагестанского О-ва — Стрижов Иван Николаевич; 2) от О-ва Репид — Родненский Николай Иванович и Борисевич Василий Константинович³⁴; 3) от Англо-Русского Максим. О-ва и Петроградско-Грозненского — Шау Николай Иосифович; 4) все управляющие промыслами Старо-Грозненского района.

В период господства Добровольческой армии в Грозный приехали почти все представители фирм: Джакомелли, Поляк, Валлэн, Вильям Болтон, Беккер, Сангурский, Ландер и другие.

В начале своей деятельности «добровольцы» восстановили железную дорогу до Хосав-Юрта и Беслана. Получился хотя слабый, но все же выход грозненской нефти на Каспийское море и на ростовское направление. Горящие фонтаны в Ново-Грозненском районе были потушены. Но работы не получили должного развития из-за отсутствия сбыта. Резервуары и земляные амбары Грозненского района были переполнены нефтепродуктами до отказа; суточная добыча одних только фонтанов была равна одному миллиону пудов. Расчеты рабочих и служащих не производились. Были надежды на расширение рынка. Снабжение промыслов материалами отсутствовало.

Нефтепромышленники пошли по линии наименьшего сопротивления: ссуды от Особого Сопровождения при Деникине и неуплата по пудного и долевого отчисления Терскому войску и частным владельцам, на землях которых были расположены промысла. От Особого Сопровождения ссуд получить не удалось. Наоборот Деникин объявил всю грозненскую нефть военным призом и требовал бесплатного снабжения армии нефтепродуктами. Получилось большое разочаро-

вание «добровольцами». Спустя 3 – 4 месяца после прихода «добровольцев» последние разогнали городскую думу, поставили градоначальника и назначили сами гласных новой думы. Работа Особого Отдела, или Охранки, окончательно разочаровала интеллигентную часть общества. В целях сохранения имущества промыслов от бесцельных реквизиций, для единообразного и правильного распределения продовольствия и денежных сумм среди рабочих и служащих на промыслах были время от времени собрания управляющих промыслами Старо-Грозненского района. Представители промысловых управляющих (я, Раус и Дабелл) часто являлись в Совет нефтепромышленников в Грозный с разными требованиями и претензиями для грозненских рабочих. Здесь в текущей повседневной работе я постепенно познакомился и изучил воззрения и характер директоров нефтяных грозненских промыслов. Особой непримиримостью к требованиям рабочих отличались: 1) Беккер – директор о-ва «Ахвердов и Ко», 2) Преслер – директор о-ва «Шпис» и 3) Джалалов – директор о-ва бр. Цатуровых. Расчетливостью и скупостью отличались: 1) Стрижов – директор Челекено-Дагестанского О-ва, 2) Поляк – директор О-ва «Мазут», 3) Джакомелли – директор О-ва «Русский Грозненский Стандарт».

В период «добровольцев», в особенности, когда Деникин начал отступать, среди директоров, служащих городских контор появилась и развилась до колоссальных размеров спекуляция сырой нефтью, главным образом, керосином, который отправлялся в бидонах, за отсутствием цистерн, на ближайшие рынки Кубани и Украины. Ходили слухи, что быстро наживались целые состояния. Почти все директора фирм, за исключением Стрижова и Беккера, занимались этой спекуляцией. Разочарование в успехах Добровольческой армии проходило быстро, и люди запасались валютой, кто на черный день, а кто для побега за границу. Насколько мне известно, никто из промысловых инженеров, техников и управляющих промыслами спекуляцией не занимались и, действительно, когда волна отступления докатилась до Грозного, то большинство директоров фирм и иностранцев не осталось в Грозном. Убегали так таинственно и быстро, что управляющим промыслов не оставляли ни доверенностей, ни директив, ни денег в кассах. Как и в 1918 году грозненские ра-

бочие, служащие городских контор и инженерство остались большей частью без средств. Я знаю, что в момент национализации промыслов только Северно-Кавказское О-во и О-во «Мазут» сдали большевикам крупные деньги. И то О-во «Мазут» получило их уже при большевиках от своих районных торговых складов. Инженеры снова были брошены хозяевами на произвол судьбы и снова очутились перед разбитым корытом и перед неизвестностью в ближайшем будущем.

«Усмирительная» политика «добровольцев», выразившаяся в разгроме аулов Чечни, Ингушетии и Осетии, вызвала со стороны соседней нам Чечни непрерывный ряд набегов на промысла. Чеченцы громили промысловые поселки, квартиры инженеров Старого района, грабили пожитки, деньги и скот. Разгромы носили массовый характер и в Грозном. И не только на окраинах, но и в центре города. Все чувствовали и знали, что с уходом последних частей Добровольческой армии возможен разгром и промыслов и города. Паника создала новую волну беженцев среди рабочих и технического персонала. Промысловые инженеры почти все целиком вместе с семьями поехали в Петровск-Порт и Баку.

Я был с семьей только в Петровске. Он был забит беженцами до отказа. Ряд пароходов приехал из Баку за беженцами. Армия захватила ранее вооруженные англичанами пароходы. Я с семьей достал каюту на пароходе «Роберт Нобель» и хотел выехать в Энзели. Пароход быстро набился инженерами и служащими. Стоял он в порту дней 5 — 7. За это время среди беженцев распространились слухи и прокламации большевиков, приглашавших граждан вернуться обратно в Грозный. Обещалось Учредительное собрание, забвение террора, мирное строительство и прочее. Из Грозного появилась делегация рабочих, просивших вернуться инженеров обратно на промысла.

Среди инженеров было устроено собрание и было решено вернуться на промысла и работать с Советской властью. Я решил вернуться вместе с семьей.

В Грозный я приехал 25 марта 1920 года и вступил в отправление обязанностей городского директора и управляющего промыслами. В этой должности я, как и другие директора, оставались до 30 апре-

ля 1920 года, т.е. до момента национализации промыслов. Весь технический аппарат промыслов и заводов был взят на учет, как в прифронтной полосе, и все мы получили учетные военные билеты. Покинуть Грозный без разрешения властей мы не имели права³⁵.

Для управления нефтяными промыслами и заводами было создано «Центральное Нефтяное Управление грозненскими промыслами и заводами», во главе со специальной Коллегией из Москвы и председателем Коллегии командармом И.В. Косиором. Спустя короткое время я был назначен управляющим Грозненскими и Вознесенскими промыслами и заводами, а впоследствии (при образовании треста «Грознефть») техническим директором и помощником начальника «Грознефти». В этой должности я оставался до 1924 года, когда перешел на службу в Нефтесиндикат и ВСНХ СССР.

Работа на промыслах закипела и происходила при самых приемлемых для всего инженерства формах. Правда, мы испытывали острую нужду в деньгах. Деньги были обесценены. Весь 1920 и 1921 год приходилось нашим женам стоять на базаре и выменивать за белье, ковры, одежду и обстановку продукты питания. Но это делалось всеми, и все видели, что день ото дня становилось жить легче.

В течение первого года инженерская братия приглядывалась к большевикам. Но нас оставляли в покое; требовали добросовестную работу, инициативу в деле и преданность делу. Слухи о лояльном отношении большевиков к инженерству проник далеко и в Грозный постепенно стекались беженцы. Правда, их было немного, но все же были.

Летом 1920 года приехал и В.С. Поляк (кажется из Баку). Приехали Джалалов, Вайнштейн, Домшлак и другие. К осени 1920 года я припоминаю следующих лиц, ранее работавших в грозненских фирмах: 1) О-во «Мазут» - директор В.С. Поляк, директор И.К. Джакомелли; 2) О-во «Рус. Грозн. Стандарт» — техн. директор Н.А. Мошнин; упр. промысл. Н.Г. Растрепин; доверенный Ф.М. Сангурский; 3) «Т-во бр. Нобель» — районный управляющий торговыми операциями П.Л. Домшлак; 4) техн. упр. бурением о-ва «Рapid» Н.И. Родненский; 5) доверенный и акционер О-ва «Бр. Цатуровы» - В.Г. Джалалов; упр. промыслами бр. Цатуро-

вых — Б.М. Сажин³⁶; 6) директор Т-ва «Русская Нефть» — Н.В. Френкель; упр. промыслами того же О-ва — Таумин; 7) упр. промыслами Московского О-ва — В.А. Дроздовский; 8) упр. промыслами Челекено-Дагестанского О-ва — Десятов. Директоры и управляющие промыслами Северно-Кавказского О-ва, О-ва Ахвердова, О-ва «Шпис» и ряда промыслов Ново-Грозненского района выехали из Грозного, главным образом за границу.

Самыми крупными фирмами в Грозном были: «Шпис», «Ахвердов», Северно-Кавказское, Петроградско-Грозненское и по торговым операциям — «Нобель», «Мазут», «Русский [Грозненский] Стандарт». В группу «Шелл» входили: Сев.-Кавказское О-во, «Русский [Грозненский] Стандарт», «Мазут», Московское О-во и Каспийско-Черноморское О-во. Из группы «Шелл» в Грозном остались: 1) Полляк, Сангурский, Джакомели — это коммерческая часть. Из технической части — Мошнин, Фреу Н.Л. (геолог), Растрепин, Дроздовский. В группу «Нобель» входили: Челекено-Дагестанское О-во, О-во «Колхида» (Вознесенские промысла) и О-во для бурения скважин «Рапид». В Грозном остались только Родненский из «Рапида» и Десятов из Челекено-Дагестанского О-ва. От «Ахвердова», «Шпис» и Сев.-Кав. О-ва — никого не осталось. В Лианозовскую группу входили: Англо-Русское [Максимовское] О-во, Петроградско-Грозненское и Нефтепромышленно-Разведочное. От этой группы остался управляющий промыслами (я) и один участковый заведующий Коханов.

Инженеры фирм Ново-Грозненского района мне мало знакомы по своим группировкам, ибо они обосновались недавно с мелкими капиталами из Баку. Из Ново-Грозненских инженеров я при национализации познакомился с Джалаловым В.Г., Хандомировым И.Т., Мкртчяном, Бабуковым, Комиссаровым Д.И., но кроме Джалалова я позабыл сейчас, в каких фирмах они работали до революции.

Всех инженеров, работавших на грозненских промыслах и заводах, было в дореволюционное время около 300 человек и 276 из них состояло членами Терского Отделения [Императорского Русского] Техн. О-ва. В момент же национализации их осталось не более двух десятков.

Иванов А.В., 9 апреля 1930 г.

Товарищу Р.И. Бредис, [рукопись]³⁷

Из моего показания от 9 апреля 1930 г. видно, что наиболее полно представлена была в Грозном группа «Шелл». Наиболее видным из этой группы был В.С. Поляк, человек образованный, политически развитый, умный, осторожный и деловой. Вокруг него группировалась не только оставшаяся часть группы «Шелл», но и хорошие его знакомые, как П.Л. Домшлак из группы «Нобель». Особняком стоял Френкель и Таумин из Русского Т-ва «Нефть». Таумин работал на промыслах Ново-Грозненского района и возвращался только ночью домой, а Френкель, как страстный любитель винта, пропадал целые вечера в компании Лидского Наума Исааковича и, кажется, Вайнштейна. Но и служащие группы «Шелл» делились на два лагеря: техников и коммерсантов; оба лагеря, как и во всех фирмах, тайно недолюбливали друг друга. От своего хорошего знакомого В.А. Дроздовского я слышал, что он дружил с Фреу и Мошниним и никогда не бывал в гостях у Поляка. То же самое я слышал и от Мошнина. Таким образом, круг близких к Поляку лиц ограничивался Джакомелли, Сангурским, Мехтейс (последний приехал в Грозный вместе с нефтяным комитетом из Москвы и первое время занимал, кажется, должность секретаря Коллегии).

Феликса Михайловича Сангурского я знаю с 1907 года, когда он был заведывающим конторой на участке № 39 О-ва «Казбекский Синдикат». В этом обществе я служил первоначально в качестве помощника управляющего промыслами и изредка встречался с Сангурским. «Казбекский Синдикат» в 1910 году был приобретен «Русским [Грозненским] Стандартом» и вскоре Сангурский перешел в «Стандарт» на должность приемщика нефти от других фирм, продававших «Стандарту» свои продукты. В «Стандарте» Сангурский постепенно выдвинулся, в последние годы перед революцией он занимал пост доверенного О-ва по отдельным коммерческим операциям. В 1917 году (если я не ошибаюсь) он был выбран гласным Городской Думы от партии к.-д. Поляк тоже был, как будто, членом к.-д. партии. По переезде Сангурского в Грозный я упустил его из виду и до самого последнего времени поддерживал с ним шапочное знакомство. В 1920 году Коссиор послал Сангурского предста-

вителем в Ростов н/Дону и он был одним из самых толковых и энергичных поставщиков материалов для «Грознефти». По делам «Грознефти» я часто приезжал в Грозный. В 1923 году я с ним встретился в Берлине, куда он приехал для производства «нефте-синдикатских» операций и как компетентное в финансовых вопросах лицо при закупке импортного оборудования для «Грознефти». В эту же поездку за границу я сдал ему все заказы в Англии и уехал сам в Москву. При поездке моей в Грозный в 1925 году я встретил его в Грозном, где он работал или в Торговом отделе «Грознефти», или в Грозненском отделении Нефтесиндиката. В коммерческих делах он был человек ловкий, прижимистый, изворотливый и большой комбинатор. Дурного в его поступках за границей я ничего не слышал. Кроме Берлина, Голландии (Роттердама) и Англии при мне он в других странах не был. Я не слышал, чтобы он виделся с кем-либо из прежних директоров группы «Шелл».

Джакомелли Ивана Кирияковича я знал по деятельности в Совете нефтепромышленников Терской области³⁸. По выезде из Грозного в 1922 году я его больше не встречал. Мне передавали, что он, Мошнин и Дроздовский теперь умерли. Кажется, Мошнин умер в 1924 году, а Джакомелли - в 1925 или 1926 году. К 1929 году из группы «Шелл» оставался в Грозном, насколько мне известно, только один Сангурский. Геолог Фреу, как французский подданный, репатриировался в 1920 или 1921 году.

В.С. Поляк в «Грознефти» быстро занял должность коммерческого директора и сплотил вокруг себя конторский и служебный персонал. С Поляк я никогда не был в близких отношениях и за все время моего и его пребывания в Грозном мы не бывали друг у друга в гостях. Не знакомы были и наши жены. Отношения с Косиором у Поляка были хорошие, и Косиор бывал у него в гостях.

Вокруг меня группировалась инженерная часть чистых производителей, с которыми мне приходилось часто встречаться. Моим помощником и заместителем был Н.И. Родненский, с которым я поддерживал семейное знакомство.

Из Грозного я выехал вместе с Поляк за границу, причем «Грознефтью» и Нефтесиндикатом он был уполномочен для торговых и расчетных операций за проданный Берлинским торгпредством и

«Аркосом»³⁹ бензин. За границей я сталкивался с Поляк большей частью в отеле, чем в торгпредствах. По делу технического снабжения «Грознефти» мне постоянно приходилось бывать на десятках заводов Германии и Англии, а Поляк вел торговые операции главным образом в конторах Нефтесиндиката. Почти безотлучно находился при Поляке распорядитель кредитов, доверенный «Грознефти» С.П. Ананьин.

За границей я не слышал, чтобы Поляк встречался с кем-либо из бывших директоров или хозяев «Мазута», «Стандарта» или других обществ, входящих в группу «Шелл». Только позднее, как я показывал ранее, я слышал в Москве, что Поляк при поездке за границу в 1925 или 26 году встречался в Париже с бывшим владельцем О-ва «Мазут» Поляк, своим дальним родственником⁴⁰. Как слух же я слышал, что подбор служащих (районных управляющих) Нефтесиндиката производится из числа бывших служащих О-ва «Мазут». За исключением Джалалова Поляк в Грозненском районе в период Советской власти был единственной крупной фигурой, способной по своим данным делать нефтяную промышленную политику, ибо наиболее полно знал мировую нефтяную конъюнктуру.

Наиболее хитрым и ловким и абсолютно беспринципным из всех грозненских директоров был Джалалов, уехавший за границу, кажется, в 1920 или 1921 году. Он сплотил вокруг себя всех служащих бывших мелких армянских фирм, и они смотрели на него, как на бога. Он остался за границей и, конечно, никогда не вернется в СССР.

Колоритную фигуру представлял в Грозном юрисконсульт Грознефти Наум Исаакович Лидский⁴¹. Большой любитель карт, женщин и вина, он одновременно был ловким коммерсантом. Ходили упорные слухи, что до революции он заработал хорошие деньги на спекуляции нефтяными заявками в Ново-Грозненском районе и подвизался с очень беспринципным молодым Пароньяном в «Каспийском Т-ве». Вместе с Джалаловым он был командирован «Грознефтью» в Константинополь для импортных операций, а оттуда пробрался в Париж, где и виделся, по словам покойного инженера Ал. Львовича Зомбе, со своими хозяевами Гукасовыми. Ходили слухи, что от Гукасовых он получил небольшую сумму денег за свои преж-

ние заслуги в «Каспийском Товариществе». Нам, грозненцам, по приезду он без конца рассказывал о прелестях парижских кабаре и похождениях в них. Где в данное время Лидский, я не знаю и не помню, когда я видел его в последний раз. Большим весом среди грозненских инженеров он не пользовался, как человек легкомысленный и экспансивный, но и среди друзей Советской власти он никогда и никем не считался.

Грозненские инженеры с большим трудом воспринимали принципы Советской власти после кошмарных переживаний 1917 — 1919 годов. Аполитичные и косные в общественных делах они по длительной инерции тяготели к старым порядкам, к размеренному, спокойному, обеспеченному труду. Веры в возможность более продуктивной работы при национальном нефтяном хозяйстве у большинства не было.

Ярым апологетом национализации был член Коллегии А.А. Шибинский⁴², геолог Линдтроп⁴³, позднее - И.Н. Стрижов. Я сначала смотрел на национализацию, как на величайший опыт, но в душе я долго не верил в успех этого опыта. Большое впечатление на меня производила неиссякаемая вера и энергия Косиора и Шибинского.

При поездке в Москву со сметами на 20/21 операционный год я встретил среди Центрального нефтяного комитета двух лиц энергично работавших для национализации: Доссера⁴⁴ и инж. Смирнова⁴⁵. Энергично работали Стрижов и Истомин⁴⁶, но, как я думаю, они значительно позже пришли к выводу о рациональности создания национального нефтяного хозяйства.

В Москве же я познакомился с отцом горн. инж. Сажина, женатым на сестре Веры Фигнер⁴⁷, и имел с ним и с Фигнер две продолжительных беседы о необходимости и желательности работы с Советской властью. Эти беседы произвели на меня глубокое впечатление своей искренностью и правдивостью. Я решил все силы отдать национальной нефтяной промышленности и больше уже не колебался.

Большое влияние на инженерство имел Косиор своим необыкновенным тактом, широтой размаха и неизменным внимательным отношением к текущим нуждам и горестям инженеров и рабочих. Отсутствие формализма и бюрократизма, развившихся позднее в урод-

ливые формы, делали работу приятной и творческой. Мы все работали как ломовые лошади и не замечали трудности работы. С ликвидацией врангелевского фронта не осталось никакой надежды на реставрацию промыслов в прежних хозяйских формах. А впоследствии с американизацией промыслов по последнему слову техники от старых предприятий просто не осталось никакого годного в дело имущества. Старое инженерство в «Грознефти» повymiрало или разъехалось и порвало связь с Грозным, а сотни новых инженеров «Грознефти» не имели у себя ни традиций района, ни связи с бывшими владельцами.

Я получил большую обиду в виде недоверия к моей лояльности, когда мне отказали в 1924 году в выезде моей семьи за границу к месту моей службы, когда большинство ответственных работников трестов и торгпредств имели свои семьи за границей. Я порвал с «Грознефтью» и перешел на службу в ВСНХ, задержавшись на короткое время в Нефтьсиндикате. За все время работы в «Грознефти» и ВСНХ я не имел ни от какого начальства не только выговора, но и намека на упрек. Мой арест в 1928 году разразился надо мной, как удар грома. Но об этом в другой раз.

А. Иванов. 9 апреля 1930 г.

В К.Р.О.⁴⁸, рукопись

В предыдущих показаниях я уже писал, что мы, грозненцы, не знали «медового» месяца свобод и революций. Революция к нам пришла почти сразу в виде обострения классовой борьбы, национальной вражды и гражданской войны. К концу 1917 года в Грозном шла словесная война между Гражданским комитетом, имевшим целью охрану «свобод» и декретов Временного Правительства и между Советом рабочих и казачьих депутатов, ставивших во весь рост проблему захвата власти пролетариатом и социальной революции.

Мое отношение к участию в революционных событиях было колеблющимся. Еще после 1905 года я решил никогда в жизни не заниматься политикой. Я глубоко разочаровался в творчестве революции массами. На Урале вся революция 1905 года разбилась о глухую стену невежественного крестьянства и полурбочего-полукрестья-

янина собственника, так называемого заводского уральского мастерового. Лозунги вооруженного восстания и защиты завоеванных свобод с оружием в руках не находили отклика в массах. Только небольшая группа революционеров-энтузиастов ушла в горы и леса с оружием в руках и одиноко погибла с оружием в руках. Но ни пролетариат, ни крестьянство Урала их не поддержали. А уральские заводы существовали со времен Петра Великого, и за этот срок могло сложиться определенное классовое самосознание.

По убеждениям я оставался социалистом, но не примыкал ни к одной партии. С другой стороны горное нефтяное дело увлекло меня. Капитал в нефтяном деле имел прибыль не с эксплуатации рабочих, как это есть на угле, а за счет богатства земных недр, за счет фонтанов, т.е. за счет ренты в ее особом виде в приложении к нефти. Отчасти меня пугала потеря материального благополучия. Я не умею по натуре дело делать на половину или взяться за дело и не кончить его. Революции нужно было отдаться целиком. Нужно быть инициативным и что-то создавать новое. Для создания нового у меня не было ни теоретического багажа, ни богатого революционного стажа и опыта. Чтобы бросить все старое, нужно было гражданское мужество потерять все материальные удобства, воспитание детей и технику. Я любил тогда две вещи: семью и технику. И не знаю, что больше. В технике можно было творить и немедленно видеть результаты: на твоих глазах росли промысла, заводы, увеличивались рабочие; жизнь была ключом и не было предела развитию техники. Партия сковывала человека по рукам и ногам. Быть маленьким работником было не в моем характере, а быть большим — не было данных. Я по натуре не честолюбив, но люблю широкий размах дела, люблю творчество, инициативу. Меня не интересовала никогда нажива: я в жизни не имел ни акции, не занимался спекуляцией на нефтяных землях (хотя с открытием мной Соленой Балки я имел полную возможность захватить в ней лучшие земли и в течение двух лет стать крупным миллионером), не хотел денег, никогда не имел собственности, кроме книг, костюмов и необходимой мебели. Я не был белоручкой и всю жизнь создал собственным трудом и знаниями. Я не был по воспитанию и рождению ни разночинцем, ни аристократом и признавал аристократию воли, ума и сердца.

С малых лет я воспитывался среди рабочих и с юных лет увлекся революционными течениями в науке и жизни. И рабочие промыслов, которыми я управлял, ценили меня, прежде всего, как человека.

Но, как я писал уже ранее, командные высоты на промыслах в Совдепе и в Грозном захватил пришлый элемент. Своей революционностью, лозунгами и поступками он увлекал массы. Рабочие других фирм меня знали просто как высоко-административное лицо, поставленное, чтобы давить рабочих и соблюдать интересы хозяев. Выступить с трибуны в качестве революционера значило поставить себя в ложное положение перед массой. Так это и случилось.

Гражданский Комитет в Грозном предложил мне организовать такой же Комитет на промыслах на принципе пропорционального представительства от рабочих, служащих и казаков двух больших смежных хуторов. Я принял предложение. Провел несколько предвыборных собраний, но на главном собрании с представителями промыслового Совдепа все мои предложения были с треском провалены. Я и ожидал, что они будут провалены, ибо Совдеп был гораздо революционнее Гражд. Комитета и революционность рабочих масс быстро нарастала. Но обиднее всего было то, что рабочие и служащие, так горячо поддерживавшие меня на предвыборных собраниях, на общем собрании были немые как рыбы, и у них не хватило смелости и мужества поддержать (из боязни показаться перед Совдепом контрреволюционными, отсталыми) мои предложения, исходящие от Управляющего промыслами! Это был мой последний опыт заняться политикой, и я окончательно поставил над собой крест.

Вся последующая деятельность моя на промыслах протекала под лозунгом невмешательства в развитие революции и значительной дозой веры в ее не успех. Я стремился лишь оградить имущество О-ва от разбазаривания, а в период правительства «добровольцев» — оградить жизнь отдельных рабочих-революционеров и их семейств от арестов или казней. Но мое выступление, как организатора Гражданского Комитета, создало мне на промыслах и в Грозном репутацию контрреволюционера (хотя тогда еще слово «контрреволюционер» не имело широкого распространения). Все же в критических для рабочих случаях, как голод на промыслах в 1918 году во время гражданской войны в городе, обще-промысловые собрания

выбрали меня депутатом для ходатайства перед моздокским правительством о получении хлеба и денег для промыслового населения, и я выполнял успешно эти поручения.

Когда в последний раз я очутился при поездке из Моздока на промысла, то мне пришлось быть задержанным в тылу у казаков и вместе с ними и тысячами других беженцев отступить на Хосав-Юрт — Петровск-Порт. При добровольцах я уже переселился в Грозный и не принимал никакого участия ни в Военно-промышленном комитете, ни в Городском самоуправлении. С меня хватило моих переживаний во время национал [так!] и гражданской войн. Я с интересом следил за продвижением добровольцев и с не меньшим интересом [смотрел] на разлагавшийся тыл, революционный подъем и на все растущую спекуляцию, рвачество и упадок духа Добровольческой армии.

С движением армии назад от Орла и быстрым ее бегством до Ростова было связано крушение всяких надежд, в тылу никто уже из серьезных людей не верил в возрождение армии, а идеи Особого Сопровождающего Деникина быстро и давно провалились как в массах, так и в крестьянстве.

По возвращению из Петровска в 1920 году (в марте) я нашел среди инженерства запуганность и ожидание каких-то кар со стороны большевиков. Кар ко всему инженерству не последовало. Сидели в тюрьме отдельные лица (Стрижов, Сажин), но все инженерство в целом было оставлено в покое. До момента национализации все оставались на своих местах. И только с введения национализации (28 апреля) я начал, как управляющий национализированными промыслами, перегруппировку на промыслах и в городе.

Для характеристики инженеров скажу следующее: основная масса инженеров была политически абсолютно не воспитана. Среди горных инженеров было развито чисто кастовое честолюбие и полупрезрение к технологам, механикам и химикам. Среди инженерства были разные политические оттенки: от монархистов до социалистов. Но я не знаю ни одного инженера с вполне выдержанной идеологией и обоснованной солидными научными сведениями. К числу монархистов (по симпатии или консерватизму) я отношу Мошнина, Попова, Фреу Ивана, Карка, Желиховского, Косенко; к числу ка-

детов или левее: Родненского, Максимовича, Полляк, Сангурского, Джакомелли, Таумина, Хандомирова, Комиссарова, Френкеля, Джалалова, Вайнштейна, Сажина, Борисевича, Притула, Стрижова, Елина, Идельсона, Растрепина. Из перечисленных лиц есть люди с инициативой и простые исполнители чужой воли. К инициативным я отношу: Стрижова, Елина, Полляк, Сангурского, Джакомелли, Джалалова, Притула, Идельсона, Максимовича и Шибинского. Некоторые из лиц прогрессивного образа мыслей всю свою жизнь были аполитичны. К таковым следует отнести: Родненского, Зомбе, Таумина, Френкель, Хандомирова, Растрепина, Косенко, Попова и Комиссарова.

Из наиболее интересных лиц, впоследствии вставших, очевидно, во главе вредительской организации, следует отметить мало известных, но игравших крупную роль.

Ю.К. Максимович⁴⁹ возвратился летом 1920 года (уже после национализации) из Елизаветполя (Гянджа), куда он отступал с отрядом генерала Дроценко в 1920 году. Это был юноша лет 21, с блестящими способностями, с громадным честолюбием и желанием быстро продвинуться вперед, быстро приспособляющийся к политическому моменту и не особенно разбирающийся в средствах. Он был грознец по рождению. В 1919 году был фактическим редактором кадетской газеты, где писал статьи и имел успех. Все это, очевидно, вскружило ему голову. Я взял его к себе секретарем, а потом поручил ему организовать статистику на промыслах и в Промысловом Управлении. Он блестяще справлялся под моим руководством с этой задачей, и статистика была поставлена хорошо. Потом, приблизительно через год, при Центральном Управлении был организован Статистический отдел и издание нефтяного журнала⁵⁰. Максимович был заведывающим отделом и редактором журнала. Когда я весной 21 года вернулся из Москвы, то я застал уже Максимовича своим помощником и общее несочувствие инженеров, что такой юнец пробрался в мои помощники. Я быстро поставил его в Отдел статистики и заявил Косиору, что моими помощниками могут только быть инженеры с большим нефтяным стажем. Его убрали и Максимович, по-видимому, затаил ко мне злобу или обиду. Он в 1923 или 24 году перешел работать в Мос-

ковское представительство Грознефти на должность помощника коммерческого директора и быстро забрал в свои руки, как представительство, так и Шибинского. Самую тесную связь с Грозненским районом держал Максимович, он же составлял разные варианты программ пятилеток и финансирования дела. Он пользовался большим влиянием на Косиора и Ганшина, хотя у последних я замечал слегка ироническое к Максимовичу отношение. При своих поездках из Москвы на промысла, заводы, постройку нефтепровода и заводов в Туапсе, он мог служить прекрасной связью между вредительским московским центром и местами.

Роль Поляка, Стрижова, Джалалова, Притулы, Шибинского и Елина я уже описывал. Такие лица, как Родненский, Зомбе, Хандамиров, Сажин, Растрепин, Попов, Косенко, Таумин, Комиссаров и Идельсон играли роль пассивную, как проводников идей центра. А может быть многие из них и не знали о существовании центральной вредительской организации. Инициативными людьми в заводском и нефтепроводном строительстве были только две фигуры — Покровский и Аккерман⁵¹, не считая Елина в центре.

Я убежден, что в период моей работы в Грозном в 1920 — 1922 году не было вредительской сплоченной организации, ибо даже идеи организованного вредительства не было. Были выступления отдельных лиц, или действовавших по частной инициативе, или имевших личную связь с бывшими владельцами промыслов и заводов. Люди не компетентные в нефтяной конъюнктуре и плохо знающие истинное соотношение сил могли принять сплоченность тогдашнего инженерства за вредительскую организацию.

Сплочению разнородного инженерства в одно целое я много способствовал. При большевиках я всегда отстаивал свободу инженерского труда, свободу инициативы и полное невмешательство со стороны Косиора, Ганшина или комиссаров в технические распоряжения Техперсонала. На этой почве у меня никогда не было с весьма тактичным Косиором никакого столкновения или недоразумения. И наоборот, одно время сильно обострились отношения с Ганшиным. Наши функции были разные. Ганшин заведовал хозяйственно-финансовыми вопросами и первоначально сильно вмешивался в мои чисто технические приказы, всегда имевшие санкцию

от Косиора; отношения обострились настолько, что я просил Косиора дать мне место рядового инженера. Но Косиор помирил меня с Ганшиным и последний дал слово не лезть в мои дела.

На почве недоверия к инженерам у меня были резкие высказывания в присутствии Косиора, Ганшина и Профсоюза против неправильного отношения большевиков к технической работе и руководству промыслами. Отношения к Главному комиссару, работавшему вместе со мной в кабинете, было самое наилучшее, ибо он видел все распоряжения и понимал, почему и зачем они делаются. Но промысловые и заводские комиссары желали играть первую скрипку и в момент ломки старых владельческих хозяйственных единиц и организации национального хозяйства оказались вредными и только тормозили дело неумелыми распоряжениями. Когда в конце 20 года в Грозный приехала чрезвычайная нефтяная комиссия под председательством И.Т. Смилги, я попросил у него собраться вместе с инженерами, чтобы выяснить все наболевшие вопросы. Собрание состоялось и я вместе с инж. Дашевским потребовал временного удаления всех промысловых и заводских комиссаров. Смилга после совещания с Косиором, комитетом партии и профсоюзном горняков дал свое согласие, и комиссары при мне уже не существовали.

О сплочении инженерства в одно целое я, конечно, много говорил, как с отдельными лицами, так и группами. Много пришлось потратить труда и времени, чтобы убедить инженерство работать «на большевиков». Эта часть работы была для меня наиболее трудной психологически, ибо до начала 21 года, т.е. до приезда из Москвы, я не был внутренне и искренне уверен, как в прочности Советской власти, так и целесообразности своей энергичной работы. Я уже писал, что кругом были фронты, и не угасла какая-то смутная надежда на интервенцию. Иногда я доходил до отчаяния, и в голову приходило желание бросить все к черту и пробраться через горы в Грузию, а оттуда за границу. Но работа в грандиозном масштабе затягивает и подкупает душу к творчеству и мы все оставались.

Когда приходилось убеждать инженеров, то приходилось влиять на них по-разному. Конечно, монархиста не убедишь социалистическими доводами и с ним приходилось играть на патриотической почве. С трусами нужно было действовать обещанием доработаться

до ЧК, если он будет саботировать, и т.д. Таким образом, многие инженеры и служащие могли составить обо мне ложное представление. Передвижение инженеров и служащих с одной группы промыслов на другую группу, вызывавшую ломку их квартир, огородов и пр., вызывало массу неудовольствий. Не менее неприятностей и вражды по отношению к себе я испытывал при повышении одних и понижении других по службе.

Из перечисленных ранее мной лиц я не упоминал о Курском, Остроменском, Кершен и ряде путейских и строительных инженерах, которые работали в транспортном отделе под прямым руководством Косиора, и Строительном отделе — под руководством помощника Косиора Чернова. Я был со всеми знаком, но мало вникал в их работу. Работа Транспортного отдела велась блестяще, а Строительного отдела сильно хромала по вине Чернова и за острым недостатком строительных материалов.

Уже в середине 21 года я настолько вошел во вкус широкой работы и в круг большевистских идей, что Грибанов по поручению Косиора делал мне предложение записаться в партию, но я это предложение отклонил.

Я припоминаю еще одно резкое выступление в конце 20 года на краевой конференции горняков, состоявшейся в Грозном. Положение промыслов, снабжение их материалами, одеждой и продовольствием было в удручающем состоянии, и я изобразил картину в мрачных красках. Как сейчас помню, что записалось отвечать мне 119 ораторов и их речи заняли три дня. Они вспомнили мне все мои промахи и поступки чуть ли не со дня рождения, и я отвечал всем сразу. Косиор говорил мне, что после конференции пришлось ему ездить в ЧК, чтобы меня не арестовали. Крупный и резкий разговор с яркими выпадами по адресу тактики большевиков я имел у себя за обедом в Грозном с теперешним ректором Московской горной академии, а тогда молодым партийцем И.М. Губкиным. Он признавал многие ошибки большевиков и убеждал меня работать вместе с ними.

Я не могу теперь припомнить всех своих разговоров или фактов мелкого вредительства в период 20 — 22 года, но охотно допускаю их существование и как Технический директор Грознефти я не имею

никакого морального права сваливать все «на стрелочников» и поэтому принимаю их на личную ответственность. Точно также я не могу говорить, что я не принимал участия во вредительской работе московского центра, если я даже не знал, но подозревал о существовании такой организации.

2 мая 1930 г. А. Иванов

Примечания:

1. Косиор (Коссиор) Иосиф Викентьевич (1893 – 1937) – видный советский хозяйственный деятель, член ВКП(б) с 1908. Участник гражданской войны. В 1920 - член Реввоенсовета Терской группы войск, командующий VIII Кавказской армией труда и одновременно председатель коллегии Центрального управления грозненскими нефтепромыслами и нефтезаводами. В 1922 – 1926 – председатель правления треста «Грознефть»; с 1926 - председатель правления треста «Югосталь». С 1927 заместитель председателя ВСНХ СССР. В 1930 председатель правления треста «Востоксталь». С 1931 начальник Главного управления топливной промышленности, заместитель наркома тяжелой промышленности СССР. С 1933 г. уполномоченный СНК СССР по Дальневосточному краю. Умер в санатории под Москвой.

2. Центральный архив ФСБ России. АСД Р-49379. Т. 1. Л. 26 – 37 об.

3. Иванова Вера Николаевна, 1885 г.р., урожденная Стрижова, младшая сестра И.Н. Стрижова. В 1925 г. выехала в Лондон, где учились дети Ивановых, работала в «Аркосе» в представительстве советских нефтяных трестов.

4. Родненский Николай Иванович (1876 – 1938) – инженер-нефтяник, геолог, выпускник Московского университета. До революции работал в подрядных и нефтепромышленных обществах Грозного, затем в «Грознефти». После отъезда А.В. Иванова за границу был назначен техническим директором треста. За успешное восстановление промыслов в 1925 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Выезжал в США для закупок оборудования и изучения нефтяного дела. Арестован в октябре 1929 г. и осужден. Решением коллегии ОГПУ был освобожден из-под стражи и направлен для работы в «Майнефть», где до 1937 г. возглавлял промысловое управление. Затем был арестован и расстрелян, а позднее полностью реабилитирован. О нем см.: Евдошенко Ю.В. Н.И. Родненский – технический директор «Грознефти» // Ветераны: из истории развития нефтяной и газовой промышленности. – Вып. 25. – М.: Нефтяное хозяйство, 2012. - С. 44 – 58 или на сайте: www.oil-industry.ru

5. Михаловский Иван Харлампиевич – грозненский нефтяник, член Терского отделения ИРТО, после революции работал в «Грознефти».

6. Фаниев Георгий Мартынович – до революции – крупный грозненский буровой подрядчик, владелец собственной фирмы подрядного бурения, которую приобрело «Т-во бр. Нобель»; в начале 1920-х был буровым подрядчиком «Азнефти», затем - буровой мастер на промысле «Нефтедаг» в Туркмении.

7. Имеется в виду участок магистрального нефтепровода Баку — Батум.

8. К.д. — сокращенное название буржуазно-либеральной партии конституционных демократов, сокращенно «кадет».

9. «Казбекский Синдикат» - учрежденная Г.Р. Шписом в 1902 г. фирма The Kazbek Syndicate, затем контроль над фирмой перешел Deutsche Bank'у.

10. 15 июня 1909 г. «Нефтяное дело» сообщало: «На промыслах в настоящее время наблюдается увлечение газовым делом. Почти все фирмы заняты устройством утилизации газа из скважин для отопления котлов, печей и действия моторов. Некоторые участки, как например участок № 39 общества "Казбекский Синдикат", совсем перешли на газ и не употребляют нефти для отопления котлов» (с. 12).

11. Технической по охране терских нефтяных месторождений комиссии, существовавшей при Совете Съезда терских нефтепромышленников.

12. Московское нефтепромышленное общество — учреждено в 1897 г., правление находилось в Москве, основной капитал в 1914 и 1917 г. — 1,2 млн. руб., к 1917 г. принадлежало корпорации «Шелл».

13. «Каспийское товарищество» - нефтепромышленное и торговое общество, учреждено в 1897 г., правление — в Петрограде, основной капитал в 1914 г. — 7,5 млн. руб., в 1917 г. — 7,5 млн. руб.

14. С.-р. — сокращенное название леворадикальной партии социалистов-революционеров, «эссеров».

15. Петербурго-Грозненское нефтепромышленное акционерное общество учреждено в 1916 г. на базе предприятий наследников ростовского купца В.Р. Максимова — Англо-Русского Максимовского общества, Первого Грозненского нефтепромышленного товарищества и Петербургского нефтепромышленного общества, проданных в 1913 г. Русской генеральной нефтяной корпорации «Ойл», - и нефтепромышленного предприятия А.И. Путилова. Юридически Англо-Русское Максимовское Общество сохранилось и А.В. Иванов исполнял административно-технические обязанности в обеих фирмах. В ноябре 1917 г. в состав правления Петербурго-Грозненского общества вошел Г.Л. Нобель, что означало вхождение этой фирмы в орбиту интересов нобелевской корпорации (см.: Монополистический капитал ... Т. 2. 1914 — 1917 гг. — Л.: Ленингр. отд. изд.-ва «Наука», 1971. С. 469, 479, 512).

16. Богдатын (Багдатын) Михаил Саркисович (Сергеевич) (1874 — 1922) — инженер, выпускник Харьковского технологического института; за связь с бакинским революционным подпольем в 1904 г. арестован, выпущен, эмигрировал. После амнистии 1905 г. работал в Совете съездов бакинских нефтепромышленников, один из спонсоров большевистской организации в Баку. В период Октябрьской революции и сразу после нее пользовался поддержкой Л.Б. Красина, а через него — В.И. Ленина. В 1920 г. Президиумом ВСНХ был предложен Главнефти в качестве «постоянного консультанта по вопросам нефтяной промышленности». В 1922 г., как организатор частного товарищества, попал в поле зрения ГПУ по подозрению в подкупе чиновников НКПС. За инженера заступались

Л.Б. Красин, А.С. Енукидзе, А.П. Серебровский, против него и его защитников резко выступил И.В. Сталин. Расстрелян.

17. Петровск-порт — название г. Махачкалы до 1921 г.

18. Обвинение в «сознательной» задержке бурения на глубокие или новые нефтяные пласты было одним из распространенных, в конце 1920-х годов оно прочно вошло в перечень преступлений, в которых ОГПИУ подозревало инженеров-нефтяников. Далее А.В. Иванов указывает на причины, которыми руководствовались инженеры, ограничивая бурение: нехватка опытных кадров, труб и оборудования, отсутствие условий для транспорта и переработки нефти. Подобные справедливые аргументы приводил также и технический директор «Азнефти» Ф.А. Рустамбеков (см. Рустамбеков Ф.А. По поводу статьи Д.В. Голубятникова: «Результаты обследования нефтяных промыслов Бакинского района осенью 1922 г.» // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 9. С. 210 - 219).

19. Ганшин Сергей Михайлович (1895 — 1938) — крупный советский хозяйственный деятель; член РСДРП(б) с 1914 г., участник Гражданской войны. С 1920 по 1926 гг. — заместитель управляющего, в 1928 — 1930 гг. — управляющий трестом «Грознефть». Награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Неоднократно выезжал за рубеж для закупок оборудования. В 1930 — 1933 гг. возглавлял нефтяную промышленность СССР в должности начальника Нефтесектора Главтопа ВСНХ СССР (с 1932 — Главнефть НТКП СССР). С 1934 по 1936 г. управляющий трестом «Башнефть». Репрессирован, расстрелян, реабилитирован.

20. Прутула Александр Фомич (1883 — 1938) — видный советский инженер-нефтяник, выпускник Петербургского горного института. До революции — областной горный инженер Терской области, управделами Совета съезда терских нефтепромышленников, затем — в «Грознефти». С января 1925 — директор Грозненской нефтяной промышленности ЦУГпрома ВСНХ СССР; в дальнейшем работал в центральных органах управления нефтяной промышленностью СССР, курировал вопросы капитального строительства, выезжал в США для изучения систем хранения и транспорта нефти, в 1930-е годы один из ведущих советских специалистов в этой области, автор учебников, профессор Московского нефтяного института. В 1938 г. расстрелян, реабилитирован.

21. Зомбе Александр Львович (1877 — 1926) — инженер-нефтяник, учился в Берлине и Льеже. С 1906 в нефтяной промышленности, с 1911 — в Грозном, доверенный фирмы «Стукен и Ко», снабжавшей Грозненский нефтяной район техникой и оборудованием. В 1917 — председатель Грозненского военно-промышленного комитета, заместитель председателя Грозненского гражданского комитета, член президиума Грозненского районного исполкома, в 1918 работал в комиссариате промышленности Терской народной республики, с 1920 — в «Грознефти», управляющий отделом снабжения, с 1921 работал в представительстве «Грознефти»: сначала в Константинополе, затем в Берлине. Умер из-за болезни.

22. Джалалов Ваган Герасимович — инженер-технолог, окончил Петербургский технологический институт; до революции директор (по некоторым данным —

и совладелец) общества бр. Цатуровых и мелких дочерних грозненских фирм — Волжско-Грозненское о-во, «Грозненская нефть», «Аргун», «Сунжа», владелец разведочных участков. Пользовался большим авторитетом среди инженеров. С 1920 г. управляющий Ново-грозненскими промыслами, в 1921 не вернулся из заграничной командировки.

23. Грибанов Эразм Петрович (1891—?) - партийный и хозяйственный деятель. Член РСДРП(б) с 1908, бывший учитель Белошельской школы Мезенского уезда. В 1908 приговорен к заключению на три года. Наказание отбывал в Архангельской губернской тюрьме, где познакомился с А.В. Ивановым. После революции член исполкома Карачевского уездного Совета Брянской губернии и комиссар труда г. Карачева. С июня 1918 управделами Московского комитета труда и помощник комиссара труда Москвы. С августа 1918. служил в Красной Армии. В 1919—1920 гг. заведующий политотделом Особой Камышинской группы, заведующий политотделом и политкомиссар штаба 13-й армии, особоуполномоченный РВС 13-й и 8-й армий. В 1920—1921 гг. особоуполномоченный командующего Кавказской трудовой армией и Грозненского нефтеуправления. С 1922 г. в «Грознефти», Нефтесиндикате. За растрату и моральное разложение исключен из партии, работал электриком в Махачкале, затем на хозяйственной работе на Сахалине.

24. Первые работы по проектированию трассы нефтепровода Грозный — Туапсе стал проводить концерн «Шелл». Подробнее об истории строительства грозненского нефтепровода см.: Евдошенко Ю.В. Нефтепровод до Грозного до Черного моря // Нефтяное хозяйство. 2009. № 2. С. 127 — 128; № 3. С. 109 — 111.

25. Поляк (иногда Поляк) Василий Соломонович (1886 — 1931) — окончил Петербургский университет (юридический факультет). Беспартийный, но в 1905 — 1907 примыкал к социал-демократам «меньшевикам». В 1908 — 1917 гг. работал в симбирском отделении крупнейшего в России нефтеторгового общества «Мазут» (контрольный пакет акций которого Ротшильды продали корпорации «Шелл»). С 1917 возглавлял грозненское отделение «Мазута». В 1920 г. вошел в Центральное управление грозненскими промыслами и заводами (будущий трест «Грознефть»), с началом НЭП — коммерческий директор треста. Неоднократно выезжал за границу, в 1922 — 1930 — член правления «Нефтесиндиката», организации, объединившей торговлю СССР нефтепродуктами на внутреннем и внешнем рынках. В 1931 был расстрелян, позднее — реабилитирован.

26. Прозодежда, сокр. — производственная одежда.

27. Комиссия под руководством председателя Главтопа ВСНХ И.Т. Смилги работала в Грозном летом 1921 г.

28. Рьков Алексей Иванович (1881 — 1938) — крупный политический и хозяйственный деятель СССР, член первого советского правительства. В 1910 был в ссылке в Архангельске, где познакомился с А.В. Ивановым. В 1920 занимал посты председателя ВСНХ РСФСР, заместителя председателя Совнаркома и чрезвычайного уполномоченного Совета рабоче-крестьянской обороны по снабжению Красной армии и флота (Чусоснабарм), в 1924 — 1930 — председатель Совета народных комиссаров СССР, в 1937 г. репрессирован и расстрелян. Реабилитирован.

29. Об этом см.: И.Н. Коханов (некролог) // Грозненское нефтяное хозяйство. 1922. № 4.

30. ЦА ФСБ. АСД Р-49379. Т. 9. Л. 159 – 162.

31. Вероятно: Анисимов Николай Андреевич (1892 – 1920) – член РСДРП(б) с 1913, с 1914 – руководитель большевистской группы в Грозном. В марте – апреле 1917 – председатель Грозненского совдепа, летом-осенью – член исполкома и глава большевистской фракции. В конце ноября 1917 выехал из Грозного, с декабря – председатель ревкома Ставропольского гарнизона, затем член РВС ряда армий. Член ВЦИК 4-го созыва (март 1918). Умер от тифа (Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918. – М.: Патрия, 2007. – С. 468).

32. С.д. – сокращенное название партии социал-демократов (РСДРП).

33. Вероятно, имеется в виду Временный Терский областной Народный совет, провозглашенный Терским областным съездом трудовых народностей (январь – февраль 1918 г., Моздок). В него вошли 10 социалистов, 8 казаков, 6 представителей Осетии, 5 – Кабарды. Председатель левый эсер Ю.Г. Пашковский (Музаев Т.М. Союз горцев ... С. 352 – 353).

34. Борисевич Василий Константинович (1882 – 1952) – инженер-механик, выпускник Московского высшего технического училища, до революции работал в «Т-ве бр.Нобель» в Баку и Грозном (последняя должность – управляющий фирмой подрядного бурения «Рапид»), после революции – в «Азнефти», зав. отделом промысловой механики Биби-Эйбатской группы промыслов; с 1922 – в Москве: в Главтопе, Главгортопе, Совете нефтяной промышленности, заместитель заведующего отделом промысловой механики ГИНИ. Арестован в 1929, осужден в 1931 и до 1939 отбывал 10-летний срок в Коми АССР. Умер в Москве. Реабилитирован.

35. 26 февраля 1920 г. Совет народных комиссаров выпустил постановление об учете всех рабочих и специалистов нефтяной промышленности, которые приравнивались к военнообязанным. Документ объявлял «повсеместный учет лиц в возрасте от 18 до 50 лет, работавших по добыче нефти на промыслах и переработке ее на заводах независимо от срока работы в этой области, как-то: инженеров, техников, буровых и промысловых мастеров, машинистов, электротехников, тарталыщиков, механиков, ключников, слесарей и плотников нефтяного дела» (Декреты Советской власти. Т. 7. М.: Политиздат, 1975. С. 274 – 276).

36. Сажин Борис Михайлович (1883 – 1943) – горный инженер, окончил Петербургский горный институт. С 1913 по 1920 – управляющий промыслами различных нефтефирм в Баку и Грозном. Управляющий делами Совета съездов Терских нефтепромышленников. С 1920 – 1929 г. служил в «Грознефти», главный инженер разведочной конторы, работал в Майкопе и Крыму. В 1929 репрессирован, сослан на Урал. В дальнейшем работал во ВНИИ минерального сырья. Реабилитирован.

37. ЦА ФСБ. АСД Р-49379. Т. 9. Л. 155 – 158 об.

38. Совет Съезда терских нефтепромышленников – общественная организация, объединявшая грозненские нефтепромышленные фирмы, занималась решением общих вопросов: благоустройство промысловой территории, здравоохранение, образование.

39. Аркос (All-Russian Cooperative Society) — торговое общество, созданное в октябре 1920 г. для организации торговли с Великобританией, находилось в Лондоне.

40. Речь идет о С.Г. Поляке, крупном нефтепромышленнике, одном из бывших владельцев и руководителей крупнейшей нефтеторговой фирмы «Мазут».

41. Лидский Наум Ильич (1887 — 1931) — старший юристконсульт «Грознефти», был арестован в июне 1929 и вместе с А.В. Ивановым был приговорен к расстрелу. Расстрелян 25 марта 1931, реабилитирован.

42. Шибинский Андрей Андреевич (1869 — 1950) — инженер-нефтяник, дворянин. До революции — управляющий подрядным бурением Товарищества механических и чугунолитейных заводов «Молот» в Грозном, с 1914 по февраль 1917 — на Кавказском фронте, штабс-капитан. В 1918 вместе с И.М. Губкиным вошел в коллегию Главного нефтяного комитета ВСНХ и стоял у истоков советской нефтяной промышленности. С 1920 — один из создателей «Грознефти», заместитель управляющего трестом, глава его московского представительства. Арестован в марте 1930, осужден в марте 1931 к 10 годам лишения свободы, но решением коллегии ОГПУ освобожден в мае 1931. Умер и похоронен в Москве, реабилитирован. Двоюродный дед писателя А.П. Гайдара.

43. Линдтроп Норберт Теодорович (1889 — 1963) — известный геолог-нефтяник, выпускник Клаустальской горной академии (Германия); до революции работал в Баку и Грозном; с 1920 — промысловый геолог на Новых промыслах «Грознефти», разработал методику анализа пластовых вод и первым определил водонапорный режим Новогрозненского (Октябрьского) месторождения. Был в командировке в США. С 1927 — главный геолог «Грознефти». Арестован в сентябре 1929, осужден и выслан в Среднюю Азию; с 1939 работал во ВНИГРИ, преподавал в Ленинградском горном институте. Неоднократно награжден государственными наградами. Реабилитирован. О нем см.: Евдошенко Ю.В. Н.Т. Линдтроп — открыватель водонапорного режима в Грозном // Нефтяное хозяйство. 2010. № 6. С. 124 — 126 или на сайте: www.oil-industry.ru

44. Доссер Зиновий Николаевич (1882 — 1938) — участник Московского декабрьского восстания 1905 г., в 1918 — председатель Бакинского СНХ, в 1919 — 1920 — управляющий делами Чусоснабарма, с марта 1920 — председатель Главного нефтяного комитета ВСНХ, в 1920-х — торговый представитель в Италии и Китае, где, по всей видимости, выполнял и нелегальные поручения. В 1930-х — на хозяйственной работе. Репрессирован, расстрелян и реабилитирован.

45. Смирнов Николай Николаевич (1880 - ?) — горный инженер, нефтяник, выпускник Петербургского горного института, один из создателей советской нефтяной промышленности. До революции работал в «Русском товариществе «Нефть», в 1917 — помощник начальника Промыслового управления, заведующий эксплуатационным и техническим отделами, занимался решением проблем обустройства и эксплуатации эмбенской группы участков товарищества; с 1920 — управляющий промысловым отделом Главнефти (с 1922 - Управление нефтяной промышленности) ВСНХ, заведующий Научно-техническим бюро Совета нефтяной промышленности, в 1924 — директор по Грозненской нефтяной промышленности Горного директората

ЦУТпрома ВСНХ, профессор Московской горной академии (с 1930 — Московского нефтяного института), заместитель председателя Научно-технического совета нефтяной промышленности. В сентябре 1930 арестован, а в июне 1931 г. осужден к 10-летнему заключению в концлагерь. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован.

46. Истомин Владимир Константинович (1863 — 1932) — бывший «народоволец», высланный в Баку, с 1904 — в правлении Т-ва бр. Нобель, член правления ряда дочерних нобелевских предприятий, в 1918 — 1921 — заведующий Техническим отделом Главконефти, в 1922 был осужден по «Делу нобелевцев», с 1924 работал консультантом в различных нефтяных учреждениях. Повторно осужден в 1931, умер в Ухтпечлаге. Реабилитирован. О нем см.: Евдошенко Ю.В. В.К. Истомин — нобелевский служащий на службе в ВСНХ // Нефтяное хозяйство. 2012. № 12. С. 136 — 139 или на сайте: www.oil-industry.ru

47. Фигнер Вера Николаевна (1852 — 1942) — русская революционерка-народница, участвовала в подготовке убийства императора Александра II; Фигнер (Сажина) Евгений Николаевна (1858 — 1931) — русская революционерка-народница, сестра В.Н. Фигнер; Сажин Михаил П. (1845 — 1934) — участник народного движения и Парижской коммуны, муж Е.Н. Фигнер, отец грозненского инженера Б.М. Сажина.

48. ЦА ФСБ. АСД Р-49379. Т. 9. Л. 40 — 45.

49. Максимович Юрий Константинович (1899 — 1939) — советский экономист-нефтяник, до 1929 г. работал в «Грознефти», затем был осужден и сослан в Ухтпечлаг, где работал на руководящих должностях. Вторично репрессирован в 1938 г., расстрелян. Реабилитирован. О нем см.: Евдошенко Ю.В. Ю.К. Максимович — советский нефтяной аналитик // Нефтяное хозяйство. 2010. № 8. С. 140 — 142 (эл. вариант: www.oil-industry.ru)

50. Речь идет о журнале «Грозненское нефтяное хозяйство», который существовал в 1922 — 1923 гг.

51. Аккерман Илларион Николаевич (1888 — 1938) — офицер-артиллерист и военный инженер-технолог, участник Первой мировой войны. С 1923 работал в «Грознефти», начальник Заводстроя. Строитель толуоловых, первых газолиновых и парафинового заводов, Туапсинского, Горьковского и Уфимского НПЗ. Дважды репрессирован. Расстрелян. Реабилитирован.

Покровский Ипполит Владимирович (1873 — после 1941) — окончил университета и горный институт в Петербурге. Работал в горной промышленности в Донбассе и Фергане, затем в Баку. Перед революцией — заместитель управляющего Бакинской конторой «Т-ва бр. Нобель», после — заведующий Товарным управлением «Азнефти», затем работал в системе НКПС. С 1922 — в Москве, в руководящих органах нефтяной промышленности: член правления «Азнефти» и Нефтесиндиката, сотрудник горного отдела ВСНХ, топливной секции Госплана, с 1927 — главный инженер конторы инженерных сооружений Грознефти. Осужден в группе нефтяников в 1931. Отбывал наказание в Коми АССР. В 1941 г. выехал в Коканд. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован.

Рубежи и миражи профессора Тихвинского

А.А. Матвейчук

М.М. Тихвинский

В начале августа этого года исполнилось 145 лет со дня рождения видного российского нефтехимика Михаила Михайловича Тихвинского (1868 — 1921), неоправданно забытого в наше время. Свой последний 53-й день рождения, незадолго до расстрела, он встретил в тюремной камере Петроградской ЧК, и все последующие годы к упоминанию его имени неизменно добавлялось — «член подпольной контрреволюционной организации» и «враг пролетарского государства». Исследование этапов его жизненного пути на основе архивных документов позволяет сегодня восстановить доброе имя талантливого ученого, педагога и изобретателя, патриота России.

В стенах Технологического института

Михаил Тихвинский родился 6 августа 1868 г. в г. Старая Русса Новгородской губернии в семье священника. После окончания городского реального училища в 1888 г., успешно сдав экзамены, он был зачислен на первый курс Химического отделения Санкт-Петербургского технологического института. Отделение славилось своими лекторами, среди которых были: академик Ф.Ф. Бейльштейн (1838 — 1906), читавший курс аналитической химии, профессор А.К. Крупский (1845 — 1911), преподававший химическую технологию минеральных веществ и являвшийся автором монографии «Начальные главы учения о проектировании по химической технологии», профессор Б.Т. Вылежинский (1840 — 1895), создатель оригинального курса «Газовое производство».

Во время учебы особый интерес у Михаила Тихвинского вызвал курс химии металлов, который читал горный инженер Василий (Вильгельм) Бек (1822 — 1907). Во время лабораторных занятий на него произвели большое впечатление несложные опыты по электрохимиче-

скому осаждению различных металлов, демонстрирующие возможности гальванопластики. И это предопределило выбор темы его дипломной работы на звание инженера-технолога.

В ноябре 1892 г. студент М.М. Тихвинский был направлен для прохождения завершающей учебной практики в химико-техническую лабораторию Экспедиции заготовления государственных бумаг Министерства финансов. В тот период во главе этой организации находился бывший профессор Технологического института Р.Э. Ленц (1833 – 1903). Под его руководством было внедрено множество нововведений в технологический процесс печатания и штемпелевания государственных ценных бумаг. Он был хорошо знаком с академиком Б.С. Якоби (1801 – 1874), первооткрывателем явления гальванопластики, которая нашла широкое применение в производственном процессе Экспедиции заготовления государственных бумаг. Лаборатория экспедиции по своему оснащению была на уровне самых современных требований того времени.

8 апреля 1893 г. на заседании Отделения химии Русского Физико-химического общества (РФХО) студент пятого курса Технологического института М.М. Тихвинский выступил с докладом «К электролизу железного купороса» (СПб., 1893), который был основан на результатах работы в лаборатории Экспедиции заготовления государственных бумаг. Его выступление прошло с большим успехом, и представители столичного химического научного сообщества во главе с председателем отделения РФХО, великим ученым Д.И. Менделеевым (1834 – 1907), единодушно отметили в нем задатки талантливого ученого, пожелав ему большого успеха в будущих исследованиях.

Стажировка в Швейцарии

В июне 1893 г. М.М. Тихвинский окончил полный курс наук в Санкт-Петербургском практическом технологическом институте «по химическому отделению со званием инженера-технолога» и с чином X класса – «коллежский секретарь при определении на государственную службу». Его незаурядные способности и стремление к научно-педагогической деятельности были отмечены академиком Ф.Ф. Бейльштейном, который рекомендовал Учебному комитету Технологического института направить способного выпускника для

стажировки за границу. Однако около шести месяцев ему пришлось проработать в химической лаборатории своего института, и лишь 21 марта 1894 г. последовало согласие Министерства народного просвещения на его направление «для приготовления к преподавательской деятельности» в Швейцарию с установлением годовой стипендии в размере 1 тыс. 440 руб. [1, л. 17].

В начале апреля 1894 г. М.М. Тихвинский прибыл в Женевский университет и был определен в лабораторию известного химика-органика профессора Карла Гребе (1841 — 1927). Этот ученый плодотворно занимался в течение нескольких десятилетий исследованием ароматических соединений. В 1870 г. он открыл акридин, затем выделил из каменноугольной смолы карбазол и фенантрен и впоследствии опубликовал капитальный труд «История органической химии». Непосредственно исследовательская деятельность М.М. Тихвинского проходила под руководством помощника профессора Гребе, молодого талантливого ученого Фридриха Керманна (1864 — 1929), ставшего вскоре профессором Лозаннского университета. А за соседним лабораторным столом проводил свои опыты совсем юный исследователь Фриц Ульман (1875 — 1939), которому посчастливилось уже в 1894 г. открыть реакцию получения карбазолов термическим расщеплением бензотриазолов. Впоследствии он стал профессором химии Высшей технической школы в Берлине, а затем и редактором всемирно известной «Энциклопедии технической химии» в 12 томах.

Сохранился отчет М.М. Тихвинского от 2 июня 1894 г. «О занятиях в заграничной командировке в лаборатории Женевского университета», где изложены первые результаты его двухмесячной исследовательской работы по установлению строения целого ряда соединений ароматического ряда [1, л. 21 — 23]. Кроме исследовательской работы, химик выполнил ряд важных поручений Министерства финансов и руководства Технологического института. Так, в Швейцарии он посетил две фабрики известной фирмы «Nestle», крупного производителя продуктов питания и напитков, а также завод компании «L. Durassquier», выпускавший высококачественный портланд-цемент. Затем он направился во Францию, где посетил Лионскую промышленную выставку, а также ряд предприятий, в числе которых находились: машиностроительный завод «Exploitation des forces motrices do

Rhone», фабрика гербовой бумаги «Papeterie de la Ferte Sous Jonarre» и даже специализированное подразделение Государственного банка Франции по производству ассигнаций, кредитных билетов и других ценных знаков «Imprimerie de la Banque de France».

Его деятельность получила высокую отметку руководства, и «с высочайшего соизволения по всеподданнейшему докладу» Министра народного просвещения его заграничная командировка была продолжена сначала на восемь месяцев, по 1 сентября 1895 г., а затем еще на четыре месяца — по 1 января 1896 г.

М.М. Тихвинский, наконец, получил возможность сосредоточиться на реализации своей обширной программы исследований ароматических соединений. В конце 1895 — начале 1896 гг. вышло несколько его статей в «Журнале РФХО» и «Известиях Санкт-Петербургского технологического института [2 — 4]. По завершению своей стажировки в Женевском университете инженер-технолог Тихвинский подготовил докторскую диссертацию на французском языке «Recherches sur la stereoisomerie des oximes de chlortoluquinone» [1, л. 78 — 93]. Однако, по невыясненной пока причине публичная защита этой диссертации так и не состоялась.

В зарубежной двухгодичной стажировке М.М. Тихвинского было еще одно событие, находившееся вне его научной деятельности. Оно осталось в тайне, и по вполне понятным причинам не нашло упоминания в его письмах в Россию. В Швейцарии он стал членом группы «Освобождение труда», первой российской марксистской организации, созданной еще в 1883 г. в Женеве по инициативе видного политического деятеля Г.В. Плеханова (1856 — 1918), а также и его единомышленников, бывших активных народников-чернопередельцев: В.И. Засулич, П.Б. Аксельрода, Л.Г. Дейча, В.Н. Игнатова. Но об этом после возвращения в Петербург М.М. Тихвинский предпочел хранить полное молчание, так как в противном случае дорога на преподавательскую стезю, являвшуюся особым видом гражданской государственной службы, для него был бы навсегда закрыт.

На новом рубеже

После завершения двухлетней зарубежной стажировки с 1 января 1896 г. приказом директора Технологического института Х.С. Голо-

вина М.М. Тихвинский был зачислен на должность лаборанта Органической лаборатории Химического отделения. В тот период в отделении произошли существенные перемены, академик Ф.Ф. Бейльштейн «по выслуге 30 лет» ушел в отставку и на его место был назначен почетный доктор химии Казанского университета М.Д. Львов (1848 – 1899). Он был известен в научном сообществе открытием в 1883 г. специфической реакции хлорирования этиленовых соединений, впоследствии примененной для промышленного синтеза глицерина. Заведующим органической лабораторией был профессор А.А. Курбатов (1851 – 1903), один из первых исследователей русской нефти (1883 г.).

С 11 марта 1896 г. лаборант М.М. Тихвинский начал чтение лекций студентам четвертого курса Химического отделения и только 26 октября того же года был утвержден в должности штатного преподавателя. В этом же году он был принят в члены Общества технологов и избран действительным членом РФХО.

А через два года в его жизни вновь произошло знаковое событие, он получил предложение продолжить научно-педагогическую деятельность в стенах Киевского политехнического института. В архиве хранится «Дело о перемещении на службу в Киевский Политехнический Институт Императора Александра II инженеров-технологов М.М. Тихвинского, А.А. Радцига и В.Г. Шапошникова», датированное 29 августа 1898 г. [5, л. 1 – 24]. В нем содержится положительная характеристика научной и педагогической деятельности Михаила Тихвинского и рекомендация направить его на стажировку за рубеж. И уже с 1 сентября 1899 г. распоряжением Министра финансов он был командирован на два года за границу «для приготовления к званию профессора Киевского Политехнического Института с выдачей содержания по 1800 рублей в год» [5, л. 18].

На этот раз его стажировка проходила в Цюрихе, в знаменитой Высшей технической школе. Созданная в октябре 1855 г. она смогла уже к концу XIX в. приобрести высокую репутацию и получить широкую известность, как одно из самых лучших политехнических учебных заведений мира.

В Цюрих вместе с М.М. Тихвинским прибыли и его коллеги, инженеры-технологи А.А. Радциг (1869 – 1941), впоследствии ректор

Петроградского политехнического института, член-корреспондент АН СССР и В.Г. Шапошников (1870 – 1952), впоследствии директор Института химической технологии АН УССР, с 1922 г. академик АН Украинской ССР.

Эта стажировка имела четкое прикладное направление. Наряду с проведением исследований в области промежуточных продуктов бензольного, нафталинового и антраценового рядов, М.М. Тихвинский много времени уделял изучению постановки преподавания химических наук, регулярно присутствовал на лекционных и лабораторных занятиях, защитах диссертаций, заседаниях различных кафедр. Кроме того, ему посчастливилось принять участие в ряде заседаний известного Швейцарского химического общества. Своеобразным отчетом об этой зарубежной стажировке стала его первая монография «Метод и система современной химии», вышедшая в свет в августе 1900 г. в Санкт-Петербурге.

После возвращения из заграничной командировки приказом по Министерству финансов от 25 ноября 1900 г. за № 47, «надворный советник Тихвинский» был назначен штатным преподавателем и исполняющим обязанности экстраординарного профессора Киевского политехнического института по кафедре технологии органических веществ, «с обязательством защитить диссертацию в течение двух лет» [6, л. 5].

На новом этапе своей научно-педагогической карьеры М.М. Тихвинский на основе опыта своей зарубежной стажировки стремился в полной мере реализовать идею тесной связи теории и практикой в обучении будущих инженерных кадров. По его мнению, именно симбиоз качественной теоретической и инженерной подготовки мог обеспечить быструю адаптацию молодых инженеров к быстро изменяющимся условиям производства в условиях набирающей темпы индустриализации страны.

На этой основе он построил преподавание нового курса технологии органических веществ, умело осуществлял руководство курсовыми проектами студентов по химической специализации. Одновременно с преподавательской деятельностью он в короткие сроки сумел создать хорошо оборудованную лабораторию, где сосредоточился на решении исследовательских проблем, имевших практический выход. Плодо-

творное начало его деятельности не осталось без должной оценки со стороны руководства Киевского политехнического института и Министерства финансов. 14 апреля 1902 г. его наградили орденом Св. Станислава 3-й степени, а 19 ноября того же года ему был присвоен высокий чин коллежского советника.

Ординарный профессор

Интенсивная научно-педагогическая и общественная деятельность М.М. Тихвинского не позволяла ему сосредоточиться на завершении диссертации. Единственным выходом для него оставалось использовать для этого свой летний отпуск. При содействии директора Киевского политехнического института, известного химика-органика М.И. Коновалова (1858 — 1906) в начале июня 1904 г. он был командирован «на летнее вакационное время с научной целью» в Швейцарию в Высшую техническую школу. Результатом этой командировки стала его работа «Восстанавливающее действие цинкэтила на соединения с кратной связью и бензидиновая перегруппировка» (Киев, 1904), явившаяся основной частью его диссертации. Однако после возвращения из Цюриха потребовалось еще некоторое время на завершение исследовательской работы и, наконец, 25 мая 1905 г. состоялась публичная защита. Постановлением Совета Киевского политехнического института, состоявшегося 1 июня 1905 г., согласно представлению химического отделения, статский советник М.М. Тихвинский был удостоен звания адъюнкта КПИ [6, л. 5]. А в следующем году «высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 18 ноября 1906 г. за №84 статский советник Михаил Тихвинский назначен ординарным профессором по занимаемой им кафедре химической технологии» [6, л. 6]. Кроме руководства кафедрой, вплоть до 1909 г. он исполнял и обязанности секретаря химического отделения Киевского политехнического института.

Весной 1905 г. профессор Тихвинский был в числе нескольких смелых киевских преподавателей, которые первыми присоединились к подписанию, получившей широкую известность в российском обществе «Записки 342-х ученых», провозглашавшей, что народное просвещение должно быть главным двигателем социально-экономической и культурной модернизации страны. С определенной надеждой

он встретил царский манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г. и активно участвовал в кампании по выборам депутатов первой Государственной Думы.

На нефтяном форуме в Бухаресте

Важным событием в жизни М.М. Тихвинского стало его участие в III Международном нефтяном конгрессе, который состоялся в Бухаресте с 8 по 13 сентября 1907 г. В нем приняло участие 939 делегатов из 23 стран мира, и впервые этот форум проходил в нефтедобывающей стране, занимавшей третье место по объемам добычи «черного золота». В составе организационного комитета этого конгресса активно работали три представителя от России: действительный статский советник, инженер-технолог С.И. Гулишамбаров, кандидат естественных наук Дерптского университета А.А. Гухман, доктор химии Л.А. Бергер. Кроме того, должность секретаря конгресса исполнял русский подданный, магистр фармации П.С. Дворкович. Как отметил журнал «Труды Бакинского отделения Императорского Русского технического общества»: «Устроители конгресса задались целью содействовать развитию нефтяной промышленности с помощью объединения работы специалистов всего света по технике, научным и экономическим вопросам, связанным с добыванием, переработкой и сбытом нефти и нефтяных продуктов» [7, с. 1].

Состав российской делегации был достаточно представительным и насчитывал 29 человек. Во главе ее был чиновник особых поручений Министерства финансов, инженер-технолог, действительный статский советник С.И. Гулишамбаров (1849 – 1915). Российское научное сообщество представляли: профессор химии Московского университета И.А. Каблуков, профессор геологии Киевского университета Н.И. Андрусов, профессор геологии Новороссийского (Одесского) университета В.Д. Ласкарев, профессор географии Новороссийского (Одесского) университета Г.И. Танфилиев, профессор химии Харьковского технологического института А.П. Лидов, профессор химии Киевского политехнического института М.М. Тихвинский, магистр технологии К.В. Харичков. На конгресс выехала и группа горных инженеров.

Перед началом конгресса для делегатов было организовано посещение Румынского геологического института, а также нефтяных про-

мыслов и нефтеперерабатывающего завода ведущей национальной компании «Steana Romana».

Программа конгресса была насыщена многими яркими выступлениями авторитетных ученых и специалистов. Пресса особо отметила значимые доклады ряда российских представителей: К.В. Харичкова «О происхождении нефти», члена Бакинского отделения ИРТО А.А. Бенкендорфа «О водоносных слоях Апшеронского нефтяного района», горного инженера Л.И. Баскакова «О вторичном происхождении месторождений нефти», инженера-технолога М.А. Ракузина «О теории образования нефти», химика-технолога А.Т. Предита «Исследование нефти Сураханского нефтяного месторождения», П.С. Дворковича «О пироразложении русской нефти и ее дистиллятов, основанном на фракционном разложении дистиллятов при 800 — 850° С в химической лаборатории Бакинского отделения ИРТО», профессора А.П. Лидова «Определение водорода в углеводородах с помощью пропускания их над расплавленным алюминием». Одним из запоминающих событий международного форума в Бухаресте стала демонстрация изобретения российского горного инженера Н.А. Соколовского — принципиально новой конструкции обсадных труб для бурения нефтяных скважин. В заключительный день работы единодушным решением делегатов конгресса была создана Международная комиссия по установлению однообразных методов исследования нефтяных продуктов. От России в нее вошли магистр технологии К.В. Харичков и кандидат естественных наук Дерптского университета А.А. Гухман.

В полосе творческих удач

Участие в работе нефтяного конгресса в Бухаресте дало мощный творческий импульс для научной и инженерной деятельности профессора Тихвинского. Вскоре он был привлечен к решению проблемы обеспечения достаточным объемом светильного газа корпуса Химического отделения КПИ. Дело в том, что газоснабжение помещений института производилось из специального отвода от городской газовой магистрали. По разным причинам там нередко отмечалось падение давления, что вело к нарушению учебного процесса в лабораториях. В короткие сроки профессор Тихвинский нашел решение этой непро-

стой задачи. По его проекту летом 1909 г. на территории института был сооружен газгольдер объемом 10 тыс. куб. футов для обслуживания здания Химического отделения [8, с. 36]. Заполнение газгольдера из городской сети производилось в ночное время суток, и таким образом проблема с обеспечением газом учебного процесса лабораторий Химического отделения Киевского политехнического института была окончательно решена. Активно участвовал профессор Тихвинский и в разработке и реализации проекта центральной нагнетательной системы вентиляции Химического корпуса КПИ, которая после пуска в эксплуатацию была признана одной из самых эффективных инженерных сооружений.

В тот же период нашел практическое воплощение интерес профессора Тихвинского к нефтяному производству. В январском номере «Журнала РФХО» за 1909 г. он опубликовал работу «Перегонка паром и дефлегматоры с обогревающим кожухом». В обычных лабораторных условиях он поставил ряд опытов с использованием изобретенного им дефлегматора с обогревающим кожухом, который позволял отказаться от применения перегретого пара при производстве некоторых смазочных масел [9, с. 15].

Обстоятельно проанализировав результаты своих опытов, он также разработал конструкцию еще одного дефлегматора, который мог найти применение и в промышленном производстве, заметив при этом: «Для заводской работы я предлагаю иную конструкцию (охранительное свидетельство № 38012). Отличием от описанной выше является иной вывод паров из прибора. При крупных размерах аппарата нет опасности преждевременной конденсации паров» [9, с. 14].

В гущу «профессорского бунта»

Казалось, в начале второго десятилетия XX в. научно-педагогической карьере профессора Тихвинского в Киевском политехническом институте ничего не угрожает. В начале 1911 г. увидели свет две его монографии: «Собеседование по химии. Основы современной химии, изложенные преимущественно на заводских примерах» (Нежин, 1911) и «Химия» (Нежин, 1911). Рассчитывая на понимание со стороны широкого читателя, в этих книгах он отступил от традиционных строгих канонов изложения научного материала и в доступной форме

раскрыл многомерное видение химии, как с научной, так и практической стороны. Он работал над диссертационной работой на получение степени доктора химии. И впереди для него было ожидаемое получение «генеральского» чина действительного статского советника, дававшего право на потомственное дворянство. Однако все сложилось иным образом.

Но помимо науки и педагогики в то время значимое место в жизни профессора Тихвинского занимала общественная работа. Была заметна его активная деятельность в «Обществе развития образования в народе», ставившего своей целью проведение активной просветительской работы в пролетарской и крестьянской среде. Он также являлся членом киевского «Союза профессоров», в короткий срок ставшего авторитетной общественной организацией, защищавшей права профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. Его творческие замыслы охватывали многие области химической технологии, в том числе нефтяное и газовое дело.

В январе 1911 г. во все высшие учебные заведения страны поступили циркулярные распоряжения министра народного просвещения Л.А. Кассо (1865 — 1914) «О надзоре за учащимися высших учебных заведений», «О временном недопущении публичных и частных студенческих заведений» и другие, предоставляющие право вмешиваться в университетскую жизнь местным градоначальникам и фактически уничтожавшие университетскую автономию. В ответ на эти директивы 28 января 1911 г. на экстренном заседании Совета Московского университета ректор А.А. Мануйлов выступил с заявлением о невозможности в подобных условиях выполнять обязанности ректора и решил подать прошение об отставке. Его примеру последовали проректор П.А. Минаков и помощник ректора М.А. Мензбир. И уже 2 февраля 1911 г. они были отправлены в отставку. После чего вслед за ними Московский университет покинул 21 профессор (в том числе и В.И. Вернадский), а также ряд приват-доцентов и преподавателей (всего около 130 человек) [10, с. 520].

После этого в высших учебных заведениях России развернулась протестная кампания против усиления произвола и полицейских порядков, насаждаемых министром народного просвещения Л.А. Кассо в системе образования. От имени профессорско-преподавательского

состава Киевского политехнического института подобное обращение подписали декан химического отделения А.В. Нечаев (1864 – 1915), декан механического отделения К.Г. Шиндлер (1869 – 1940) и декан инженерного отделения С.П. Тимошенко (1878 – 1972). А в середине февраля 1911 г. в Киевский политехнический институт пришла телеграмма министра торговли и промышленности В.И. Тимирязева об их увольнении. И это вызвало бурную реакцию среди профессорско-преподавательского состава и студенческого сообщества. В адрес министра было отправлено коллективное обращение профессоров КПИ с требованием восстановить уволенных деканов и объявлением о приостановлении занятий в институте до тех пор, пока не будет принято положительное решение по данному вопросу.

9 марта 1911 г. директор Киевского политехнического института, профессор К.Г. Дементьев получил две телеграммы от министра торговли и промышленности В.И. Тимирязева. В одной из них предписывалось — немедленно собрать Совет профессоров института для обсуждения «предложенных министерством мер, касающихся к восстановлению нормального течения учебных занятий в институте». Кроме того, ему было предложено взять объяснительные записки от всех профессоров, которые присоединились к протестным акциям. В другой телеграмме сообщалось о ряде существенных изменений в уставе Киевского политехнического института, которыми ограничивалась его автономия.

10 марта 1911 г. состоялось экстренное собрание Совета профессоров Киевского политехнического института. Вот как об этом сообщила газета «Киевлянин»: «Во исполнение распоряжений Министерства, вчера, 10 марта утром состоялось экстренное заседание Совета профессоров, в котором приняло участие 22 лица. В этом заседании директором института были доложены обе телеграммы, а затем приступлено к обсуждению предложенных мероприятий, за которые голосовались постатейно, причем некоторые профессора воздержались от голосования, а затем большинством голосов предложения министерства были отклонены. После этого профессора Артемьев, Вагнер, С. Иванов, Ключаров, Писаржевский, Рузский и Тихвинский, не читавшие в последнее время лекций, подали заранее приготовленные прошения об отставке. Этим закончилось заседание. Как мы слыша-

ли такому демонстративному поступку намерены последовать еще несколько профессоров, лаборантов и преподавателей. О постановлении Совета профессоров послано телеграфное сообщение Министру торговли и промышленности» [11, с. 3]. Через несколько дней в той же газете была опубликована заметка «К отставке профессоров Киевского политехникума», где было сказано: «Недавно за дерзкое, содержащее в себе подстрекательство к забастовке заявление Совета Киевского политехнического института уволены три его декана — профессора Нечаев, Тимошенко и Шиндлер. Директор К.Г. Дементьев сохранил свой пост, хотя при обстоятельствах не особенно для него лестных. Однако увольнение деканов не остановило профессуру института. Начинаются новые заявления в Министерство с требованием возврата уволенных. Министерство сделало, что могло, т.е. отказало. Тогда, по примеру Москвы, семь профессоров гг. Артемьев, Вагнер, Иванов, Ключаров, Писаржевский, Рузский и Тихвинский подают Министру торговли и промышленности прошения об отставке. Прощения приняты, просители уволены» [12, с. 2].

И вскоре «высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 18 апреля 1911 г. за № 25, статский советник Михаил Тихвинский уволен от службы, согласно прошению» [6, л. 6]. Так завершилась его десятилетняя карьера в Киевском политехническом институте.

Возвращение в Петербург

В конце августа 1911 г. М.М. Тихвинский приехал в Санкт-Петербург и в первую очередь посетил свою «альма-матер». За прошедшее десятилетие здесь произошли большие изменения. Директором Технологического института являлся известный специалист в области механики и машиноведения профессор Д.С. Зернов (1860 — 1922). Химическое отделение Технологического института в тот год испытывало острый кадровый голод. Весной, в самый разгар учебного года ушли из жизни: председатель Химического отделения, профессор Л.Г. Богаевский (1858 — 1911) и крупный специалист в области химической технологии, профессор А.К. Крупский (1845 — 1911). В связи с избранием на профессорские должности в Казанском и Новороссийском университетах, уехали молодые перспективные преподаватели, приват-доценты В.В. Лепешкин и В.В. Половцев. Поэтому М.М. Тихвин-

ского с радостью встретили в родных стенах, и ему сразу было предложено подать заявление для избрания на должность профессора.

В ЦГИА СПб хранится «Дело об избрании Учебным Комитетом на вакантную должность профессора Химической технологии минеральных веществ инженера-технолога, статского советника М.М. Тихвинского» [6, л. 1 – 27]. Протокол заседания Учебного комитета Технологического института свидетельствует, что 20 октября 1911 г. М.М. Тихвинский единогласно избран на должность профессора химической технологии. Однако никто из голосовавших даже не подозревал, что после апреля 1911 г. имя М.М. Тихвинского уже было внесено в «Список лиц, коих дальнейшее оставление на службе было нежелательно ввиду наличия противоправного характера политических взглядов». Поэтому последовавший вскоре отказ министерства утвердить его избрание на должность профессора стал полной неожиданностью для руководства Технологического института и профессорско-преподавательского коллектива.

Главный химик «Товарищества братьев Нобель»

После неудачной попытки продолжить карьеру в Технологическом институте М.М. Тихвинский недолго оставался без работы. Уже в начале ноября 1911 г. председатель правления «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель» Эмануил Нобель (1859 – 1932) предложил ему высокооплачиваемую должность главного химика компании. В тот период товарищество занимало ведущие позиции в российской нефтяной промышленности и вело на европейском и мировом рынках напряженную борьбу с американской корпорацией «Standard Oil Company».

Последующие шесть лет, проведенные М.М. Тихвинским в ведущей нефтяной компании России, для него стали особым периодом. Они характеризовались сочетанием интенсивной научно-исследовательской работы и плодотворной практической инженерной деятельности, где он проявил себя как изобретатель и опытный организатор производства. Без раскачки, с первых дней работы он приступил к решению, поставленной правлением «Товарищества братьев Нобель» важной задачи по организации выпуска на заводах компании качественного авиационного бензина.

1911-й год стал важным рубежом в развитии российской авиации. 12 – 17 апреля 1911 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый Всероссийский воздухоплавательный съезд. А неделей ранее, 6 апреля 1911 г., Военный Совет Российской империи одобрил проект «Положения об авиационной службе», который предполагал формирование уже в следующем 1912 г. сразу 10 авиаотрядов. Программа создания российских ВВС стала выполняться с поразительной быстротой для того времени. Если к концу 1910 г. в стране имелось всего 3 аэроплана, то в 1911 г. уже числилось 28, а к концу 1912 г. – 100. Кроме того, в распоряжении частных владельцев находились еще 50 аэропланов [13, с. 26 – 27].

Таким образом, за короткое время в России резко выросла потребность в авиационном бензине, к качеству которого предъявлялись особые требования. «Товарищество нефтяного производства братьев Нобель» взялось за выполнение этой сложной задачи и стало пионером в производстве авиационного бензина, а также основным топливным поставщиком военного ведомства.

И в этом деле несомненна большая заслуга главного химика компании М.М. Тихвинского. В 1912 г. в Петербурге вышла в свет его монография «Перегонка сухого масляного гудрона». В ней на основе собственных лабораторных экспериментов он предсказал грядущее появление в отрасли эффективной промышленной технологии глубокой переработки нефтяных остатков с достижением высокой четкости разделения фракций.

В годы Первой мировой войны

С началом «великой битвы народов» перед главным химиком Тихвинским правлением «Товарищества бр. Нобель» была поставлена очередная сложная задача: в сжатые сроки организовать промышленное производство бензола и толуола, необходимого сырья для изготовления взрывчатых веществ. В довоенное время для производства тротила на российских заводах использовались широкомасштабные закупки «сырого бензола» в Германии. Однако с 1 августа 1914 г. этот канал был закрыт, отечественное производство боеприпасов оказалось на «голодном пайке», а на фронте возник «снарядный голод».

Уже в сентябре 1914 г. под руководством М.М. Тихвинского в петербургской лаборатории «Товарищества бр. Нобель» стали прово-

дится опыты по получению толуола из скипидара. В начале 1915 г. результаты этих работ были доложены правлению компании и военному ведомству. Однако оказалось, что стоимость толуола, полученного из данного вида сырья, в промышленном производстве окажется чрезмерно высокой. Именно поэтому М.М. Тихвинский занялся разработкой технологии получения толуола из нефти. Параллельно с ним исследовательские работы в этом же направлении осуществляли директор Центральной химической лаборатории Министерства финансов Н.Д. Зелинский (1861 – 1953) и ассистент Петербургского университета С.В. Лебедев (1874 – 1934).

В сентябре 1915 г. М.М. Тихвинский доложил правлению товарищества о готовности приступить к внедрению промышленной технологии получения толуола из нефтяного сырья и получил предложение возглавить строительство толуолового завода в Баку. И эту сложную задачу он успешно решил. Вот как об этом писал академик В.Н. Ипатьев (1867 – 1952): «Несомненно, работы проф. Тихвинского, бывшего на службе у фирмы Бр. Нобель, способствовали поразительному налаживанию этого нового дела в химической промышленности <...> Фирма Бр. Нобель стала первой поставлять бензол и толуол артиллерийскому ведомству и значительно обогнала Бакинский Военно-промышленный Комитет. Ей одной было поставлено до 20 тысяч тонн чистых бензола и толуола по цене около 16 рублей за пуд» [14, с. 475 – 476].

В военные годы М.М. Тихвинский продолжал заниматься проблемой повышения качества авиационного бензина. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1916 г. наиболее значимые результаты ряда своих исследовательских работ он опубликовал в виде обширных статей в журнале «Нефтяное дело» [15, 16].

На службе у новой власти

Февральскую революцию 1917 г. М.М. Тихвинский, как и большинство российских интеллигентов, встретил с большой надеждой и верой в светлое будущее новой России.

Вскоре он получил возможность продолжить педагогическую деятельность. 8 марта 1917 г. на заседании Учебного комитета Технологического института было решено пригласить М.М. Тихвинского для

преподавания специальных химических дисциплин. 10 марта на собрании профессорско-преподавательского состава института это решение было поддержано единогласно. М.М. Тихвинскому была предложена должность профессора по кафедре технологии органических веществ. В течение последующих четырех лет для студентов химического отделения Технологического института он читал два объемных курса: органической химии и технологии нефти [17, с. 197, 546].

Штурм Зимнего дворца 25 октября 1917 г. и свержение Временного правительства профессорско-преподавательский состав института воспринял как трагическое событие. На общепитательском собрании 24 ноября 1917 г., где присутствовал и М.М. Тихвинский, было поддержано обращение русского академического сообщества «Всем гражданам русской земли, люди духовного труда», в котором Октябрьский переворот 1917 г. трактовался как «преступный эксперимент, неминуемо ведущий Россию и ее культуру к гибели», а его организаторы названы «узурпаторами, обманывающими народ, бесконечно обостряющими вражду между национальностями внутри России и на ее окраинах» [17, с. 211].

Весной 1918 г. большевистское правительство вплотную занялось нефтяной отраслью. 2 марта в ВСНХ была учреждена должность Главного комиссара нефтяной промышленности, 17 мая 1918 г. эта должность была упразднена, а вместо нее учрежден Главный нефтяной комитет (ГНК), с обширными полномочиями и призванный контролировать и регулировать «всю частную нефтяную промышленность и торговлю нефтепродуктами». 20 июня 1918 г. вышел декрет о национализации нефтяной промышленности.

Профессор Тихвинский получил предложение возглавить Петроградскую лабораторию Главного нефтяного комитета, созданную на базе лаборатории «Товарищества бр. Нобель». Затем по приглашению горного инженера И.М. Губкина (1871 – 1939) профессор Тихвинский вошел в состав Главного сланцевого комитета, основной задачей которого была организации добычи и переработки горючих сланцев в Тверской, Самарской и Казанской губерниях. В 1919 г. он был привлечен профессором В.Н. Таганцевым (1889 – 1921) к деятельности Сапропелевого комитета Российской академии наук, который занялся всесторонним изучением сапропелевых отложений, разработ-

кой способов их использования. Проведенные М.М. Тихвинским химические анализы и сухая перегонка сапропелей дали большой выход смолы, из которой можно было получить жидкие нефтепродукты. Это позволяло в условиях «топливного голода» в Советской России рассматривать их как новый вид энергетического сырья. К тому периоду относятся и ряд его работ в печати. Определенным вкладом в решение проблемы дефицита моторного топлива в стране стала его работа «Приготовление бензина из нефти», помещенная в «Известиях Главного нефтяного комитета» (1918/1919. № 3).

Начало выпуска в Петрограде отраслевого журнала «Нефтяное и сланцевое хозяйство» профессор Тихвинский встретил с оптимизмом. Уже в первом номере этого издания была помещена его статья «Получение продуктов нефтяного типа из сырья, кроме нефти» (1920. № 1 – 3). Большое внимание отечественных специалистов привлекла также его статья «Грозненская парафинистая нефть и задачи ее переработки», где были показаны конкретные направления глубокой переработки нефти.

Большую редакторскую работу в первой половине 1921 г. провел профессор Тихвинский по переводу и подготовке к печати в журнале «Нефтяное и сланцевое хозяйство» цикла статей по проблеме производства газоллина, написанных авторским коллективом американских инженеров, возглавляемых известным специалистом в области нефтегазопереработки Дж.А. Буррелем (1882 -1957) [18, 19]. Ввиду наличия большого интереса к этой проблеме советских нефтяников вскоре эти работы были изданы отдельными брошюрами.

На расстрельном рубеже

В ночь с 25 на 26 июля 1921 г. в своей квартире в доме № 31 на 14-й линии Васильевского острова профессор Тихвинский был арестован сотрудниками Петроградской губернской Чрезвычайной комиссии. Ему было предъявлено обвинение по участию в деятельности подпольной «Петроградской боевой организации», якобы ставившей своей целью свержение советской власти. Вместе с ним была арестована большая группа представителей российской интеллигенции, среди них: ректор Петроградского университета, профессор Н.И. Лазаревский, ученый секретарь Сапропелевого комитета КЕПС, про-

фессор В.Н. Таганцев, геолог В.М. Козловский, профессор Технологического института Г.Г. Максимов, профессор Волков, известный русский поэт Н.С. Гумилев, сотрудник художественного отдела Русского музея, скульптор С.А. Ухтомский. Следственную группу возглавлял один из самых ярких сталинских опричников, заведующий секретно-оперативным отделом ВЧК Яков Агранов (Янкель Соренсон) (1893 – 1938), получивший прозвище «палач русской интеллигенции». Впоследствии он стал первым заместителем наркома внутренних дел СССР и дослужился до звания комиссара государственной безопасности 1-го ранга.

Следствие, проводимое «заплечных дел мастерами», заняло всего один месяц. И 24 августа 1921 г. решением президиума Петроградской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией 61 человек, среди которых было 15 женщин, были приговорены к «высшей мере пролетарского возмездия», расстрелу. Буквально на следующий день в советские ведомства стали поступать обращения от различных общественных организаций с просьбой помиловать осужденных. Подобное письмо в адрес председателя СНК РСФСР В.И. Ленина поступило и от Отделения химии РФХО. В нем говорилось: « Вместе с рядом других лиц, арестованных в Петрограде за последнее время (по Сапропелиевому Комитету), были подвергнуты личному задержанию три выдающихся деятеля по Чистой и Прикладной химии: профессор Технологического Института Михаил Михайлович Тихвинский, профессор Инженерной Академии и член Совета Института Прикладной Химии Александр Иванович Горбов и профессор Политехнического Института Борис Васильевич Бызов. Будучи уверены в том, что названные лица арестованы случайно и по совершенному недоразумению, и свидетельствуя, что они являются крупнейшими специалистами по важнейшим отделам Химии и Химической Технологии и что научно-техническая деятельность их крайне необходима для выполнения ряда важнейших и ответственных работ в Республике, Совет Отделения Химии Русского Физико-Химического Общества совместно с Организационным Комитетом Третьего Менделеевского Съезда ходатайствует перед Высшей Советской Властью о внеочередном допросе вышеназванных лиц и о скорейшем их освобождении» [20, с. 826]. Показательна в этом случае реакция главы Советского правительства, который поставил на этом хо-

датайстве следующую резолюцию: «т. Горбунов! Направьте запрос в ВЧК. Тихвинский не “случайно” арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга» [21, с. 169]. И таким же образом все настоятельные обращения по поводу помилования профессора Тихвинского и других участников «Петроградской боевой организации» остались без внимания. Смертный приговор осужденным был приведен в исполнение чекистами 29 августа, и об этом было помещено извещение в газете «Петроградская правда» от 1 сентября 1921 г. [22, с. 1 – 2].

Казнь большой группы представителей петроградской интеллигенции вызвала в российском научном сообществе глубокое возмущение и негодование. В своем письме от 10 сентября 1921 г. к президенту Украинской академии наук Н.П. Василенко академик В.И. Вернадский писал: «Настроение мое и всех здесь очень тяжелое — вследствие преступных и тяжких проявлений террора здешней ЧК. Эти убийства не вызывают сейчас страха, но негодование. По-видимому, здесь перемешаны совершенно невинные люди с людьми, боровшимися с большевиками. Среди невинных, такие как Н.И. Лазаревский, М.М. Тихвинский. Смерть последнего мне лично очень тяжела — это был близкий мне человек, который собирался работать со мной (с живым веществом и гелием), организовывал мои лекции по геохимии. В полном расцвете сил, лучший русский специалист по химии нефти, стоял во главе особой лаборатории, бывший главный химик Нобеля. Еще до моего отъезда на Мурман он был у меня и разговаривал о своих новых — очень крупных достижениях по химии красок. И все это сразу уничтожено. Ни в одной стране это немыслимо» [23, л. 24 – 25].

Спустя 70 лет, в начале 90-х гг. сотрудники Генеральной прокуратуры России, обстоятельно изучив все следственные материалы «Петроградской боевой организации», пришли к выводу о грубой фальсификации органами ВЧК данного уголовного дела и полной необоснованности внесудебной расправы с группой представителей русской интеллигенции.

25 августа в окрестностях Санкт-Петербурга, у станции Ржевка в Ковалевском лесу, на месте расстрельного чекистского полигона установлен памятный знак в память безвинно погибших в годы «Красного террора», среди которых значится и имя профессора М. М. Тихвинского.

Примечания

1. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 492. Оп. 2. Д. 4389.
2. Тихвинский М.М. Бензилрозиндумил и бензилорозиндулон. — СПб., 1895.
3. Тихвинский М.М. Об отношении сафранинов к индулинам. — СПб., 1896.
4. Тихвинский М.М. О порядке замещения в бензольном ядре оксипарахлорлухинона моноацетилмононитрогидротолухином. — СПб., 1896.
5. ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 4389.
6. ЦГИА СПб. Ф. 492. Оп. 2. Д. 11570.
7. Труды Бакинского отделения Императорского Русского технического общества. 1907. № 8 — 9.
8. Киевский политехнический институт. Очерк развития и современного состояния Химического отделения. — Киев, 1913.
9. Тихвинский М.М. Перегонка паром и дефлегматоры с обогревающим кожухом: из Лаборатории технологии органических веществ // Журнал РФХО. 1909. № 1. С. 31 — 47.
10. Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия: в 5 томах. Т. 2. — М., 1996.
11. Киевлянин. 1911. № 70. 11 марта. С. 3.
12. Киевлянин. 1911. № 74. 15 марта. С. 2.
13. Рохмистров В.Г. Авиация великой войны. — М. 2004.
14. Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика: в двух томах. Т. 1. — Нью-Йорк, 1945.
15. Тихвинский М.М. Ароматизация нефти // Нефтяное дело. 1916. № 18. С. 6 — 11; № 24. С. 3 — 7.
16. Тихвинский М.М. Получение естественного бензина из газа и нефти // Нефтяное дело. 1916. № 24. С. 3 — 7.
17. Технологический институт имени Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красногвардейских депутатов. — Л., 1928. Т. 1.
18. Буррель Дж.А., Биддисон Д.Д., Оберфельд Н.М. Извлечение газолина из естественного газа путем поглощения // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 1 — 4. С. 99 — 140.
19. Буррель Дж.А., Сейборг Ф.И., Оберфельд Н.М. Извлечение газолина из естественного газа конденсацией // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1921. № 5 — 8. С. 88 — 146.
20. Четыре письма В.И. Ленину // Вестник Российской Академии наук. 1994. Т. 64. № 9. С. 825 — 527.
21. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 53. С. 169.
22. Петроградская правда. 1921. 1 сентября. С. 1 — 2.
23. Центральный государственный архив / музей литературы и искусства Украины. Ф. 542. Оп. 1. Д. 20.

А.С. Полушкин — первооткрыватель нефти Удмуртии

В.Г. Юхименко

А.С. Полушкин

Арсений Савельевич Полушкин родился в 1909 году в деревне Лусники Пермской волости Глазовского уезда Вятской губернии (ныне Кировская область) в многодетной (в семье было еще 5 детей) крестьянской семье. Жизнь начала испытывать на прочность почти сразу: едва ему исполнилось четыре года, как умерла мама. Отец женился вторично, но жизнь с мачехой не сложилась, и Арсения с братом отдали на воспитание совершенно чужим людям. Жизнь в новой семье начала налаживаться, но через год умер новый «папа».

В восемь лет Арсений как все дети пошел в школу, но долго учиться не пришлось, т.к. в деревне была только начальная школа, да и денег катастрофически не хватало. Пришлось Арсению идти работать. Получилось как в повести А.М. Горького «Детство»: мальчик — «не медаль на шею» и лучший для него путь — это дорога «в люди». Примерно так же сложилась жизнь и у Полушкина. Как он позднее писал: возил с отцом продукты из одного города в другой, потом был чернорабочим на заводе и, наконец, «бурлаком» (сплавщиком леса на реке Вятка).

Только в 1928 году после очень долгого перерыва он, уже 19-летним юношей, продолжил свою учебу в комсомольской политической школе. Наверное, он так истосковался по учебе, что учился там на «отлично». И эта тяга к знаниям осталась у Арсения Савельевича навсегда — независимо от того, где бы он ни учился. После школы Полушкин продолжил обучение в Ухтымской школе огнестойкого строительства (в Нижегородской области), а с 1930 по 1933 год — в Уральском сельско-строительном техникуме (в Перми). Учился хорошо, активно участвовал в общественной жизни техникума (сохранились даже несколько грамот о присвоении А.С. Полушкину звания удар-

ника). Однако, несмотря на внешнюю привлекательность полученной профессии (по окончании он получил специальность строителя обществленного сектора сельского хозяйства) с ней можно было работать только в деревне, а этого после голодного детства ему вряд ли хотелось. Тогда видимо и появились мысли продолжить образование в институте.

**Красноармеец
Полушкин, 1933 г.**

С 1933 по 1935 год А.С. Полушкин проходил срочную службу в Красной Армии. А так как он имел среднетехническое образование и положительную общественную характеристику, то попал не в пехоту, а в «элитные» военно-воздушные силы. Полгода служил в Воронеже аэрологом метеорологической службы, а потом их эскадрилью перевели в Читу, на границу с Китаем.

После службы в армии Арсений Савельевич решил поступать на механико-математический факультет Московского государственного университета, но «первый блин оказался комом» — не прошел по конкурсу. Вторая попытка оказалась более удачной, и в сентябре 1935 года он стал студентом геолого-почвенного факультета Казанского университета, на котором сложилась своя мощная школа геологов, внесших большой вклад в изучение геологии Урало-Поволжья. Специализировался он по бурению скважин и инженерной геологии. В период учебы успешно сочетал отличную учебу с общественной деятельностью (Арсений год был старостой группы), за что был отмечен премией и благодарностью руководства университета. По воспоминаниям его дочери Г.А. Дмитриевой, с теми из университетских товарищей, кто остался жив после Великой Отечественной войны, он дружил всю оставшуюся жизнь.

В 1938 году А.С. Полушкин впервые столкнулся с разведочными работами на нефть. Это произошло на производственной практике в Башкирии, где нефть уже была найдена, но прогнозировались еще большие запасы и разворачивались геологоразведочные работы.

В январе 1941 года А.С. Полушкин окончил университет и получил квалификацию почвовед. Для работы его направили в Черновицкую область в Украинский геологический трест по изысканию и про-

ектированию дорог — Главпроектдорупр, где он начал работать геологом в бурении.

Казалось, все — здорово! Есть прекрасная профессия (даже две, если считать первую, полученную в техникуме), опыт, здоровье, хорошая и интересная работа. Но началась Великая Отечественная война.

В начале войны А.С. Полушкин добрался до Киева, откуда и был призван в действующую армию. Воевал достойно. В сентябре 1944 года при форсировании реки Одер был контужен и оказался в плену, а потом в концлагере, откуда был освобожден в конце апреля 1945 года советскими войсками. Прошел проверку и демобилизовался только в июле 1946 года, т.е. уже после Победы. Военнопленные в нашей стране в то время считались предателями, изменниками Родины. Людей, попавших в плен зачастую в раненном состоянии и перенесшихся от врагов в лагерях, дома встречали без особого доверия. Лишь в 1995 году (через 50 лет после Победы) бывшие военнопленные были признаны в России невиновными и реабилитированы. Может быть, поэтому после демобилизации А.С. Полушкин поехал не в места, где работал до войны, а в глубокую «нефтяную провинцию» — Удмуртию, где интересовались не военной биографией, а знаниями и навыками.

С 1946 по 1963 год А.С. Полушкин работал в Ижевской государственной союзной конторе геологоразведочных и буровых работ, которая была создана лишь в апреле 1945 года распоряжением Государственного Комитета Обороны в структуре Молотовнефтекомбината, а через некоторое время была передана геологической отрасли. Вчерашний фронтовик сначала стал геологом, а потом был назначен главным геологом и фактически возглавил геологоразведку в республике.

Учитывая, что поиски нефти требовали огромных средств, в послевоенные, очень тяжелые для страны годы разведочные работы проводились только в южных районах Удмуртии, которые граничили в нефтеносной Башкирии и считались наиболее перспективными. И хотя ежегодный объем глубокого бурения составлял лишь 2 — 5 тыс. м, а структурного — 2 — 8 тыс. м, был получен ценный геологический материал, подтвердивший перспективность недр на нефть.

Идет изучение керна, Удмуртия, 1950-е годы

В этот период в жизни А.С. Полушкина происходит, наверное, самое замечательное событие. Он участвует в выработке стратегии предприятия — определении участков, где возможно получение промышленных притоков нефти. В этой работе ему пригодились и знания, полученные в университете, и опыт геолога по бурению и, конечно,

интуиция. В результате долгих споров с коллегами, руководством предприятия, наконец, с собственными мыслями и сомнениями была удачно выбрана Вятская площадь, которая, как выяснилось позднее, оказалась частью крупного Арланского нефтяного месторождения, основная часть которого расположена на территории соседней Башкирии. В 1954 году на этой площади были получены первые в Удмуртии промышленные притоки нефти.

Это была первая, но не последняя победа удмуртских геологов. Уже в 1958 году было открыто Тарасовское, а в 1960 году Кырык-масское нефтяные месторождения. Венцом работы А.С. Полушкина в Удмуртии стало открытие в 1962 году Архангельского месторождения, которое первым из удмуртских месторождений будет пущено в промышленную эксплуатацию, и Чутырско-Киенгопское, которое до сих пор считается крупнейшим на территории республики.

Это было время нелегких решений. Запасы и свойства нефти на территории республики отличались в худшую сторону не только по сравнению с западносибирскими месторождениями, но и даже с соседними регионами (Татария, Башкирия). Но нефть нужна была как всей стране, так и республике. Появление нефтяной промышленности в Удмуртии давало новый импульс ее экономическому развитию.

Кроме основной деятельности Арсений Савельевич активно занимался общественной деятельностью. Сохранились свидетельства

И.И. Рысина (д.г.-м.н., профессор, зав. кафедрой физической географии и ландшафтной экологии Удмуртского госуниверситета, председатель Удмуртского республиканского отделения ВОО «Русское географическое общество») о его активном участии в качестве члена Президиума в работе Удмуртского отделения Всесоюзного географического общества

На этом закончился удмуртский период жизни А.С. Полушкина. Работавший в этот же период начальником Удмуртской геофизической экспедиции В.А. Любишев вспоминает его такими словами: «Это — умный и добросовестный человек, и хороший специалист, великолепно знавший геологическое строение Удмуртии».

Осенью 1962 года начался западносибирский этап: А.С. Полушкин прибыл в Тюмень, где проработал до ухода на пенсию в 1975 году. Ему предложили работу в Тюменском филиале Сибирского научно-исследовательского института геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС). Филиал возник в конце 1960 года и находился еще в стадии формирования.

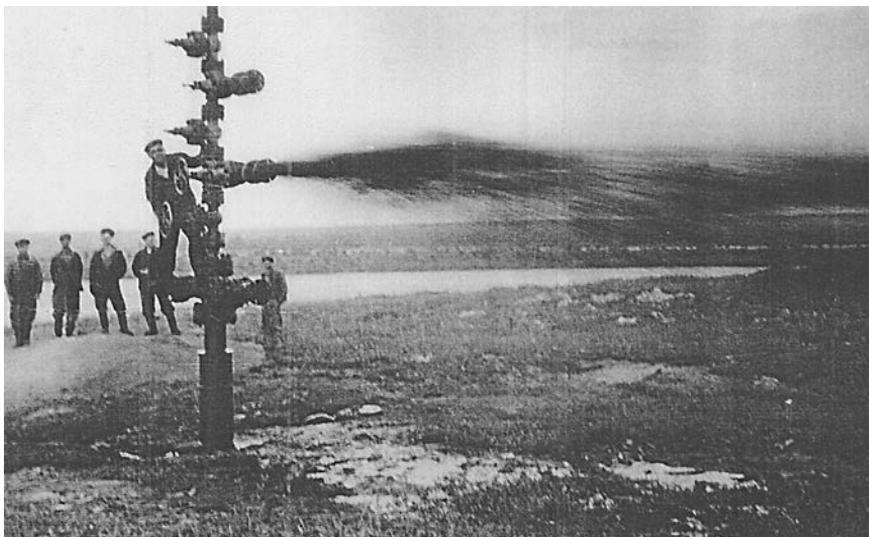
Начал А.С. Полушкин в тематической партии № 47. Ее основной задачей в тот период было исследование роли вертикальной миграции углеводородов в формировании месторождений нефти и газа. Научным руководителем этой работы являлся профессор Н.Н. Ростовцев, будущий лауреат Ленинской премии, известный в стране геолог-нефтяник. До Тюмени он возглавлял отдел опорного бурения во Всесоюзном научно-исследовательском геологическом институте (ВСЕГЕИ, г. Ленинград) и по праву считается одним из открывателей западносибирской нефти.

Секретарь Удмуртского обкома А.К. Протозанов в гостях у геологов. Вятский участок Арланского месторождения, 1956 г.

Н.Н. Ростовцев предложил А.С. Полушкину сосредоточиться на разработке методики промышленной разведки месторождений нефти и газа в условиях Западной Сибири и создать для этого специальную группу. По словам профессора Тюменского государственного нефтегазового университета А.В. Рылькова, работавшего в то время в тематической партии № 47, Н.Н. Ростовцев долго искал специалиста, которому бы можно было поручить эту сложную работу, и остановил свой выбор на Арсении Савельевиче после того, как получил исключительно хорошие рекомендации. Коллеги характеризовали А.С. Полушкина как очень грамотного и весьма опытного геолога, с ярко выраженными склонностями к работе методического характера.

В этот период группа сотрудников тематической партии под руководством Арсения Савельевича строила самые разнообразные карты (структурные, изопахит, изменения фильтрационно-емкостных свойств пород и т.д.). Важнейшим звеном работы стала выработка способов и приемов корреляции продуктивных пластов. Спокойно, с шуточками и прибаутками (он был человеком с очень высоким чувством юмора) учил он сотрудников этому весьма ответственному и довольно сложному виду геологической работы.

Удмуртская нефть, 1950-е годы

В 1963 году Арсений Савельевич возглавил сектор методики разведки месторождений нефти и газа, который вошел в отдел промысловой геологии. Отделом руководил Андрей Михайлович Волков, будущий доктор наук, профессор, заместитель директора ЗапСибНИГНИ по науке, заведующий отделением математической геологии, создатель первой в СССР кафедры математической геологии в Тюменском промышленном институте.

В 1964 году на базе Тюменского филиала СНИИГГИМС'а был создан ЗапСибНИГНИ. В этом же году в институт для работы прибыл из Якутии Юрий Петрович Тихомиров, который возглавил отдел методики разведки месторождений (через 2 или 3 года отдел стал отделением) и сектор, который возглавлял Арсен Савельевич, стал его составной частью.

Помимо весьма большого опыта, умения решать сложнейшие геологические задачи А.С. Полушкин обладал просто удивительными свойствами: он всегда стремился передавать свои знания другим и, в первую очередь, молодым специалистам. Он знал цену своему опыту. Арсений Савельевич даже самые сложнейшие и научные и житейские проблемы всегда воспринимал с юмором, без крика, без шума. Он был не просто бесконфликтным, а абсолютно неконфликтным.

Арсений Савельевич работал в Тюмени в тот период, когда эксплуатация месторождений только только начиналась. Первая нефть Тюмени была отправлена в Омск в 1964 году, когда он уже два года изучал геологию региона.

С 1970 года ЗапСибНИГНИ работал в составе Главтюменьгеоло-

А.С. Полушкин (справа) на скв. 80, Усть-Балык

гии, самом крупном в стране геологоразведочном главке. Произошло слияние науки и производства. Возможно, это — небесспорное решение, но главная цель была достигнута: все удачные разработки института сразу же шли в дело. В этой ситуации Арсений Савельевич оказался «на коне». Его разработки, как правило, получали одобрение на Научно-техническом совете главка и активно внедрялись. Роль группы ученых и специалистов, которую возглавлял Арсений Савельевич, была весьма заметной. Особенно велик его вклад в разведку первых нефтяных месторождений Западной Сибири: Усть-Балыкского, Западно-Сургутского, Мегионского, Покурского и др.

В 1969 году под руководством А.С. Полушкина авторским коллективом в составе В.П. Санина, Е.П. Горшунова, В.И. Конюхова, О.А. Ремеева была составлена «Методика промышленной разведки нефтяных месторождений Тюменской области». Вместе с Валерием Петровичем Саниным, который приехал вместе с ним из Удмуртии, он опубликовал несколько статей в журнале «Геология нефти и газа» и «Трудах ЗапСибНИГНИ».

Чувство юмора по отношению к себе и бывшим коллегам Арсений Савельевич сохранил до конца жизни. Вот что он писал своему коллеге Геннадию Михайловичу Шинкееву: «Мне скоро 90 лет. Наверное, надо подаваться в долгожители. Правда «волчатам» (так он называл тех, с кем начинал работать в Тюмени под руководством А.М. Волкова) передай, что ничего страшного в этом нет. Пускай тоже подаются».

Труд А.С. Полушкина неоднократно отмечался государством. В декабре 1955 года и ноябре 1956 года от Министерства нефтяной промышленности он получил денежные премии за удачно пробуренные скважины на Вятской площади. В июле 1961 года Главное управление геологии и охраны недр при Совете Министров СССР премировало его за открытие новых месторождений в Удмуртии. Среди его наград — грамоты предприятий, где он работал, Министерства геологии СССР.

А.С. Полушкин активно участвовал в общественной жизни: был членом народной дружины, возглавлял штаб гражданской обороны института.

В начале 1976 года Арсений Савельевич вышел на пенсию и уехал на постоянное место жительства в Псков, где жили его дети — сын и дочь. В этот период ему было 67 лет. По воспоминаниям его дочери

Г.А. Дмитриевой Арсений Савельевич вполне мог еще работать по специальности — интерес к работе у него не иссяк, здоровье позволяло. Но в Пскове нет нефтяных и газовых месторождений. Пришлось всю энергию перенести на семью. Ведь он был мужем, отцом, дедушкой. И не просто числился, а действительно, реально и ощутимо заботился о своей семье. Был настоящим главой своего клана Полушкиных. Он много читал, любил путешествовать.

К сожалению, из работавших с Полушкиным в Удмуртии практически никого (кроме В.А. Любишева) в живых не осталось, а сотрудники Зап-СибНИГНИ старшего возраста почти все хорошо помнят Арсения Савельевича — опытного специалиста и замечательного человека, человека, который любые невзгоды творческого и жизненного порядка встречал спокойно и с юмором. Наверное, по этой причине он прожил 93 года.

А для Удмуртской республики он навсегда останется Прометеем, подарившим ей нефть.

При работе над статьей автор пользовался личными делами студентов Казанского государственного университета и документами архива ТюмГНГУ, а также воспоминаниями коллег А.С. Полушкина — В.А. Любишева, А.В. Рылкова и его дочери Г.А. Дмитриевой.

Удмуртская нефть. Как это было (воспоминания геолога)

Г.Д. Севанько

В мае 1948 года, используя отпуск за 3 года, я на самолете вылетел в Москву из Якутска добиваться перевода. В Министерстве геологии зашел к главному геологу по нефти Шеповалову. Объяснил семейное положение и попросился в Ижевск. Он написал приказ о переводе, копию дал мне, а оригинал послали в Ижевск. В Ижевской конторе бурения, при оформлении документов, предложили работу в структурном бурении. В августе 1948 года я начал работать старшим геологом Яганской крелиусной партии. Начальником ее был Н.П. Попов, инженером Петр Васильевич Исаков.

Партия базировалась в деревне Яган-Докья, совхоз «10 лет Удмуртской АССР». Дома в деревне были добротные, крытые тесом, много было двухэтажных, на несколько квартир. У нашей партии в деревне была мастерская и «конторка». В хозяйстве была автомашина «полторка», лошадь и рабочий бык. Сам я временно устроился на частной съемной квартире, а потом нашел небольшой пустующий домик (3х3 метра) — сторожка на скотном дворе. Крыша была дырявая, крытая соломой. В домике было два окошка. Со скотного двора пришлось принести солому и отремонтировать крышу. На улице сделал печку, чтобы готовить пищу. И тогда перевез семью: жену и трех детей. Продукты питания покупали у местных жителей.

В нашей партии работали три буровые бригады. Сначала бурили до гипсов в верхнепермских красноцветях. Но гипсы оказались плохим маркирующим горизонтом. И тогда приняли решение бурить глубже — до известняков нижней перми.

Осенью 1948 года партию перебазировали в Среднее Кечево. Там были свободные дома. Мне дали комнату в большом доме, в котором раньше был клуб. Комната была большая (6х6 метров), был пол и потолок, не было только печки и стекол в окнах. Стекла вставил плотник. Когда привезли кирпич, я сложил печку «голландку» на 5 оборотов, с плитой и сводом (чтобы можно было печь хлеб). Сделал из

досок сени, и квартира стала жилой. За печкой отгородили спальню. Сделали большой стол и лавки. Купили железные кровати, обзавелись кое-какой посудой. Воду брали из ручья. В деревне были почта и магазин, недалеко — железнодорожная станция Кечево.

Зиму 1948 — 1949 годов перезимовали нормально. Разведка получила технику — трактор ДТ-54 и автомашину ЗИС-5. На буровые зимой возили солярку на быке (его звали Гришка). В дровни (сани) грузили бочку литров на 400, мешок сена и он медленно, но надежно вез.

Весной 1949 года к нам переехали жить мои родители. Отец стал работать ночным сторожем на базе партии. А летом приехал с семьей мой брат Борис. У него было двое детей. На войне Борис был ранен в голову и до приезда долго лечился. Работать устроился в партию коллектором. Сначала мы жили все в одной комнате, мест хватало.

На буровые добирались пешком, иногда на машине. С геологическими отчетами и на совещания ездил в контору в Ижевск.

Ижевская контора бурения находилась по улице Свердлова, 32, налево, перед спуском на плотину пруда, в подземном помещении бывшей (как говорили) заводской тюрьмы или порохового склада. Потолки были сводчатые, стены толстые, на окнах решетки. В то время рядом перестраивался дворец культуры машиностроителей. Работали пленные немцы.

Начальником конторы в то время был Иван Павлович Захаров, главным инженером Друз, а главным геологом А.С. Полушкин. Вскоре Захарова перевели в Новосибирск, а начальником конторы назначили Василия Фомича Кулика. Контора бурения подчинялась тогда Горьковскому геологоразведочному управлению.

Центральная производственная база конторы находилась около сеного рынка за цирком. Склады и мастерская были сделаны из хороших досок. Было несколько автомашин, в мастерской были станки.

Первое здание Удмуртской конторы разведочного бурения и геолого-поисковых работ (ныне — музей завода «Ижмаш»)

Железная дорога по обе стороны от станции Юськи до Ижевска была завалена разбитой военной техникой. Ее примерно до 1954 года резали на металлолом для металлургического завода. Мы часто из этого утиля добывали подшипники, болты, трубки.

Ижевск был почти весь деревянный, небольшой. Южная окраина проходила по железнодорожной линии на Воткинск, где было деревянное здание вокзала. Каменные дома были только по улицам Советская и Максима Горького. За железнодорожной линией до реки Позимь были озера и болота, заросшие камышом. Здесь гнездились утки и квакали лягушки. Сарапульский тракт, по которому мы ездили, был гравийным. Он был в плохом состоянии, особенно в Кенском лесу.

Зиму 1949 — 1950 годов прожили в Кечево. Я и мой брат Борис «мотались» пешком по буровым, описывали керн, вели геологическую документацию по скважинам. В середине лета 1950 года меня перевели старшим геологом в Бурановскую роторную партию (глубокое бурение). Начальником ее был А.Г. Черепанов, техником-геологом — Сергей Семенович Селиванов. Скважины № 1 и № 2 бурили в селе Бураново на речке, а № 3 на реке Иж в 15 километрах.

Геологическая документация была оформлена плохо. Селиванов раньше не работал на глубоком бурении и не знал, что делать. А.С. Полушкин тоже не работал, и подсказать ему не мог (он окончил Казанский университет и по диплому был геоморфолог). Пришлось все налаживать заново, работы было много. Работали две буровые бригады. Описывали керн, отбирали образцы, высылали их на анализы и отправляли в Казань и Пермь для изучения разреза скважин. В скважине № 3 была получена нефть (в верейском горизонте) с дебитом 0,5 т/сут. Эту скважину долго испытывали. В скважине № 4 тоже была нефть, но тяжелая и ее было очень мало. Скважины №№ 1, 2, 5, 7 оказались без нефти. В скважине № 6, около деревни Юськи, получили нефть с дебитом 5 т/сут.

В конце 1951 года буровые работы на площади Яган-Бураново были завершены. Мы занимались геологическими отчетами.

Кадровые работники партии в Бураново жили в новом, построенном из бруса восьмиквартирном доме. Мне и моему брату Борису вы-

делили отдельные квартиры. Рядом был сельский клуб, где часто показывали кинофильмы. Была сельская площадь с разрушенной до основания церковью. Недалеко была средняя школа и детский дом для сирот. В школе была хорошая художественная самодеятельность, директор сам руководил хором и играл на скрипке. Мои дети два года учились в этой школе.

В то время в Голюшурме (на реке Кама) с 1945 года работала нефтеразведка от треста «Молотовнефтеразведка». Она заканчивала работы на этой площади. Управляющим трестом был Сергей Владимирович Ганенко, а главным геологом Нина Александровна Трифонова. В 1950 году Ижевскую контору бурения передали в состав объединения «Молотовнефть» с подчинением тресту «Молотовнефтеразведка». Бурановская роторная партия была ликвидирована.

В это время со мной списался бывший начальник конторы бурения И.П. Захаров, работавший начальником Новосибирского управления. Он приглашал меня на работу в Тюменскую область. Во время отпуска я туда съездил и посмотрел местность и условия работы. Устраивало все, но дети уже пошли в школу, а там, в селе Покровское, была только начальная. Пришлось отказать от предложения. А так я бы мог стать первооткрывателем Тюменской нефти, но мне досталась только Удмуртская нефть!

А нефтеразведка из Голюшурмы была переведена в Пычас. Меня перевели в Пычасскую партию. Скважину № 1 забурили возле деревни Малиновка. Я контролировал буровые работы, при этом готовил отчет по завершённым работам Яганской площади.

В Ижевской конторе бурения произошла смена руководства: начальником назначили бывшего фронтовика Петра Мироновича Кор-

**Управляющий трестом «Молотовнефтеразведка»
С.В. Ганенко**

**Главный геолог треста «Молотовнефтеразведка»
Н.А. Трифонова**

Пычасский газовый фонтан, 1950 г.

неева. А.С. Полушкин остался на своей должности (главного геолога).

Часть оборудования и техники перевезли из Бураново в Пычас. Базу организовали за железнодорожной линией. Все работники жили в частных домах. Мы снимали дом по улице Первомайская (дом № 27). Дом находился на краю поселка у леса. А в доме № 23 жила семья Кудяшевых (из этой семьи вышел Юрий Петрович Кудяшев — будущий председатель Совета Министров УАССР).

При бурении скважины № 1 получили газовый фонтан. Создалась аварийная ситуация. Скважина фонтанировала 20 суток. Газ состоял в основном из азота. На устье удалось установить

фонтанную арматуру, которую специально изготовили на Ижевском машиностроительном заводе, и только после этого удалось заглушить фонтан. Буровым мастером работал Василий Михайлович Ключев, начальником партии Евгений Романович Широков.

С А.С. Полушкиным часто ездили в Пермь на совещания и заседания комиссии по запасам. Пермь скупово давали «метраж» на разведку нефти в Удмуртии, предпочитая больше разведывать на территории своей области.

В Пычассе мы закончили бурением три скважины, но они оказались без нефти. В конце 1953 года начали перебазировку в Мазунино (Сарапульский район) для разведки Вятской площади. В скважине № 1 обнаружили признаки нефти. В скважине № 2 (возле деревни Боярка) осенью 1954 года получили фонтан нефти из угленосной свиты. Дебит скважины составил 10 т/сут. Это была первая БОЛЬШАЯ НЕФТЬ на территории Удмуртии!

Потом бурили скважины №№ 3, 4. Они тоже были с нефтью. На скважине № 4 чуть было не случился пожар. Буровую спас буровильщик Михайлов. Мастером был В.М. Ключев.

Вятская структура оказалась нефтеносной на широкой площади. По расчетам специалистов запасы нефти оценивались здесь в 20 млн. тонн.

В Мазунино жили в частных домах. Буровики жили в деревнях, возле которых стояли буровые.

Летом 1955 года в Мазунино из Перми приезжали управляющий С.В. Ганенко и главный геолог Н.А. Трифонова. Они предложили мне организовать Казаковский участок бурения (в Алнашском районе Удмуртии). На предложение Ганенко я выразил несогласие. Он на это ответил, что напишет об этом приказ, и если я его не выполню, то у меня будут неприятности (тогда еще, несмотря на мирное время, начальники действовали методами военного времени). Делать нечего — пришлось мне взяться за эту «лошадиную» работу.

Нам была поставлена задача — пробурить до зимы скважину № 1 возле деревни Нива недалеко от Асановского сельскохозяйственного техникума. Скважину забурили. При вскрытии турнейских известняков получили выброс азотного газа с водой и серово-

Скважина № 2 — первооткрывательница нефти на территории Удмуртии

дорогом. С трудом, но удалось установить пробку и заглушить выброс. Рабочие работали в противогазах и специально сшитых плащах из медицинской клеенки. После каждого углубления скважины открывалось новое поглощение, и газовый фонтан возобновлялся. Так происходило три раза.

Бурение затянулось до холодов, буровая стала обмерзать льдом. Мы с инженером Борисом Николаевичем Чернухиным разработали конструкцию пробки. Ее под весом инструмента посадили в башмак кондуктора, инструмент закрыли задвижкой и заглушили фонтан. Скважину законсервировали до теплых дней. Через некоторое время в овраге, в 40 – 50 метрах от буровой образовался грязево-газовый грифон. Это место огородили. За зиму здесь образовалась огромная гора грязного льда с дырой посередине. Буровая наполовину оледенела вертикальными подтеками и тихонько шипела.

Удмуртский геолог М.М. Погребняк, 1963 г.

Мы стали строить буровые №№ 3,4. Приехало много молодых специалистов. Буровым мастером назначили Бориса Павловича Демина (он окончил Пермский техникум), а инженером — Б.Н. Чернухина. Это были толковые и инициативные специалисты. Позже приехал и начал работать геологом Михаил Митрофанович Погребняк (который позже «до-

растет» до генерального директора предприятия).

Пока организовывали разведку в Алнашах (до конца августа) моя семья жила в Мазунино. В селе я долго не мог найти квартиру. Пустила жить одинокая женщина — за дрова, которые я ей привез. К тому времени у меня уже родился четвертый ребенок. Ребята (Боря, Дима, Витя) в сентябре пошли в школу, а маленькая Валя оставалась с мамой. Купленный в Мазунино мотоцикл М-72 с коляской перегнал в Алнаши и на нем ездил по буровым.

В ноябре мы нашли отдельный дом в центре села по улице Садовая. Недалеко был клуб и средняя школа, рядом столовая. Дом был хороший, со всеми постройками, большим двором и огородом. Воду брали в колодце у соседей. Хозяина дома тогда назначили председателем колхоза, и он уехал с семьей в деревню Байтеряково.

В Алнашах обустроивали базу: построили мастерские, пиломатериалы, контору, электростанцию. Электростанция была мощной, и по просьбе райисполкома и колхоза подключили к ней село и колхозные фермы. Топливо завозили из города Можга.

Дорога до Можги была плохой, особенно зимой. В мастерской стали делать зимние сани из труб. На них ставили большие емкости и привозили топливо. На такие же сани устанавливали дома-теплушки с железными печками и спальными местами. Рабочие на буровых стали жить в нормальных условиях. Раньше бывало, жили в землянках, как во время Великой Отечественной войны, или снимали жилье в ближайшей деревне.

Впервые из труб стали делать основания и мостки под буровые отдельными секциями и их перевозили как сани. Сократилось время на перевозку и монтаж буровых вышек. Тракторы в разведке в то время были мощные — С-80. В колхозах таких не было.

Одновременно с обустройством базы стали строить два жилых дома по семь квартир. Были сарайчики для дров. Вдоль домов проложили тротуары из досок. Квартиры выделялись специалистам и рабочим, работающим на постоянной основе. Дома были теплые. Срубы для них покупали в Можге.

Один дом заселили раньше — в нем была квартира для моей семьи. В ней была небольшая, но хорошая печка (я сам ее проектировал). Была кухня и две комнаты, разделенные перегородкой, одна поменьше для детей. Постепенно стали обзаводиться вещами. В Ижевске однажды, когда был на совещании, купил стиральную машину «Кама» с ручным отжимом белья катками. Всем знакомым было интересно и удивительно — как это машина может стирать белье?! Приходили и смотрели. Купил ребятам мотоцикл «Ковровец». Они его быстро освоили. До этого у них на троих был велосипед. Летом ездили на рыбалку, ловили карпов. В 1958 году купил телевизор. Но в Алнашах он очень плохо показывал, потому что

было далеко до Ижевского телецентра. Пришлось с помощью трактора установить двадцатиметровую мачту, а на ней установить антенну. Изображение улучшилось, и уже можно было смотреть телепередачи. В то время в Алнашах телевизора ни у кого не было.

Познакомились и тесно сотрудничали с председателем колхоза Борисом Захаровичем Загуменовым. В колхозе осенью закупали свиней на мясо для работников нефтеразведки. Колхозу помогали тракторами во время посевной. Общались с писателем Геннадием Ивановичем Красильниковым и прокурором района Адольфом Кузьмичом Тубыловым (он позднее стал генеральным прокурором Удмуртской АССР). Праздники отмечали вместе, ходили друг к другу в гости.

Помогали «Райпотребсоюзу» транспортом, возили товар из Можги. На территории нефтеразведки открыли магазин. Потом достроили второй дом, тоже семиквартирный. В нем получили квартиры инженер Б.Н. Чернухин и геолог М.М. Погребняк. До приезда Погребняка геологом работал П.П. Ильин, которого перевели в Ижевск — в геологический отдел.

Как стало тепло, летом 1956 года, скважину № 1 задавили тяжелым глинистым раствором, цементом и законсервировали. Потом пробурили скважины №№ 3, 4, а в Варзи-Ятчах №№ 8, 10. К сожалению, безрезультатно — нефти не было. Получили задание — пробурить три скважины в Грахово. В одной из этих скважин были признаки нефти, но скважина была технически неисправной и ее не стали испытывать.

Летом 1957 года опять приезжали из Перми управляющий С.В. Ганенко и главный геолог Н.А. Трифонова. Я напомнил им, что мне пора возвращаться в геологи, но в ответ услышал, что, мол, у тебя хорошо получается и, вообще, работай дальше, надо будет — заменим.

На балансовых комиссиях я с инженером Б.Н. Чернухиным выступал против неправильных (на наш взгляд) методов руководства конторой (особенно со стороны главного инженера Бориса Эдуардовича Липштока). Он имел привычку давать по телефону команды, куда и какую машину или трактор направлять. Мы же считали, что нам на месте виднее, как поступать с техникой.

В 1958 году в нефтеразведке произошел курьезный случай. В Алнашах в начале лета (после посевной) отмечали праздник «Гырон-Быдтон». Его организовали на природе, на полянке около леса. Перед этим нефтеразведка получила новую машину ЗИС-151. Мои молодые помощники Чернухин и Погребняк завели эту машину и поехали на праздник. Дорога к поляне была не накатанная, заросшая травой, а в логу был пльвун. Машина была тяжелая, все это продавила и ... застряла. На другой день машину пришлось вытаскивать трактором С-80. Однако трактор не смог ее вытащить. Тогда послали бригаду вышкомонтажников, и только с помощью оснастки блоков и трактора удалось вытащить машину! Провозились два дня. Рабочие были возмущены поступком этих «руководителей» и я был вынужден их наказать — пришлось заставить оплатить расходы за проведение работ по спасению техники. Виновникам это, конечно, не понравилось, они сердились. Но против справедливости я не пошел! Потом постепенно все «улеглось» и когда все вспоминали об этом, то смеялись.

Нефтеразведка в Мазунино заканчивалась, начальник участка Евгений Романович Широков переехал в Ижевск (он стал работать в профсоюзе). Вместо него был назначен Лев Борисович Тимошук. Но он плохо ладил с людьми и специалисты стали просить перевести их в Алнаши. В 1958 году уехал и Чернухин (его отправили организовывать нефтеразведку в Сарапуле). Конечно было жалко терять таких специалистов! Но жизнь, есть жизнь — вскоре прислали новых работников.

В это же время Л.Б. Тимошук перевелся в Ижевск (в контору). А вместо него в Мазунино назначили начальником М.М. Погребняка, а нам прислали Е.Е. Костина из Оренбурга. Он проработал недолго, его сменил Эдуард Петрович Малых, который приехал из Глазова.

В 1956 году мой брат Борис заочно окончил Московский горный институт. Тема его дипломного проекта была посвящена разведке Вятского месторождения нефти. Дипломный проект Борис защитил на «хорошо» и его сразу назначили старшим геологом нефтеразведки в Мазунино. Командовал там по-прежнему М.М. Погребняк. Для работников нефтеразведки построили трех-

квартирный дом — в нем жил мой брат с семьей, а позднее М.М. Погребняк с семьей.

Через год Борис заболел (последствия тяжелого ранения в голову во время Великой Отечественной войны). Я поехал в Мазунино. Он меня узнал и все время говорил: «Вот мы теперь два брата разведчики нефти» и показывал диплом и орден Красной Звезды. Потом забывался, начинал говорить отрывочно о том, что фашисты близко, и он им задаст залпом. Дело в том, что Борис на фронте был командиром артиллерийской батареи и в памяти у него остались обрывки фронтовых случаев. Мы его увезли в Ижевск в больницу. Он пролежал пять месяцев, подлечился и вернулся на работу.

Из Мазунино руководящих специалистов перевели в Сарапул: брата Бориса — геологом, а М.М. Погребняка — начальником. Через некоторое время Борис снова заболел. На этот раз причиной послужило нервное расстройство, которое связано было с тем, что его сделали виновником аварии на буровой, к которой он не имел никакого отношения. Вновь мне пришлось взять его в Ижевск в больницу. После этого он уже на работу не вернулся. После лечения ему дали в Ижевске однокомнатную квартиру.

В 1959 году стала ясна бесперспективность разведочных работ на нефть в Алнашском и Граховском районах. Сейсморазведчики предложили структуру в Киясовском районе. Нашей партии дали задание перебазироваться в деревню Киясово. Стали готовиться к переезду. На пилораме готовили брус и доски для домов. На окраине Киясово нам отвели землю под базу и жилые дома.

В начале 1959 года по зимней дороге отправили вышкомонтажников строить буровую № 1 в деревню Мушак (в 5 километрах от Киясово). Дорогу проложили прямо через реку Иж и Агрызский район. Тяжелое оборудование возили тракторами на санях, а машины ходили через Агрыз и Кечево. После пуска буровой приступили к обустройству базы. На базе выстроили из досок склад, здание под электростанцию, мастерскую, небольшой гараж. Начали строить из бруса жилые дома на 10 квартир, дом для начальника, контору. В Кечево на станции организовали свою нефтебазу. К концу лета основные объекты строительства были закончены,

мы погрузили все пожитки на ЗИС-5 и переехали жить в Киясово. Заселили построенные ранее дома.

Часть рабочих осталось жить в Алнашах, поэтому приходилось набирать работников из местных жителей и обучать их всему, как говорится, «на ходу». Работали два буровых станка. Мастерами были Б.П. Демин и В.М. Клюев.

Бывали и внештатные ситуации. Например, уже осенью после переезда у Б.П. Демина случился пожар, причину которого не смогли выяснить (хотя вполне вероятно причиной мог быть факел). Скважину спасли, инструмент оторвали от забоя трактором. Это была довольно крупная неприятность, обернувшаяся нервотрепкой, приездом многочисленных комиссий и т.д. и т.п. К счастью вскоре все восстановили, и скважину удалось добурить до проектной глубины, но данные сейсморазведки о возможной нефтеносности не подтвердились. В целом после бурения трех скважин окончательно выяснилось «нефтебесперспективность» Киясовской площади.

Встал вопрос — куда теперь перебазироваться? Не успели обустроиться, как снова пришлось переезжать. Было принято решение — переезжать в Можгу. И вновь те же «грабли»: проблемы транспорта, жилища для работников, поиски материалов для строительства и т.д. В Можге на южной окраине города я получил площадь для базы и строительства жилых домов. Начали обустраивать базу и строить жилье. Снова установили пилораму, электростанцию, мастерские, склады. Стали пилить брус для домов. Организовали две бригады строителей — вышкомонтажников и рабочих по обустройству базы, на железнодорожной станции организовали разгрузочную площадку, склады для цемента и горючего.

Семья у меня потихоньку взрослела. Сын Борис окончил курсы водителей (при местном военкомате) начал работать в нефтеразведке шофером. Дима закончил в Киясово 10 классов и поступил в техническое училище при механическом заводе (в Ижевске). Жили на квартире. Витя учился в школе, Валя еще в школу не ходила. Хорошие были ребята! При всех трудностях и неудобствах жизни не роптали на судьбу и еду. Когда я бывал в Ижевске по ра-

боте, то обязательно покупал для семьи одежду и обувь. Для ребят купил баян и они научились на нем неплохо играть. Всегда привозил из Ижевска белый хлеб, потому что в деревне белого хлеба в то время не было.

В зиму 1960 — 1961 годов из Киясово начали перевозить на тракторных санях по зимним дорогам тяжелое буровое оборудование. Скважины были выданы на Можгинской структуре. Приступили к строительству буровых. После того как были построены два жилых дома по 10 квартир стали переезжать семьи работников нефтеразведки. В Киясово жилые дома разобрали и перевезли в Можгу без согласия местного районного руководства. Меня вызывали в райисполком и говорили, что так нельзя поступать. А нам надо было обустроить базу и переселять людей (времени как всегда было мало, а новые материалы пришлось бы «добывать» и «выбивать», как говорится, с боем). Поэтому я дал команду все вывезти.

Базу в Можге сразу огородили забором. Пробурили скважину для забора воды местным жителям, построили баню и все производственные объекты. Построили пять жилых дома по 10 квартир. Все семейные и постоянные работники нефтеразведки теперь были обеспечены жильем!

Приказом по тресту (с сентября 1958 года Удмуртская контора разведочного бурения и геологоразведочных работ была преобразована в Удмуртский трест разведочного бурения «Удмуртнефтеразведка») наша партия была преобразована в экспедицию.

В это же время был организован Граховский участок. Там построили три щитовых дома. Начальником участка был назначен Лев Николаевич Шалагинов. Организовали проектно-ремонтный цех (ПРЦ). В нем работники нефтеразведки занимались ремонтом турбин, техники, кроме того сюда вошел и весь транспорт экспедиции. По указанию руководства трестом был назначен начальник ПРЦ, который подчинялся тресту. Я с такой организацией работы был не согласен, так как увеличился штат руководящего и служащего персонала, вырос поток бумаг в виде заявок на транспорт и ремонт. При наличии транспорта часто буровые оказывались «на голодном пайке», так как в ПРЦ распоряжения по использованию

техники приходили из Ижевска (в частности от главного инженера треста Б.Э. Липштока). Поэтому зачастую транспорт использовался на нужды треста, а не экспедиции. На этой почве у меня возникали столкновения как с управляющим трестом П.М. Корневым, так и с главным инженером Б.Э. Липштоком. Я им доказывал, что такой метод организации работ нерационален, потому что с этим объемом транспорта и ремонта мы вполне управимся сами, без лишних людей, так как финансирование напрямую зависело от пробуренных метров в бурении. На это мне отвечали, что это будто бы не их решение, а приказ Министерства геологии.

Бурили первые скважины буквально в черте города (у лесозавода, у речки). Сейсмическая структура подтвердилась, но нефти не было. Только в скважине № 1 в песчаниках девона были «бедные» вытяжки нефти.

Пробурили скважину в Люге, но она тоже оказалась «пустой». Продолжали бурить около Грахово. Но там были сложные тектонические условия. Скважины давали слабые притоки нефти, да и пласты были маломощные. Бурили до кристаллического фундамента (1750 — 1800 метров).

Инженером там работал Иван Георгиевич Солдатенков, а геологом (правда, недолго) Е.Е. Костин.

Дома было все хорошо. Квартира была хорошая, просторная. Телевизор работал хорошо: показывал все программы. Старшие сыновья уже служили в армии: Борис в Венгрии, а Дима на подводной лодке на Камчатке.

Летом 1962 года на буровой у В.М. Ключева (Граховский участок, где командовал Л.Н. Шалагинов) произошел несчастный случай со смертельным исходом. А произошло вот что. На противовес машинному ключу подвесили долото. По правилам техники безопасности противовес должен быть огражден и скользить по штанге. А он, вероятно, был плохо привязан (или перетерся), сорвался и угодил помощнику бурильщика по голове. Виноваты, конечно, в первую очередь были мастер и бурильщик. Во вторую очередь виновен был Л.Н. Шалагинов, как начальник участка, где произошел несчастный случай. Но он как раз в это время был в военкомате (на переподготовке). Приехала комиссия из Ижевска —

во главе ее были главный инженер треста Б.Э. Липшток и представитель облсовпрофа Н.Н. Третьяков. Началось расследование.

Вообще-то, за халатность, повлекшую гибель человека, непосредственные руководители по закону должны были отвечать в судебном порядке, т.е. дело «запахло» судом. И вполне естественно, руководство треста правдами и неправдами пыталось этого избежать. Уговаривали Н.Н. Третьякова, искали компромиссные варианты (как говорится, чтобы и «волки были сыты и овцы целы») и пришли к выводу, что самый подходящий вариант сделать виноватым меня, т.е. издать приказ о снятии с должности начальника экспедиции Севанько. Я тогда сказал управляющему трестом П.М. Корнееву, что с этим приказом не согласен и приказ принципиально не верен. На это он мне ответил, что это — вынужденная мера, чтобы не доводить дело до суда. Мне было очень тяжело морально отвечать за других, но и людей было жалко (особенно мастера В.М. Ключева). Поэтому я смирился с этим. «Подсластило» пилюлю то, что меня обещали перевести работать в трест (в тематическую партию), а также пообещали выделить квартиру в Ижевске.

Земля круглая, поэтому вскоре узнали о случившемся и мои друзья в Алнашах: Б.Э. Загуменов — председатель райисполкома, писатель Г.В. Красильников, прокурор района А.К. Тубылов. Они сказали, что помогут мне восстановить правду. Но я уговорил их ничего не предпринимать, так как у меня появилась возможность, наконец-то, работать по родной специальности, т.е. геологом.

В июле 1962 году был подписан приказ управляющего трестом, на основании которого я был переведен старшим геологом в тематическую партию. Начальником этой партии в то время был Павел Константинович Бондарчук (в будущем главный геолог Удмуртского производственного геологического объединения «Удмуртгеология»), а техниками-геологами работали Е.А. Толстухин и А.Н. Суоров.

Партия находилась по улице Пойма (за мясокомбинатом). Занимались мы, в основном, подготовкой геологических карт для треста, составляли планы разведочных работ, осваивали испытание

скважин на приток и осуществляли отбор глубинных проб (этой работой занимался А.Н. Суоров).

Трудно было привыкать к городской жизни, без семьи. Поэтому почти все время «убивал» в работе. Составлял карты прогнозов структур, которые зачастую подтверждались при выполнении разведочных работ уже на скважинах. Выезжали с Е.А. Толстухиным на буровые, описывали керн.

В тематической партии и в геологическом отделе треста работали дружные и квалифицированные специалисты: Евгений Александрович Толстухин, Галина Ивановна Толстухина, Нина Николаевна Сумкина, С.В. Бабкина, Н.А. Бадалинская, Г.Ю. Рубинштейн, Князева, В.И. Харченко и, конечно, главный геолог А.С. Полушкин.

В конце 1962 году А.С. Полушкин уехал в Тюмень и главным геологом стал В.А. Шеходанов.

В 1963 году Можгинскую экспедицию перебазировали в Воткинск. Начальником был назначен Юрий Максимович Бояршинов, а главным геологом П.К. Бондарчук. В тресте были организованы две тематической партии — одна для проведения анализа геологических материалов (ее возглавила Н.Н. Сумкина), другая занималась подсчетом запасов (ее возглавил я).

В это время мы подготовили отчеты по подсчету запасов Архангельского, Чутырско-Киенгопского, Мишкинского, Гремихинского, Лисвенского, Красногорского, Бегешкинского месторождений (т.е. всех основных «забойных» месторождений Удмуртии). Была подготовлена база для создания предприятия «Удмуртнефть» и промышленной добычи нефти на территории республики!

Ежегодно я ездил в Москву в Государственную комиссию по запасам нефти и газа защищать наши отчеты. Почти всегда со мной ездил В.А. Шеходанов, а последние два раза П.К. Бондарчук. Все защиты отчетов проходили успешно, нас ни разу не «завернули».

А в марте 1976 года я решил выйти на пенсию (хотя уже давно был пенсионером из-за наличия полевого стажа).

Моя работа в Индии в 1970-е годы (продолжение, начало в «Ветераны» вып. 25)

Б.А. Николаев

В 1970 году по приезду в Москву меня поселили в общежитии министерства, находившееся за забором министерского двора и имевшее вход с Фалеевского переулка. В это время там уже проживали Ю.Г. Терентьев — начальник Главного управления технологии бурения и два специалиста Управления автоматизации технологий: нефтедобычи — Л. Лозовский и бурения — А. Леонов.

Основными задачами технического отдела Управления капитального строительства были подготовка нормативных документов для собственных строительных организаций министерства и строительных организаций, входящих в состав производственных объединений: размеры фондов оплаты труда, размеры накладных расходов, нормы расхода материально-технических ресурсов на 1 млн. руб. строительно-монтажных работ, с защитой их в вышестоящих инстанциях, распределение централизованно выделяемых ресурсов, задания на разработку норм их экономии, представление сводной отчетности в контролирующие организации об экономии, разработка сметных нормативов стоимости объектов нефтяной промышленности.

Отдел был сформирован специалистами «старого» министерства, представителями которого были начальник отдела и А.И. Садчиков, а также молодежью, пришедшей на работу из Министерства путей сообщения, занимавшего ведущие позиции в иерархии управления народным хозяйством: Б.К. Хеймановский, В.С. Злунова, В.А. Бондаренко.

Отдел в своей работе был связан со специалистами Главстроя СССР, Стройбанка СССР и Госплана СССР и, естественно, со службами капитального строительства производственных объединений.

Перед поездкой

Однажды ко мне обратился Юрий Иванович Шаевский, работавший в Геологическом управлении. Он собирал группу специалистов для оказания помощи Индии в разработке долгосрочного плана раз-

вития нефтяной промышленности страны и по рекомендации В.И. Тимонина предложил мне войти в нее. Я только-только начал работать в УКС'е, работы было много и мне не хотелось отвлекаться. Примерно так я и ответил Юрию Ивановичу. Он, возразив, что этот вопрос будет решать руководство, ушел, а мой непосредственный начальник Владимир Юрьевич Филановский, когда я рассказал ему об этом предложении, сказал: «Иди и работай, не забивай себе голову!»

Между тем группа Шаевского уже готовилась к отъезду. В ней, кроме самого Юрия Ивановича, были еще Н.И. Буяновский из ВНИИБТ и один геофизик из Саратова.

В один из дней меня пригласил к себе первый заместитель министра Сабит Атаевич Оруджев. Когда я вошел в его кабинет, там уже сидели Ш.С. Донгарян, В.Ю. Филановский и П.А. Арушанов. В тот момент Сабит Атаевич и Владимир Юрьевич вели оживленный разговор. Последний говорил, что не для того он приглашал меня в УКС, чтобы отправлять куда-то в командировку. С.А. Оруджев парировал тем, что из-за отсутствия необходимого специалиста выезд группы, призванной решать важнейшие государственные задачи, откладывается, что командировка будет недолгой, всего три месяца, да и оформить заграничную поездку министерскому работнику проще и быстрее, чем кому-то другому. Для большей весомости Сабит Атаевич сказал: «Этот вопрос уже согласован двумя заместителями министра — мной и Шагеном Сааковичем (Донгаряном)».

Затем обратились ко мне, есть ли у меня возражения? Возражения были, и я высказал их. К аргументам своего начальника (В.Ю. Филановского) я добавил личные: 22 марта 1970 года у меня родилась дочь, а 5 апреля я уже приступил к работе в министерстве, квартиры у меня нет, семья живет в другом городе, но с моим отъездом у жены потребовали освободить занимаемую квартиру в связи с отъездом квартиросъемщика. С мая я ходил к тому же Сабиту Атаевичу с просьбой помочь в разрешении квартирного вопроса и в случае моего отъезда его решение еще больше бы затянулось. Теперь же мне обещали, что к моему возвращению из Индии все будет устроено.

Все аргументы были исчерпаны, а возражения сняты. В августе в Индию выехала группа Ю.И. Шаевского, а я, оформившись в установленном порядке, присоединился к ней в октябре.

В Индии

Наша группа размещалась в г. Дера Дуне на севере страны в предгорьях Гималаев, которые считаются своего рода курортной зоной в жарком индийском климате. В Дера Дуне находилась штаб-квартира государственной нефтяной и газовой компании Индии ONGC (Oil and Natural Gas Commission), с которой мы должны были работать над долгосрочным планом развития государственного сектора нефтедобывающей промышленности.

Для начала нам предстояло ознакомиться с работой предприятий ONGC, геологическим строением потенциально нефтеносных районов Индии для дальнейшей организации геофизических исследований и разведочного бурения, оценить имеющуюся в потенциально нефтеносных районах инфраструктуру. Результаты этого изучения должны были стать наряду с данными по разрабатываемым месторождениям отправной точкой для нашей работы.

Под понятием «наши» я подразумеваю сводную группу индийских и советских специалистов. Ее основу составляли индусы, а мы, советские инженеры, являлись консультантами и предлагали методики составления перспективных планов, расчетов геофизических, геологических, буровых работ, технологических и экономических расчетов для создания отраслевых объектов и т.п.

Программа, над которой нам предстояло работать, включала следующие разделы:

- геофизические работы;
- геология и предполагаемые открытия,
- бурение скважин и разработка залежи,
- добыча нефти и газа,
- сбор, подготовка и хранение продукции,
- магистральный транспорт нефти и газа,
- экономика.

В подготовке первых четыре разделов участвовал Ю.И. Шаевский, он же руководил всей работой. Первый раздел был на нашем коллеге из Саратова, третий — на Н.И. Буяновском. Ответственным за все остальное был я.

Моим партнером в этой работе был начальник департамента ONGC по нефтедобыче мистер Дамодран. Это был высокий, хорошо

сложенный мужчина моего возраста, очень похожий на европейца. Это было тем более удивительно, что он происходил из штата Керала на юго-западе Индостана, жители которого отличались от остальных индийцев более темным цветом кожи.

Разработка и согласование плана работ, последующее изучение исходной информации и знакомство с состоянием предприятий определили объемы работ. Получалось, что не менее 9 месяцев потребуется для ее выполнения, о чем мы и доложили как индийской, так и советской стороне.

Мы были в Индии уже 3 месяца, стали поднимать вопрос о приезде туда наших жен. Наши советские и индийские руководители согласовали этот вопрос, но потребовали от группы не расслабляться и к августу 1971 года представить перспективный план развития нефтедобывающей отрасли страны.

Конец 1970 года наша группа провела в поездках по штату Гуджарат, знакомясь с предприятиями ONGC и районом разрабатываемых месторождений и новым потенциальным Камбейским бассейном.

Кроме него в Индии был еще Асамо-Араканский бассейн на северо-востоке страны в штате Ассам, где в среднем течении реки Брахмапутры велась разработка месторождений компанией англо-голландского концерна «Ройял Датч Шелл». В 60-е годы в этом бассейне ONGC открыло ряд месторождений.

Ю.И. Шаевский после изучения геологических материалов предложил индийским специалистам наряду с оптимизацией работ на разрабатываемых месторождения вести разведку в перспективных районах, характеризующихся большой толщиной осадочных пород. К ним относились западные районы материковой части Индии, в южной части которой велась добыча нефти.

До нашего приезда в Индии долгое время работал Николай Алексеевич Еременко, директор Института геологии и разработки горючих ископаемых (ИГиРГИ). Он оставил о себе добрые воспоминания. В благодарность индийцы назвали его именем организацию, в которой работал Н.А. Еременко.

Предложения Ю.И. Шаевского совпадали со сложившимся мнением индийских специалистов и легли в основу дальнейших работ над перспективным планом.

К началу работ нашей группы на балансе ONGC имелось 17 нефтяных месторождений, находившихся в промышленной разработке, пробной эксплуатации и доразведке. Все они были открыты в 60-е годы с участием советских специалистов.

В промышленной разработке находилось 6 месторождений: Анклешвар, Калол, Навагам, Вавел — в Камбейском бассейне и Лаква, Рудросагар — в Ассамо-Араканском.

Суточная добыча нефти по месторождениям Камбейского бассейна была следующая: Анклешвар — 8300 тонн, Калол — 700 тонн, Навагам — 500 тонн. Каждое из остальных месторождений давало менее 100 тонн в сутки.

В Ассамо-Араканском бассейне суточная добыча составляла по месторождению Лаква 400 тонн, по месторождению Рудросагар — 130 тонн. С последнего нефть железной дорогой доставлялась на завод в Гоахати. Разработка его была признана нецелесообразной и оно было законсервировано.

Согласно данным плановых органов Индии, переданных ONGC для учета при составлении долгосрочного плана добычи нефти, в 1978 году общая мощность нефтепереработки на действующих и планируемых к вводу НПЗ должна была составлять 35,12 млн. тонн при потребности 45 млн. тонн.

Система обустройства и эксплуатации месторождений была следующая. На начальной стадии освоения месторождения применялись скважино-сооружения для замера и хранения нефти перед ее транспортом автомобильными танкерами. Газ при этом сжигался. В качестве постоянной технологической схемы применялась децентрализованная схема сбора продукции скважин с законченным технологическим циклом на групповых сборных пунктах. По этой схеме продукция скважин направлялась на групповые сборные пункты, где осуществлялась полная сепарация газа от нефти. Количество ступеней сепарации определялось величиной давления. В зависимости от этого проводилась трехступенчатая сепарация при давлениях 16, 6 и 0,5 атмосфер или двухступенчатая — при давлениях 6 и 0,5 атмосфер. Предпочтение отдавалось первой, позволявшей увеличить объем выхода нефти иметь газ высокого давления для передачи его на большие расстояния. Разгазированная нефть поступала в резервуары, откуда

насосами перекачивалась в центральный резервуарный парк или отгружалась в автотанкеры для последующего транспорта на завод. Газ высокого давления, если он был, использовался для производства минеральных удобрений или электроэнергии. Газ последней ступени сжигался и вопрос его использования глубоко не прорабатывался. На групповых сборных пунктах предполагалось проводить обессоливание и обезвоживание эмульсионной нефти в хитер-тритерах. К сборным пунктам в зависимости от особенностей месторождения подключалось от 12 до 36 скважин. Исключением являлось лишь Анклешварское месторождение, где была применена напорная централизованная схема сбора, при которой продукция скважин после двухступенчатой сепарации на групповых установках за счет остаточной энергии пласта направлялась на площадку резервуарного парка для окончательной сепарации и обессоливания.

В Камбейском бассейне вся добываемая нефть транспортировалась на НПЗ Койяли (3,6 млн. тонн нефти) с месторождения Анклешвар (95 км), Навагам и Косамба (135 км) трубопроводом, с других месторождений — железной дорогой и автотранспортом.

В Ассамо-Араканском бассейне существующий нефтепровод Нахоркатия — Моран — Гоахати — Барауни, являющийся единственной транспортной магистралью, связывающей районы добычи с заводами, принадлежит частной компании концерна «Шелл» и рассчитан в основном на транспорт нефти с месторождений этой компании. Из-за этого месторождения ONGC Лаква и Рудросаргар, подготовленные к промышленной разработке и имеющие утвержденные извлекаемые запасы порядка 28 млн. тонн, были практически законсервированы, о чем свидетельствовали объемы добычи. В 1969 — 1971 годах частная компания добывала порядка 3 млн. тонн, а ONGC — 0,18 — 0,19 млн. тонн.

В 1970 — 1971 годах по заводам распределение нефти было следующим: Дигбой — 0,5 млн. тонн, Гоахати (400 км) — 0,75 млн. тонн, Барауни в штате Бихар (700 км) — 2,04 млн. тонн. Такое распределение нефти объясняется ограниченной потребностью в нефтепродуктах в Ассамо-Араканском бассейне.

Общий процент утилизации газа в Камбейском бассейне в 1970 году составил 63,15 %, в Ассамо-Араканском бассейне — 3,25 %.

Анализ применяемой на месторождениях ONGC технологической схемы сбора нефти и газа требовал проверки целесообразности ее дальнейшего применения по следующим причинам.

Нерациональное использование энергии пласта, когда последняя теряется при ступенчатой сепарации на групповых сборных пунктах, вместо того чтобы использоваться для транспорта продукции скважин до единого пункта сбора.

Децентрализация производственных процессов, при которой на одном месторождении создается несколько пунктов с законченным технологическим циклом по сепарации, подготовке нефти, подготовке и компримированию газа и сооружениям транспорта товарной продукции.

Как показало сравнение, при централизованной схеме уменьшается потребность в технологическом оборудовании как по мощности, так и по номенклатуре. Сокращение потребной мощности при этом происходит за счет концентрации в одном пункте всех объемов добываемой с месторождений продукции. Это позволяет при неодновременно меняющихся объемах добычи на отдельных месторождениях, не говоря уже об отдельных группах скважин, обеспечить стабильность мощности устанавливаемого оборудования по сравнению с децентрализацией.

Децентрализация при малых объемах собираемой продукции скважин осложняет использование газа последней ступени сепарации.

Централизованная герметизированная схема сбора устраняет эти недостатки, но в свою очередь требует увеличения диаметров трубопроводов и повышения давления на устьях скважин. Поэтому для выбора оптимальной технологии сбора нефти и газа на перспективу был произведен сравнительный анализ децентрализованной и централизованной схем сбора нефти.

Этому предшествовал анализ экономической целесообразности применения трубопроводного и автомобильного транспорта нефти. Цель этого анализа — определить эффективность трубопроводного транспорта небольших объемов нефти в зависимости от расстояний и тем самым выявить предел минимальной добычи нефти с месторождения, при котором последнее целесообразно охватывать централизацией. Результаты расчетов в равной мере приемлемы как для централизованной, так и децентрализованной схем сбора нефти.

Автомобильный транспорт нефти нашел широкое применение в ONGC и используется как для дальних перевозок — на заводы, так и на ближние, в сочетании с железнодорожным и трубопроводным. В основном его планируют для месторождений, находящихся в пробной эксплуатации. Но из-за отставания строительства нефтепроводов его продолжают использовать и при промышленной разработке месторождений, что значительно сдерживает рост добычи.

Общий объем автоперевозок нефти в ONGC следующий.

Тип перевозки	в 1969 — 1970 оп.г.,	в 1970 — 1971 оп.г.,
	в тыс. т	в тыс. т
автотанкерная	255,8	246,3
железнодорожная	234,1	212,6
трубопроводная	3161	3207,1

Наряду с высокой стоимостью транспорта нефти и большим процентом ее потерь при автоперевозках, определение предела применимости трубопроводного транспорта в зависимости от объемов перекачиваемой нефти и расстояний приобретало первостепенное значение.

Однако определение предела применимости трубопроводного транспорта еще не решало проблемы отставания трубопроводного строительства. Должен быть определен критерий целесообразности опережающего строительства нефтепроводов. В качестве такого критерия была принята величина извлекаемых запасов, отбираемых за 15-летний период эксплуатации месторождения, т.е. за период амортизации сооружений транспорта. Таким образом, при наличии утвержденных извлекаемых запасов нефти и оценки величины их отбора за 15 лет можно принимать решение о способе транспорта нефти с месторождения.

На основе проведенного анализа по месторождениям с временными (за 15 лет) извлекаемыми запасами была определена величина максимальной добычи, на которую и рассчитывалась мощность сооружений трубопроводного транспорта. В соответствии с изложенным были произведены технико-экономические расчеты по определе-

нию стоимости транспорта нефти трубопроводом на различные расстояния в пределах 100 километров при разных объемах перекачки.

Нефть Ассамо-Араканского бассейна высоковязкая и застывает при температуре $+33 - 35^{\circ}\text{C}$. Для ее перекачки нужно было строить сооружения по термообработке.

Ввиду высокой стоимости трубопроводов оптимальными диаметрами для них в пределах запланированного объема оказались 3 и 4 дюйма, при которых стоимость 1 тыс. км даже с учетом размещения через каждые 25 км промежуточных насосных станций оказалась ниже стоимости нефтепровода большого диаметра.

Трубопроводный транспорт становится экономически нецелесообразен при величине извлекаемых запасов, подлежащих отбору в течение 15 лет, равной 0,75 млн. т или максимальной годовой добыче 60 тыс. тонн. Эти значения и были приняты в качестве минимального предела применимости трубопроводного транспорта при расчетах на перспективу.

Разработка программы велась по двум вариантам развития: с открытием крупных месторождений (порядка 50 млн. тонн извлекаемых запасов, типа Анклешварского, — первый, второй — открытие небольших по запасам месторождений). При этом учитывались и морские участки. Ведь с запада Индия омывается Аравийским морем. В его Камбейском и Бомбейском заливах геофизическими методами были выявлены крупные структуры: Бомбейский свод, Дом-1, Северное и Южное Тапти. На них были возможны открытия крупных месторождений с извлекаемыми запасами 50 млн. тонн.

В соответствии с этим допущением береговые сооружения рекомендовалось разместить в районе г. Бомбея, где перерабатывающие мощности составляли более 6 млн. тонн нефти в год. Как худший вариант транспорта к ним продукции скважин предусматривался трубопровод от Бомбейского свода, находящегося в 170 км от города. Для остальных структур сбор продукции предусматривался в районе г. Сурата.

Расчеты велись по периодам: 1-й период — 1971 — 1975 годы, 2-й — 1976 — 1908 годы. По каждому из них на основе расчетных показателей планируемой добычи по бассейнам и районам (включая шельф) определялись по годам: приобретение оборудования и ввод мощностей с расчетами их стоимости и технико-экономических показателей,

включая себестоимость добываемой нефти и ее транспорта до нефтеперерабатывающих заводов. Одновременно определялись затраты на компримирование и транспорт нефтяного газа. Оптимальные варианты принимались с учетом сроков окупаемости производимых затрат.

Все расчеты велись в индийских рупиях с привязкой к американскому доллару и учету его ежегодной потери стоимости в размере 5 %.

В августе 1971 года работа была закончена и принята индийской стороной. 20 сентября председатель ONGC г-н Неги подписал благодарность каждому из нас за оказанное содействие в составлении доклада о плане развития нефтяной промышленности государственного сектора Индии на 1971 — 1975 и 1976 — 1980 годы.

В октябре мне пришлось содержание этого плана докладывать в зале коллегии Миннефтепрома. В его обсуждении участвовал представитель плановых органов Индии. Доклад был принят.

Когда я вернулся в Управление капитального строительства, то Владимир Юрьевич Филановский сказал мне: «А твоя должность занята!» Пришлось все начинать заново, но об этом в другой раз.

Рождение «звездочки». Из истории отечественного горизонтального бурения

В.В. Кульчицкий

Так получилось, что мне довелось стать одним из пионеров современного горизонтального бурения у нас в стране. Вместе с отраслью в течение десятка лет я проходил дорогой поисков и экспериментов, неудач и побед.

Началом можно считать 12 августа 1981 года, когда Техническим советом Мегионского УБР была подтверждена возможность бурения пологих скважин с постоянным набором зенитного угла по технологии, разработанной ведущим технологом УБР Валерием Кульчицким. Это противоречило принятым стандартам и мнениям тюменских ученых. В один прекрасный день меня вызвали с буровой в объединение «Нижневартовскнефтегаз». Причину вызова я не знал. В болотниках,

рабочем костюме явился в актовъй зал объединения, оказавшийся заполненным главными инженерами и технологами всех управлений буровых работ, в президиуме сидели уважаемые руководители буровой науки Тюменской области. В портфеле всегда лежали результаты моих экспериментов. Меня обвиняли в «лженауке», вредности моих устройств и технологий. Я отбивался фактами, раздал всем присутствующим результаты геофизических исследований — инклинометрию скважин, неопровержимо доказывающие мою правоту. Но в СССР это значило — научная смерть. Научная бюрократия была неумолима, исход 28-летнего исследователя был предрешен. Спасибо главному инженеру Главтюменнефтегаза Н.П. Захарченко и заместителю генерального директора Главтюменнефтегаза М.Н. Сафиуллину, выгатадившим меня из костра инквизиции, пригласив содокладчиком на Техсовет Главтюменнефтегаза 19 мая 1982 года. Там была поддержана моя точка зрения о возможности массового бурения пологих скважин.

Данные о первых пробуренных 10 пологих скважинах, давших ощутимый результат при эксплуатации, легли в основу моей кандидатской диссертации, успешно и в срок защищенной в 1984 году в Тюменском индустриальном институте под научным руководством известного в стране ученого — ректора ТИИ Виктора Ефимовича Копылова.

В настоящее время строительством сотен, тысяч пологих и горизонтальных скважин в год на месторождениях Западной Сибири никого не удивишь. В начале 80-х годов прошлого столетия это направление считалось неперспективным, ставились под сомнение необходимость и техническая возможность строительства пологих скважин, хотя типовой профиль снижает надежность работы глубиннонасосных установок, а вертикальное вскрытие продуктивного пласта увеличивает обводненность и снижает продуктивность пласта.

Как это получилось?

Если отмотать несколько десятилетий назад и вернуться в далеко детство, то, сколько себя помню, постоянно нахожусь в состоянии духовного и физического подъема. Еще в детстве я старался правильно организовать свой труд, и именно это позволяло мне развиваться как физически, так и интеллектуально. С 9-ти лет завел правило — ежедневно делать физзарядку. В десять посвятил стихи своей любимой однокласснице, их продекларировала учительница, а мне пацаны

устроили «темную». В двенадцать я попытался написать приключенческий роман, а с четырнадцати завел дневник и начал планировать свою жизнь. Писал стихи, даже отправлял в новосибирский сборник.

Мое детство и юность до 17 лет прошли на американской границе (бухта Провидения у Берингова пролива на Чукотке), в лагерных местах Верхоянска и Алданских золотых приисков. В тундре и тайге, сначала с удочкой, потом с охотничьим ружьем я проводил все свободное время. После 8-го и 9-го класса все лето работал в бригаде очень крутых грузчиков, разгружая баржи на реке Алдан. На улице всегда мирил драчунов, вмешивался в любую несправедливость и обожал разговаривать про жизнь с местными стариками — бывшими сталинскими «зеками». В 12 лет оседлал коня, в 13 — мотоцикл Иж-49, а в 14 — трактор ДТ-54. В школе получил романтическую профессию радиста и до сих пор азбука Морзе звучит для меня музыкой. При отсутствии музыкальных школ в глухих таежных поселениях освоил аккордеон, кларнет, гитару, фортепиано и саксофон, создал в школе вокально-инструментальный ансамбль и театр. Выступали в Эльдиканском поселковом доме культуры, выезжали с концертами на стойбища оленеводов.

Я жил той энергетикой, которой жила страна и которая передавалась мне, наверное, свыше. Во мне горел дух патриотизма, в семнадцать я пришел к военкому с заявлением о желании служить Родине. Поступив

Вокально-инструментальный ансамбль Мегионского УБР «Факел» участвует в смотре по технике безопасности труда, октябрь 1977 г.

на заочное отделение Грозненского нефтяного института, пошел на работу в НГДУ «Хадыженнефть» слесарем-электромонтажником. Всегда выполнял контрольные работы вовремя и на сессии по просьбе намного старше меня однокурсников читал лекции и объяснял задачи из контрольных работ, собирая в аудиторию до полусотни студентов. Тогда и приклеилось прозвище «профессор», превратившееся в мою работу. Переведясь на дневное отделение, зажил бурной студенческой жизнью: поступил на работу лаборантом в научно-исследовательскую лабораторию, где собирал установки и исследовал буровые долота, был избран заместителем по идеологии секретаря партийной организации факультета. Казалось бы — парадокс: студент руководил партийной жизнью профессуры, но сейчас уже не кажется парадоксом то, как двадцатилетние дети чиновников управляют частными банками.

Без музыки — никак, поэтому я стал старостой большого духового эстрадного оркестра «Эра». До сих пор в памяти — «Серенада солнечной долины» Глена Миллера, а я солирую на «саксе», мы гастролируем по городам Кавказа — Владикавказ, Ереван и др. Но летом костюм саксофониста я меняю на робу, поскольку уже не музыкант, а помощник бурильщика в Волгоградской области или Краснодарском крае. Потом — рождение студенческой семьи, дочери, параллельно пишу две дипломные работы на съемной квартире в частном секторе с удобствами во дворе.

С таким жизненным опытом, молодой женой и трехмесячной дочкой я по своему желанию выбрал вместо аспирантуры на солнечном Кавказе буровую в Западной Сибири. Как у большинства тогдашних инженеров ступени роста следующие: помощник бурильщика, технолог по кривлению скважин, ведущий технолог Мегионского УБР, начальник отдела бурения Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ) объединения «Нижневартовскнефтегаз», заведующий лабораторией буре-

Прогулка по набережной Оби в центре Нижневартовска, апрель 1978 г.

ния Нижневартовского филиала СибНИИНП, заведующий отделом НижневартовскНИПИнефти.

С 1979 года я ежегодно выступал с научными докладами на конференциях молодых специалистов и ученых объединения «Нижневартовскнефтегаз», Главтюменнефтегаза, Тюменского отделения НТО НГП им. И.М. Губкина, СибНИИНП (Тюмень), ВНИИБТ (Москва), всесоюзных Миннефтепрома (Томск, Саратов). Мои доклады высоко оценивались (часто занимал первые места). За «миннефтепромовское» первое место в 1982 году предложили квартиру, но у меня уже была «двушка», довольствовался румынским мебельным гарнитуром.

Я прошел серьезную школу на производстве, которая вырабатывает бойцовские качества. Моим главным интересом стали создание и испытания оригинальных технологий на буровой. Практика для меня всегда была и остается критерием истины, к «теоретикам»-буровикам отношусь с осторожностью. Приложение нашего интеллектуального труда — не черные дыры в космосе, а недра и железный инструмент для проникновения в подземные кладовые.

В конце ноября после успешной защиты диссертации я получил в качестве «благодарности», как первый нижневартовский кандидат наук по бурению, увольнение из ЦНИЛ объединения «Нижневартовскнефтегаз». Пока я занимался подготовкой и защитой диссертации, мой отдел бурения ликвидировали. Это случилось, когда нижневартовские буровики добивались высоких показателей, но требования к

Члены НТО на Всесоюзной конференции молодых специалистов и ученых Министерства нефтяной промышленности с заместителем министра Г.С. Поповым. В.В. Кульчицкий стоит пятый слева. Саратов, сентябрь 1982 г.

ним предъявляли все более строгие. Потребность в новых технология бурения была как никогда острой. В самом деле, эффективная деятельность отдела, постоянно награждаемого грамотами и переходящими красными знаменами по результатам социалистических соревнований, и особенно защита мною кандидатской диссертации раньше руководства ЦНИЛ, переполнила чашу терпения начальников-карьеристов. Так в 31 год я стал безработным кандидатом наук. Средств на жизнь не было, все, что заработал до этого, ушло в трудный год защиты диссертации, у жены были серьезные проблемы со здоровьем после рождения сына.

Серьезным шагом к мечте бурить горизонтальные скважины стали отрицательные испытания на Самотлорском месторождении в 1984 году бескабельных телеметрических систем ЗИС-4, которые должны были измерять и передавать на поверхность в реальном времени параметры траектории ствола скважины. Узнав про испытания ЗИС-4, я пошел в трест «Нижневартовскнефтегеофизика», переговорил с начальником Самотлорской экспедиции Валерием Федосовичем Антроповым. Указав рукой, он сказал: «Вон под снегом лежат два ЗИС-4, можешь экспериментировать. Они на буровой и часа не проработали».

Стал разбираться. Инициировали ряд технических советов в объединении, вызвали разработчиков из башкирского ВНИИГИС. А сколько нервов стоили десятки скважинных испытаний?! Ведь буровики серьезно сопротивлялись: зачем в скважину совать электронный контролер, то бишь телесистему, которая вскроет их ошибки и кривизну.

Результатом стала первая в России пологая скважина на Самотлоре, пробуренная в марте 1987 года с телесистемой четырьмя долотами за 30 часов механического бурения. Потом ЗИС-4 прошел государственные испытания, вышло распоряжение Миннефтепрома СССР о выпуске первой партии ЗИС-4 на тюменском заводе «Электрон». Техсовет объединения заслушал мой отчет, но отказался предоставить скважину для бурения горизонтального ствола. Нашлось неординарное решение: если не дают скважину на месторождении, то будем бурить в городе Нижневартовске, с учебного полигона Школы буровых кадров. И тут в период творческой и организационной лихорадки прорвало «фурункул» заместителя директора по бурению НижневартовскНИПИнефти, где в 1986 году я создал и де-факто возглавлял подразделение бурения. На это место постоянно претендовали лица по рекомендации свыше (тогда

говорили — «блатные»). Я не виню его, обкомовского чиновника, пере-саженного из кресла партийного функционера в научное учреждение. Обидно было за моих товарищей и сотрудников, которых годами соби-рал в научный коллектив, убеждая перейти от привычной производ-ственной работы к научной, творческой. Обидно, что столько вложено души, энергии в создание подразделения бурения института, выбито в министерских коридорах финансирование научных разработок, много сделано и все это брошено на костер инквизиции.

С 1986 года я был научным руководителем НИОКР по разработке техники и технологии бурения пологих и горизонтальных скважин в За-падной Сибири, финансируемой Министерством нефтяной промышлен-ности. Головной институт отрасли ВНИИБТ по договору был у нас на подряде. Писались докладные, что я прогуливаю работу, в то время когда безвылазно, в том числе в выходные и праздничные дни, на буро-вых укрощал шарнирные компоновки. Мне не платили премий из моих договоров, в которых я был научным руководителем. Товарищеский суд по рассмотрению моего заявления о нанесении морального и материаль-ного вреда шел в помещении, из окна которого виднелась буровая, где в тот момент шла подготовка к великому эксперименту моей жизни — бу-рению многозабойной горизонтальной скважины. Выиграв суд, пешком за полчаса пересек 6-ой микрорайон, пришел на буровую, где провел свой летний отпуск с пользой для Родины, добыв доказательства воз-можности бурения горизонтальных скважин в Западной Сибири нашей отечественной техникой и с помощью собственных технологий.

В мае 1989 года директор НижневартовскНИПИнефти, путанно и косноязычно извиняясь, попросил уволиться, поскольку не сможет меня защитить от обкомовского давления. С моим уходом эта работа в инсти-туте прекратилась. Созданный мной коллектив из 60 человек был обре-чен на распад, что и произошло спустя полгода. Так, второй раз став без-работным, осознал себя научным диссидентом. Это чувство, подкреп-ляемое на протяжении всей творческой жизни десятками фактов гонений со стороны недалеких или слабовольных руководителей, к сожалению, все время во мне укрепляется, так как это до сих пор продолжается. Мне глубоко понятны ученые, вынужденные покинуть нашу Родину ради возможности нормальной творческой работы. Запад будет прирастать нобелевскими лауреатами из российских эмигрантов, пока не закончится

у нас «дикий капитализм» и вечный бюрократизм.

На 20-летнем юбилее НижневартовскНИПИнефти я выступил с поздравлениями от Российской академии естественных наук и Российского государственного университета нефти и газа имени И.М. Губкина, это был мой триумф с привкусом обиды. Я преодолел множество препятствий, остался верен своему научному выбору. В зале сидели симпатизировавшие моим творческим порывам и не поддержавшие в ответственное время, из-за чего институт потерял право носить имя пионера горизонтального бурения.

Я благодарен заместителю генерального директора объединения «Нижневартовскнефтегаз», удивительно трудолюбивому и аскетичному человеку Юрию Александровичу Аладжеву за веру в мои убеждения и упорство. Был дан последний шанс — пробурить многозабойную гори-

зонтальную скважину с учебного полигона Школы буровых кадров. Согласовал программу бурения с горно-технической инспекцией, организовал буровую бригаду из инструкторской вахты под руководством Виктора Серокващенко и знатного бурового мастера, Героя Социалистического Труда Г.К. Петрова, взял грузовик, проехал по буровым, где мастера скинулись долотами, реагентами, турбинный цех дал отклонители, «Ниж-

На учебном полигоне с буровой бригадой Школы буровых кадров ПО «Нижневартовскнефтегаз», июнь-август 1989 г.

невартовскнефтегеофизика» — новенькие, не апробированные телесистемы в титановых корпусах. В июне-июле днем и белыми ночами в черте города, обезлюдевшего в связи с летними отпусками, бурилась четырехзобная горизонтальная скважина. Были отбракованы 5 телесистем из 8 заводских, испытана техника и найдены новые технологические решения.

В результате Управление по бурению «Нижевартовскнефтегаза» приняло решение бурить горизонтальную скважину на Ермаковском месторождении НГДУ «Самотлорнефть» силами Ермаковской экспедиции Саратовского УБР. В январе 1990 года бурили горизонтальную скважину на Ермаковском месторождении. Когда уже технологи вышли на угол 77 градусов, и осталось 13 градусов до горизонтали, начали катастрофически обваливаться кошайские глины, залегающие над нефтяным пластом. Не смогли нормализовать ствол и скважину закончили как пологую. Были извлечены уроки, внесены серьезные изменения в конструкцию и типовой профиль проектируемых горизонтальных скважин.

Следующая попытка бурить горизонтальную скважину выпала УБР-3, так как оно разбуривало неглубокий пласт «рябчик», а при выборе скважины это было неременным условием. Впоследствии по результатам успешного бурения горизонтальных скважин УБР-3 переименовали в Специализированное УБР. Со стороны УБР-3 встретил не только абсолютное непонимание значения предлагаемых технологий, но и жесткое сопротивление, особенно со стороны начальника. Скважину постоянно переносили, приехал в марте на куст, а там уже забурили другую скважину, и так тянули до июня. Только личное вмешательство президента АООТ «Черногорнефть» Бориса Петровича Волкова переломило ситуацию. Пригласив начальника УБР-3 и получив отрицательный ответ, Волков позвонил директору первой частной Нижевартовской буровой компании «Нефтебурсервис», предложил принять от УБР-3 куст № 2135 и пробурить с него горизонтальную скважину. Руководитель УБР-3, чертыхаясь, согласился на, как ему казалось, «авантюру очкастого умника».

Пионерную горизонтальную скважину № 25738 куста № 2135 Самотлорского месторождения забурили 15 июня 1990 года. На кровле нефтяного пласта «рябчик» набрали зенитный угол 53 градуса и

спустили эксплуатационную колонну большого диаметра, перекрывшую злополучные неустойчивые кошайские глины.

Впервые в отечественной практике с бескабельной телеметрической системой ЗИС-4 управляли траекторией ствола скважины большого диаметра до рекордной глубины 1819 метров с передачей каждые 20 секунд трех параметров процесса бурения в реальном времени: зенитного и азимутального углов, угла установки отклонителя. В успешно пробуренный горизонтальный ствол по пласту «рябчик» протяженностью 209 метров спустили предварительно перфорированный фильтр-хвостовик. Максимальный зенитный угол в нефтяном пласте превысил 100 градусов, т.е. окончание горизонтального ствола бурилось кверху, в направлении к поверхности земли. Это было техническим чудом! АООТ «Черногорнефть» (сейчас ОАО «ТНК-Нижневартовск»), убедившись в многократном увеличении дебита при горизонтальном вскрытии нефтяного пласта, приняло решение пробурить еще 3 горизонтальных скважины.

26 апреля 1991 года на геолого-техническом совещании нефтедобывающего предприятия «Черногорнефть» по результатам успешного строительства и эксплуатации 4 горизонтальных скважин на кустах №№ 2135 и 2139 было принято решение о разработке опытного участка Самотлорского месторождения по радиально-лучевой схеме 6 горизонтальными скважинами, пробуренными с куста № 2042. Разработка проектно-сметной документации на строительство горизонтальных скважин осуществлялась под моим руководством, подтверждая авторство на разработанные технологии, и стала основой учрежденного в 1994 году первого в Западной Сибири частного института СибНИПИ «Нефтяные горизонты».

Капитализм пришел, когда я работал в Школе буровых кадров объединения «Нижневартовскнефтегаз» преподавателем, единственным за всю ее историю кандидатом наук с зарплатой, которую хватало на мешок овса. После того как мы с семьей «съели» это мешок, я смог найти средства к существованию: разработка проектной документации для строительства скважин. Первый проект – на бурение горизонтальных скважин Самотлорского месторождения. Он помог победить в схватке со СпецУБР за право технологического сопровождения куста № 2042 из 6 горизонтальных скважин. Контракт достался моему предприятию с романтическим названием «Горизонт-Сер-

вис». К 1993 году на счету этого предприятия были успешно пробуренные на уникальном Приобском и Приразломном месторождениях возле Нефтеюганска по нашим проектам и при нашем технологическом сопровождении пионерные горизонтальные скважины.

Второй раз я искренне благодарю президента АООТ «Черногорнефть» Бориса Петровича Волкова за его выбор. Мы оправдали его доверие. В 1995 году строительство 6 горизонтальных скважин было завершено, на них были получены высокие дебиты нефти, до 80 тонн в сутки. Я предложил уплотнить сетку скважин вторым рядом лучей — горизонтальных стволов, утвердил схему в СибНИИНП. Куст № 2042, похожий на звездочку с 12 лучами и введенный в эксплуатацию в 1996 году, стал знаменит множеством технических рекордов:

- самый крупный куст горизонтальных скважин в России;
- вскрыто 5564 метров нефтяного пласта вместо 278 метров, которые были бы вскрыты при обычном бурении;
- первая скважина № 29873 с двумя горизонтальными стволами;
- впервые апробирована и испытана отечественная геонавигационная технология, объединившая три системы информационного обеспечения: компьютеризированная станция геолого-технологических исследований, забойная телеметрическая система с электромагнитным каналом связи, автономный комплекс геофизических исследований на бурильных трубах.

Много труда в реализацию этого грандиозного проекта было вложено геологической службой «Черногорнефти» во главе с Кабиром Камаловичем Галямовым, буровиками Нижневартовского УБР-4, особенно бригадой бурового мастера А.С. Жукова.

Почему так трудно пробивали дорогу горизонтальные скважины?

Буровая наука была готова обеспечить качественное строительство горизонтальных скважин, но завышенные пятилетние планы добычи нефти вынуждали ориентироваться на «метр проходки» любой ценой, что, в конечном счете, отразилось и на современной отечественной буровой науке и практике.

Стремительно развивающаяся индустрия освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции пошла по экстенсивному пути, были построены тысячи насыпных песчаных кустовых оснований, проложены десятки тысяч километров дорог, ЛЭП и трубопрово-

дов, но упущены альтернативные технологии, направленные на кратное уменьшение кустовых оснований и коммуникаций при помощи бурения пологих, горизонтальных и многозабойных скважин. Естественно, реализация интенсивного направления требовала инновационного развития техники и технологий, как строительства, так и эксплуатации скважин. В этом случае получили бы долгосрочные экономические, научные, социальные и экологические выгоды, вплоть до существенного сокращения персонала, обслуживающего месторождения. Но самое главное, была упущена возможность развития геонавигации — направления, ставшего основой современной мировой нефтегазовой науки и промышленности: отдаление забоя от устья скважины и создание многозабойных скважинных систем сложной пространственной архитектуры.

Недра, наряду с подводным, воздушным и безвоздушным, являются четвертым видом пространства — подземным, где все активнее проявляется человеческая деятельность, несомненно, изменяющая структуру производства и потребления. Освоение пространства всегда началось с проектирования и выполнения траектории морским или космическим кораблями, подводной лодкой или самолетом, проходческим комплексом или буровым инструментом. Именно согласно требованиям выполняемости проектируемой траектории конструировались наземные и надводные, подводные и воздушные, космические и подземные аппараты и устройства. Поэтому при строительстве скважин геонавигация становится инструментом исследований и освоения недр подземного пространства значительной протяженности.

В 2011 году Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина отметил 10-летие лаборатории геонавигации и интеллектуальных скважинных систем, созданной по моей инициативе и ставшей основой учебно-научной деятельности в области геонавигации и интеллектуализации процессов нефтегазодобычи. В лаборатории ведутся исследования по созданию и внедрению автоматизированных систем и механизмов, в том числе на основе алгоритмов искусственного интеллекта, применительно к нефтегазовой промышленности.

Геонавигация, как наука управления траекторией ствола скважины, во взаимосвязи с исследованием околоскважинного пространства и воздействием на него в процессе бурения коренным образом меняет тради-

ционные взгляды на разработку нефтегазовых месторождений. Геонавигация становится инструментом в руках «модельеров-разработчиков», обеспечивая проектирование разработки месторождений с максимальными экономическими, экологическими и социальными эффектами.

Увлечение «полетами» в недрах привело меня в философию — космизм, направление, изучающее физические и биологические закономерности, относящиеся к космосу, в творческой и научно-производительной деятельности человечества (ее последователями были крупные российские ученые и мыслители: В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский, Н.В. Федоров и другие).

Бесспорно, что Земля с ее недрами является частью космоса и рассматривается как неотъемлемый объект активного приложения человеческой деятельности в ближайшем и далеком будущем. В общечеловеческом научно-техническом прогрессе *homo sapiens* преуспевает не в освоении ближнего космоса, а в покорении недр, чем и занимается последние 100 лет с нарастающей активностью (лавинообразный рост добычи твердых, жидких и газообразных полезных ископаемых, строительство подземных коммуникаций и промышленных объектов, подземное градостроительство). Значительное сопротивление горных пород передвижению машин и механизмов, наличие больших давлений и температур предъявляют специфические требования к техническим средствам и технологиям, способным обеспечить активную деятельность человека в подземном пространстве.

Помимо геонавигации я обосновал термин геонавтика — совокупность отраслей науки и техники, обеспечивающих освоение подземных объектов для нужд человечества с использованием автоматических и пилотируемых аппаратов. С развитием геонавигации открываются новые горизонты в познании подземной природной среды. Геонавигация становится инструментом для исследований и освоения недр в пространстве значительной протяженности.

В Западно-Сибирской нефтегазовой провинции технико-технологические условия для развития горизонтального бурения были наиболее благоприятнейшие — повсеместное кустовое строительство наклонно направленных скважин, постоянно велись практические работы по увеличению отклонения забоя от устья.

Наступает новый этап развития фундаментальных научных основ

нефтегазовой промышленности. Он вызван прогрессом в науке, технике и технологиях как реакция на ухудшающуюся структуру запасов углеводородов, рост доли трудноизвлекаемых и труднодоступных залежей. Требуется принципиально изменить теорию и практику строительства и эксплуатации скважины — основу разработки месторождений, обеспечивающую надежное, экономически эффективное и экологически безопасное ее функционирование.

Таким образом, интеллектуализация процессов нефтегазодобычи, создание новых образцов бурового оборудования и совершенствование геонавигационных технологий дает возможность вести разработку нефтегазовых месторождений скважинами сложной пространственной архитектуры по принципу конструирования скважин ранее неизвестных конфигураций, исходя из оптимальных условий нефтегазодобычи.

Управление траекторией скважины сродни управлению самолетом — моей мечтой, оставленной из-за близорукости. Я отдал свою страсть инженера-исследователя строительству подземных скважинных сооружений со сложной пространственной траекторией. У меня 47 изобретений и многие, по мнению специалистов, представляют собой уникальные по технической смелости и эстетической красоте инженерные произведения, отмеченные десятками наград на международных и отечественных форумах.

В разговоре о судьбе куста № 2042 руководитель разработки месторождений ТНК-ВР Е.А. Горобец откликнулся: а... эта звездочка! Меня, как током, пронзило: реализованное в недрах архитектурное произведение приобрело романтическое имя за красоту формы и смелость инженерных решений. Эта самая моя большая награда дает мне энергию для дальнейшего творчества в создании геонавигации скважин сложной пространственной архитектуры, интеллектуализации и кибернетизации скважин, развитии геонавтики — науки и промышленности будущего человечества, направленных на освоение подземного пространства.

Под покровом земной коры. Из истории бурения сверхглубоких скважин

Г.Р. Голубев

Статья представляет рассказ очевидца, одного из разработчиков и участников отечественного континентального проекта «Изучение недр Земли и сверхглубокое бурение» о бурении Кольской сверхглубокой скважины (СГ-3), которое стало прорывом вглубь планеты. Там мы достигли глубины 12262 метров. Это — рекорд проникновения в глубинные недра Земли. В США самая глубокая скважина «Берта Роджерс» достигла глубины 9583 метров.

Мы заглянули на миллиарды километров в глубины космоса, побывали на Луне, направили свои спутники для изучения планет солнечной системы, изучаем черные дыры и дальние галактики. Но мы пока очень мало знаем о том, что у нас под ногами даже на глубине 10 — 15 километров. Мы не знаем, что там под покровом земной коры и мантии.

Человек всегда мечтал осуществить прорыв к сердцу Земли. Но проникнуть в недра планеты сложнее, чем в просторы Космоса. Земля надежно хранит свои глубинные тайны. Ее радиус равен 6370 километров, а человек заглянул в недра лишь на $1/1000$ ее радиуса.

Перед учеными и буровиками в 1960-х годах была поставлена задача проникнуть на глубину 15 километров и достать из этих глубин образцы пород. Эти образцы не менее ценны, чем доставленные с Луны. Технологический прорыв, который мы совершили 30 лет назад, до сих пор считается уникальным. Ученые, инженеры, изобретатели, машиностроители создали специальную технику и технологии, которые позволили раскрыть некоторые из загадок глубинного строения и истории нашей планеты.

1. Комплексная программа

В 1965 году в СССР была разработана комплексная научно-техническая программа изучения глубинного строения земной коры. Программа предусматривала три этапа.

Первый этап — научная подготовка, постановка целей, задач и поиск средств их достижения, разработка и создание отечественных технологий и техники для сверхглубокого бурения и геофизических исследований на глубинах 10 — 15 километров.

Второй — строительство и бурение Кольской и Саатлинской сверхглубоких скважин. Внедрение отечественной техники и технология сверхглубокого бурения.

Третий этап — планомерное комплексное изучение земной коры и верхней мантии на всей территории страны с помощью сверхглубоких скважин.

По программе «Изучение недр Земли и сверхглубокое бурение» было пробурено несколько сверхглубоких скважин: Арал-Сорская СГ-1 (Казахстан), Саатлинская (Азербайджан), Кольская сверхглубокая скважина (СГ-3), Уральская (Урал), Шевченковская (Украина), Криворожская (Украина) и другие.

Кольская скважина должна была вскрыть разрез древнейших архейских образований Балтийского щита на Кольском полуострове в районе Печенгской группы медно-никелевых месторождений в 10 километрах от г. Заполярного. Предполагалось, что скважина войдет в базальтовый слой на глубине 7 километров. Ее бурение было начато в мае 1970 года.

Комплексная программа в СССР была направлена на изучение материковой земной коры и материковой верхней мантии. Американские ученые осуществляли международный проект бурения в океане. Было пробурено свыше 500 скважин в океанах, в том числе с американского бурового судна «Гломар Челленджер». Таким образом, два проекта — советский — материковый и международный — океанический — дополняли друг друга в изучении недр Земли.

Для организации, координации, внедрения и управления работами по глубинному изучению земных недр был образован Межведомственный научный совет и его секции по проблеме «Изучение недр Земли и сверхглубокое бурение» при Государственном комитете СССР по науке и технике при Совете Министров СССР (ГКНТ). В решении проблем участвовали более 100 научных и производственных организаций различных министерств и ведомств.

Председателем Межведомственного научного совета был избран доктор технических наук, профессор Николай Степанович Тимофеев. Это был выдающийся ученый и практик. Он обладал огромным опытом организации, координации и управления в нефтяной, химической и газовой промышленности, создания и внедрения новой техники. Его труд был высоко оценен: он был награжден тремя государственными премиями, орденом Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, двумя «Знак Почета», пятью медалями.

В 1960 году Н.С. Тимофеев был назначен заместителем директора по научной работе — главным инженером Всесоюзного научно-исследовательского института по буровой технике (ВНИИБТ). С 1963 года он возглавил лабораторию сверхглубокого бурения на мантию Земли. Им была создана школа сверхглубокого бурения. Ему принадлежит выбор места заложения Кольской сверхглубокой скважины. Являясь председателем Межведомственного научного совета ГКНТ по проблеме «Изучение недр Земли и сверхглубокое бурение», Н.С. Тимофеев провел огромную работу по созданию и внедрению отечественных технических и технологических средств сверхглубокого бурения. Для решения этих задач были привлечены различные министерства, ведомства НИИ, КБ и заводы.

Мне повезло. 8 лет я работал под руководством Николая Степановича. В 1960-е годы я получил практический опыт работы на первой сверхглубокой скважине СГ-1 Арал-Сор (Казахстан), и он взял меня к себе в уникальную лабораторию по бурению на мантию Земли (ВНИИБТ). Под его руководством я принял непосредственное участие в разработке и внедрении техники и технологии бурения Кольской сверхглубокой скважины и под его научным руководством защитил диссертацию по этой теме.

Головной организацией по изучению глубинного строения земных недр стало Министерство геологии СССР. Бурение этой сверхглубокой скважины было поручено Кольской геологоразведочной экспедиции.

Буровая вышка и оборудование были отечественными и разработаны на «Уралмашзаводе», также были разработаны специальный буровой инструмент, алюминиевые бурильные трубы, шарошечные и алмазные буроголовки, забойные двигатели, буровые растворы и специальные

Сверхглубокая скважина СГ-1 Арал-Сор, Казахстан

геофизические приборы. В лаборатории по бурению на мантию ВНИИБТ разрабатывались, а затем внедрялись на Кольской скважине уникальные технологии и специальная техника.

В скважине проводился отбор керна по всем глубинам 0 — 12 262 метров и комплексные геофизические исследования.

2. Геологический разрез. Строение Земли.

Земля третья планета от Солнца. Диаметр планеты 12 756 километров. Над поверхностью Земли расположена атмосфера толщиной около 500 километров. В строении Земли выделяются три оболочки или геосферы: земная кора, мантия и ядро. На материках континентальная земная кора имеет толщину 40 — 70 километров, в океанах — около 5 километров. В геологическом строении земной коры выделяются три слоя: осадочный, гранитный и базальтовый. Осадочный слой покрывает планету с поверхности. Он сложен песками, песчаниками, глинами, известняками, аргиллитами, алевритами, каменной солью и т.д. Мощность слоя от 0 до 10 — 15 километров. Гранитный слой залегает под осадочным и состоит из гранитов, гранодиоритов, гнейсов. В ряде мест этот слой выходит на дневную поверхность (Кольский полуостров, Скандинавский полуостров, некоторые районы Америки, Африки, Индии, Австралии, Азии). Мощность этого слоя 30 — 40 километров.

Ниже гранитного слоя расположен базальтовый слой. На дневной поверхности он нигде не обнаружен и нигде не вскрыт скважинами. О нем судят по геофизическим данным. Этот слой состоит из базальтов и габбро. Мощность слоя от 10 до 40 километров.

Далее расположена мантия Земли толщиной 2800 километров. Под покровом мантии находится расплавленное внешнее ядро Земли толщиной 2300 километров и твердое внутреннее ядро Земли из железа и никеля диаметром 2400 километров.

Точку бурения сверхглубокой скважины выбрали на Кольском полуострове Балтийского щита, где гранитный слой выходит на поверхность и где отсутствует осадочный слой.

Разрез пластов в точке заложения скважины — это история планеты за 3 миллиарда лет. Поэтому сверхглубокая скважина на континенте представляла огромный научный интерес. Ученые полагают, что в толще континентальных плит происходили в доисторические времена самые значительные перемещения земных пород и образование полезных ископаемых.

Иное строение имеет кора под океанами: здесь отсутствует гранитный слой, а мощность коры существенно меньше. Ученые США выбрали за основу бурение скважин в океане с толщиной воды 2 — 4 километров, полагая, что бурение с бурового судна будет легче и быстрее, чем на континенте.

В земной коре различают магматические, осадочные и метаморфические породы. Первые образовались в результате остывания магмы в недрах Земли. Осадочные породы формируются на поверхности Земли в морях, озерах болотах, реках и на суше. Метаморфические — возникли в результате преобразования магматических, осадочных и ранее существовавших метаморфических пород под действием большого давления и высоких температур. Это мраморы, кварциты, яшмы, гнейсы и другие породы.

Классический геологический разрез земных недр представляют в виде геохронологической шкалы, разделяющей разрез на эры и периоды. Ниже представлена эта шкала, в скобках даны периоды для каждой эры и возраст в млн. лет

Кайнозойская (палеоген — 40 млн. лет); мезозойская (мел — 70, юра — 58, триас — 45); палеозойская (пермь — 45, карбон — 55, девон — 70, силур — 30, ордовик — 60, кембрий — 70); протерозойская — 2,0 млрд. лет; архейская эра — 2,6 млрд. лет.

Палеозойская, мезозойская и кайнозойская эры рассматриваются как периоды господства высокоорганизованных живых существ, а в

протерозое и архее жизнь, по мнению геологов, носила примитивный характер.

Кольская сверхглубокая скважина должна была дать новую информацию о геологическом строении и условиях залегания протерозойского и архейского комплексов в северо-западной части Балтийского щита, создать первую достоверную объемную модель континентальной земной коры докембрия и проследить ее историю в интервале от 3,0 до 1,6 млрд. лет.

Впервые в мировой практике необходимо было исследовать мощную толщу кристаллических пород, да к тому же при крайне высоком гидростатическом давлении и температуре. Уникальным и сложным технологически было бурение опережающего открытого ствола протяженностью более 9000 метров.

К трудностям также относились сложные геологические условия, реальные напряжения, действующие в массиве, кавернозность, микротрещиноватость, слоистость и крутое падение пластов, пересекаемых скважиной СГ-3. Особое внимание было обращено на высокий температурный градиент. Температура пород в скважине с глубиной возрастала, при этом температурный градиент составлял 1,2 – 2° на 100 метров. Это означало, что на глубине 15 километров в стволе нас ожидала очень высокая температура, более 300°. Это требовало постоянного контроля многочисленных параметров в стволе скважины, устойчивости ствола, термостойкости раствора, элементов турбобуров и буроголовок. Особое внимание было обращено на создание и применение термостойкого комплекса геофизических приборов и надежности исследований в необсаженном стволе СГ-3.

Наличие указанных физико-геологических особенностей и технологические факторы обусловили новый подход к строительству и конструкции Кольской скважины.

3. Конструкция скважины.

Одна из основных проблем сверхглубокого бурения при недостаточной информации о разрезе пород — правильный выбор конструкции скважины. Об этой проблеме свидетельствует практика бурения всех сверхглубоких скважин. Геолого-физические условия для глубин, формируемые на основании косвенных методов, оказываются мало-

стоверными и отличаются от данных, полученных на основании фактического материала сверхглубоких скважин.

Так, в скважине Джарлы (Азербайджанская ССР) проектной глубиной 7000 метров миоценовые отложения предполагалось вскрыть на глубине 3500 метров, фактически они были вскрыты на глубине 2875 метров. Кровля мезозоя оказалась на глубине 3111 метров, а не 4300. Еще большие расхождения были обнаружены по разрезу скважины СГ-1 Арал-Сор. В этой скважине кровля юрских отложений была вскрыта на глубине 2150 метров вместо проектной глубины 1450 метров, а пермо-триасовые породы встречены на глубине 2800 метров вместо 2000. Каменноугольная свита, предполагавшаяся на отметке 4700 была вскрыта на глубине 6000 метров.

Суть проблемы заключается в отсутствии исходных достоверных сведений для обоснования числа обсадных колонн и глубины их спуска в сверхглубокой скважине.

Для Кольской скважины была необходима такая технология бурения, которая обеспечивала бы возможность корректировки конструкции скважины в процессе ее бурения по данным фактической оценки геолого-физического разреза вскрываемых горных пород. Такой способ был нами разработан в проблемной лаборатории по бурению на мантию ВНИИБТ и лежал в основе стратегии строительства сверхглубокой скважины опережающим стволом.

Сущность способа заключается в том, что при проектировании обосновывается не вся конструкция скважины, а только верхняя ее часть, для которой исходная геологическая информация наиболее достоверна. Определяется глубина спуска первой (иногда второй) обсадной колонны. Диаметр колонны выбирается с резервом на случай спуска достаточно большого числа обсадных колонн, что необходимо при вскрытии стволом осложненного разреза.

Нами был разработан и защищен авторским свидетельством в Государственном комитете по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР такой способ крепления скважин. Он включал спуск в зацементированную колонну съёмной обсадной колонны и введение за съёмную обсадную колонну смазывающей жидкости. Для упрощения проворота и замены съёмной колонны и повышения ее долговечности пространство за этой колонной гидравлически соединяют со стволом

скважины, а смазывающую жидкость подают под определенным давлением. Съёмную колонну для проведения многократных ее проворотов устанавливают на торцевой подшипник в устьевой части.

После спуска и цементирования обсадной колонны скважина не углубляется. В стационарно зацементированную колонну спускается съёмная колонна для бурения опережающего ствола, она укрепляется на поверхности с учетом возможности ее проворота и извлечения. После этого бурится опережающий ствол, диаметр которого обеспечивает его наилучшие технико-экономические показатели.

Такой способ имеет следующие преимущества:

- максимально упрощается конструкция скважины;
- унифицируется породоразрушающий инструмент, забойные компоновки, бурильные трубы;
- обеспечивается защита стационарных обсадных колонн от износа за счет применения съёмной колонны;
- сокращается расход материалов и непроизводительное время;
- за счет использования гидравлического канала между съёмной и стационарной колоннами улучшаются условия промывки и регулирования давления в скважине.

Разрез кристаллических пород наиболее полно отвечает этой технологии.

Первый этап бурения до 7263 метров осуществляли буровой установкой «Уралмаш— 4Э». Тогда было проведено расширение ствола до 2000 метров и крепление его колонной 325 миллиметров, в которую была спущена съёмная колонна 245 миллиметров. Ниже скважину бурили долотами диаметром 214 миллиметров. Необсаженный ствол скважины достиг уникальной протяженности до 9000 метров.

4. Способ бурения, траектория ствола, силы сопротивления

В сверхглубокой скважине искривление ствола, изменение параметров ее пространственной траектории приводит к росту сил сопротивления движению бурильной колонны от трения ее о ствол скважины и обсадную колонну. Происходит изнашивание колонн и инструмента, желобообразование. Увеличиваются растягивающие нагрузки при подъеме инструмента, затрудняется передача осевой нагрузки на забой при бурении.

Растягивающие напряжения могут превзойти допустимые для применяемых труб, а силы сопротивления совместно с весом колонн могут превысить грузоподъемность буровой установки. В Кольской скважине были определены жесткие требования к параметрам допустимого искривления скважины. А большая протяженность открытого ствола в абразивных породах кристаллического фундамента сделали требования к траектории скважины и величине сил сопротивления еще более жесткими.

В результате анализа было установлено, что способ бурения Кольской скважины должен обеспечивать:

- среднюю проходку за рейс не менее 7 метров при механической скорости 2,5 метра в час.
- максимальный отбор kernового материала;
- сохранение приствольного массива в устойчивом состоянии;
- передачу энергии к долоту на глубины 7 – 15 километров без существенных потерь;
- контроль параметров траектории ствола, профилактику искривления и средства борьбы с кривизной ствола;
- термостойкость раствора, его смазочные свойства и нейтральность к алюминиевым трубам.

Расчеты показали, что для сверхглубокой скважины неоспоримыми преимуществами обладает способ бурения с помощью забойных двигателей по сравнению с роторным.

При роторном бурении на глубине более 10000 метров напряженное состояние металла труб в верхней части колонны от ее веса превышает прочностные возможности существующих трубных сталей. Турбинный способ позволил ориентироваться на применение легкосплавных бурильных труб (ЛБТ). При турбинном способе бурения в сочетании с ЛБТ значительно снижаются силы прижатия между трущимися поверхностями, снижается износ и уменьшаются силы сопротивления, решается проблема грузоподъемности буровой установки.

Расчеты показали, что оптимальными и надежными для бурения Кольской скважины являются специально разработанные легкосплавные трубы ЛБТВК-147 со стальными замками ЗЛК-178, а также стальными трубами ТБВК2-140 в нижней части бурильной колонны для бурения скважины опережающим стволом диаметром 214 миллиметров.

5. Забойные двигатели, буровые растворы

Для бурения Кольской скважины были разработаны специальные турбобуры, предусматривающие постоянный отбор керна. При их создании особое внимание было обращено на увеличение моторесурса, безотказности и надежности. Было достигнуто снижение частоты вращения вала двигателя при сохранении высокого момента, повышение термостойкости опорных и уплотнительных элементов при температуре в стволе до 200°C.

До глубины 8000 метров скв. СГ-3 бурили высокомоментными турбобурами А7Н4С с наклонной линией давления в бесшпindelном исполнении и турбобурами А7Ш в шпindelном исполнении.

Высокую эффективность и надежность показали при бурении винтовые забойные двигатели Д2-172М. Это — планетарно-роторная гидромашинa объемного (гидростатического) типа с внутренним косозубым зацеплением рабочих органов. Винтовые двигатели имеют ряд преимуществ: низкую частоту вращения при высоком крутящем моменте на валу, что позволяет получить увеличенные проходки за рейс, низкий перепад давления в двигателе, что создает возможности применять гидромониторные долота; вести контроль за работой двигателя и нагрузкой на долото по давлению на стояке насосов; малое количество деталей и простота ремонта

В скважине применена телеметрическая система индикации частоты вращения забойного двигателя по гидравлической линии связи.

В скважине применялись алюминиевые трубы. Для алюминия и его сплавов, обладающих амфотерными свойствами (т.е. их окислы растворяются и в кислых и в щелочных средах) оптимальной является нейтральная среда. Было установлено, что поддержание $pH = 7$ позволяет сохранить необходимую стабильную поверхность легкосплавных труб и управлять коррозионными и смазочными эффектами. В скважине на разных глубинах применялись различные промывочные жидкости. С учетом турбинного способа бурения была обеспечена высокая степень очистки раствора от выбуренной породы. В интервале 1875 до 5295 метров перешли на малоглинистый эмульсионный раствор с применением модифицированного бентонита и смазочной добавки. В интервале 7065 — 7952 метров

для обработки применили метас и более концентрированную смазочную добавку. В интервале 9350 — 9750 метров бурили утяжеленными эмульсионными растворами.

6. Отбор керна.

Одна из основных целей бурения Кольской скважины — максимальный отбор кернового материала. Специфика отбора керна при бурении кристаллических пород на больших глубинах заключается в следующем: при бурении шарошечными долотами и бурголовками наблюдаются вибрации и интенсивный износ кернообразующего вооружения; естественная трещиноватость и углы падения пластов пород способствуют заклиниванию керна; высокая плотность пород обуславливают высокий рост давления и напряжения в массиве с увеличением глубины. Разгрузка напряженных пород при вскрытии приводит к саморазрушению керна на диски (так называемое «дискование керна»).

Для отбора керна в Кольской скважине были разработаны и применялись различные бурильные головки и калибраторы, специальные керноотборные устройства трех типов. Секционные турбодолота выполнялись с полым валом по всей длине, который служил для размещения керноприемника. В скважине применялись также экспериментальные алмазные бурголовки с диаметром керна 130 миллиметров и специальными данговыми кернорвателями. При создании таких бурголовок резко снижался объем разрушения породы, а разрушению подвергалось узкое кольцо породы размером полки 42 миллиметра, основная масса породы поднималась в виде керна диаметром 130 миллиметров. Для отбора керна разработаны специальные центраторы с тремя спиральными лопастями. Они устанавливались в компоновках низа бурильной колонны. Для расширения опережающего ствола были разработаны специальные расширители, для профилактики и борьбы с осложнениями и авариями — специальные технические средства: гидравлические разъединители бурильной колонны, гидравлические забойные ловители металла, механические забойные ловители металла, перепускные клапана бурильной колонны, компоновки для борьбы с кривизной активного и маятникового типов.

7. Показатели процесса бурения.

На скважине было применено уникальное отечественное оборудование, техника и технологии.

Буровая установка «Уралмаш-15000» позволяла вести бурение опережающего ствола диаметром 215 миллиметров с помощью отечественных турбобуров и легкосплавных бурильных труб. Грузоподъемность установки 4000 кН. Диаметр проходного отверстия ротора 760 миллиметров. Установка позволяла за один прием проводить спуск обсадных колонн диаметром 426 миллиметров на глубину 3300 метров; диаметром 324 миллиметра — на глубину 4500 метров; диаметром 245 миллиметров — на глубину 6000 метров. Насосы обеспечивали расход промывочной жидкости 28-30 л/с при давлении нагнетания 30 МПа при гидравлической мощности 730 — 900 кВт.

На скважине работала информационно-измерительная система с подсистемами контроля: механического бурения, спуско-подъемных операций, промывки скважины и контроля за работой основных узлов буровой установки.

Первый этап бурения в интервале до 7263 метров осуществлен буровой установкой «Уралмаш-4Э». Затраты времени 51,2 ст.-мес. Следующий этап с глубины 7263 метров до 11500 метров установкой «Уралмаш — 15000» с учетом геофизических исследований составил 68,3 ст.-мес. и завершающий этап 11500 метров до 12262 метров закончен в 1992 году с проведением широкого комплекса геофизических исследований.

Показатели процесса бурения при сплошном отборе керна были следующими. В интервале 4000 — 6000 метров: проходка за рейс 6,8 метров, механическая скорость 1,3 метров в час, коммерческая скорость 103 метров на станко-месяц. В интервале 9000 — 11500 метров: проходка за рейс 8,6 — 9,7 метров, механическая скорость 2,5 метра в час, коммерческая скорость 69 — 55 метров на станко-месяц.

Продолжительность одного спуско-подъема составляла в интервале 2000 — 4000 метров 6 часов, 6000— 7263 метров — 14 часов, 10000 — 12262 метров — 17 часов.

Затраты времени на ликвидацию геологических осложнений в интервалах 6500 — 9000 метров и 10000 — 11500 метров с тектониче-

скими нарушениями в разрезе достигали 18-22 % . Это было связано с проявлением прихватоопасных ситуаций. При возникновении непреодолимых ситуаций и неликвидируемых прихватов инструмента в осложненных зонах осуществлялась проходка обходного ствола. Отсюда и высокие затраты времени.

Производительное время на бурение в целом по стволу составляет 89,3 %. Это — высокий показатель. Непроизводительные затраты времени на ликвидацию аварий сравнительно невелики — 6,7 %. В целом на скважине благодаря решению технико-технологических проблем обеспечен высокий уровень производительного времени.

Бурение Кольской сверхглубокой скважины СГ-3 начато в 1970 году, а закончено в 1992 году при достигнутой рекордной глубине 12262 метра. Бурение и исследования в скважине проводились 22 года.

8. Уникальные результаты бурения Кольской сверхглубокой скважины.

В области геологии.

Скважиной СГ-3 вскрыт разрез, который охватывает интервал геологической истории Земли от 3 до 1,6 млрд. лет и представлен двумя комплексами: протерозойским (0 — 6842 метра) и архейским (6842 — 12262 метра). В интервале 1665 — 1830 метров вскрыты промышленные медно-никелевые руды, относящиеся к ранее неизвестному «рудному телу».

Кольская сверхглубокая

По скважине СГ-3 до глубины 12262 метра проведены комплексные исследования керна и околоскважинного пространства: геологические, радиологические, петрографические, геохимические, минера-

логические, структурные, сейсмоакустические, ядерно-физические, магнитные, электрические, тепловые исследования. Результаты, полученные по важнейшим направлениям исследований, имеют большое научное и практическое значение.

По материалам скв. СГ-3 впервые в одном непрерывном разрезе детально изучена метаморфическая зональность и литологический состав пород. Установлено, что во время метаморфизма геотермический градиент в 5 — 7 раз превышал современный.

Скважина СГ-3 должна была пересечь осадочно-вулканогенные образования печенгского комплекса, а на глубине 4700 метров войти в архейские гнейсы и на глубине 7 — 8 километров вскрыть породы гранулитово-базитового слоя. Однако практика опровергла теорию.

Фактически осадочно-вулканические породы печенгского комплекса нижнего протерозоя залежали до глубины 6823 метра. А Кольская серия архея была вскрыта на глубине 6942 метра и продолжалась ниже достигнутой глубины 12262 метра.

Предполагалось, что граниты перейдут в более прочные базальты, но предполагаемые базальты не были обнаружены, вместо базальтов встречены архейские гнейсы. Разрез скважины был представлен гранитами кристаллического фундамента, основными из которых в разрезе являлись: граниты, туфы, туффиты, вулканическое стекло, диабазы, плагиоклаз, реже — кварц, ниже — гнейсы архея.

Впервые на обширном фактическом материале был построен вертикальный геохимический разрез земной коры. Обнаружено присутствие в глубинных зонах континентальной земной коры минерализованных подземных трещинных вод и выявлена их вертикальная гидрогеологическая зональность: с глубиной воды существенно хлоридо-кальцевые сменяются гидрокарбонатными.

Результаты бурения Кольской сверхглубокой скважины доказали высокую насыщенность континентальной земной коры полезными ископаемыми. В новой интерпретации внедрение никеленосных интрузий связывается не с заключительным этапом формирования протерозойской геосинклинали, а с проявлением эпиплатформенного магматизма. Исследования расширили перспективы обнаружения медно-никелевых руд в Печенгской структуре и изменили критерии их эффективного поиска и оценки.

Ученые уточнили состав земной коры. Установлено, что наибольшую долю — 82,58 % — имеют три элемента: кислород (49,13 %), кремний (26 %) и алюминий (7,45 %). Значительную роль в химическом составе коры играют железо (4,2 %), кальций (3,25 %), натрий (2,4 %), калий (2,35 %), магний (2,35 %), водород (1%). В сумме эти девять элементов составляют 98,13 % массы всей земной коры.

По среднему содержанию элементов можно рассчитать их абсолютные массы в объеме горных пород. Так, в 1 кубическом километре пород содержится в среднем: железа 130106 тонн, алюминия — 230106 тонн, меди — 260103 тон, олова — 100103 тонн.

В Кольской скважине граниты оказались на 3 километра ниже, базальты не вскрыты, все бурение проходило в гранитном слое.

На глубинах, где считалось, что нет органики, обнаружили 14 видов окаменевших микроорганизмов, возраст глубинных слоев превышал 2,8 миллиардов лет. По данным скважины установлено, что живые организмы появились на планете Земля на 1,5 миллиарда лет раньше, чем предполагалось.

На глубине свыше 9,5 километров обнаружили настоящий кладезь всевозможных ископаемых, в частности золото — настоящий оливковый слой, который был предсказан писателем Алексеем Толстым в романе «Гиперболоид инженера Гарина». В Кольской скважине в этом слое золота — 78 граммов на тонну. Промышленная добыча возможна при концентрации золота в породе 34 грамма на тонну. Возможно, в недалеком будущем человечество воспользуется этими богатствами.

В области геофизики.

Геофизические и петрофизические исследования разреза Кольской сверхглубокой скважины обеспечили:

- получение прямой информации о физическом состоянии, свойствах и составе горных пород в их естественном залегании до глубины 12262 метра по керну, извлеченному из скважины;
- выяснение геологической природы геофизических, в том числе сейсмических, границ в континентальной земной коре докембрия;
- определение температурного режима земных недр;
- изучение напряженного состояния массива горных пород, вскрытых скважиной;

- определение технического состояния ствола скважины;
- отсутствие на глубине 4500 метров вертикального градиента скоростей распространения продольных и поперечных волн и возрастание пористости, проницаемости и анизотропии пород;
- определение на глубине 6840 метров мощного гранито-гнейсового слоя, что расходилось с предварительными прогнозами;
- установлен геотермический градиент: в протерозое он составил $1,6^\circ$, а в архее 2° на 100 метров;
- установлены показания горного давления по разрезу скважины.

Успехи геофизических исследований были достигнуты за счет разработки новой техники, уникальной отечественной геофизической аппаратуры и каротажного кабеля длиной 13000 метров и всестороннего анализа полученной информации.

Эти результаты имеют большое научное и практическое значение при бурении сверхглубоких скважин .

В области техники и технологии бурения.

Большим достижением отечественных НИИ, КБ и заводов является создание отечественного высокоэффективного комплекса технико-технологических средств для бурения сверхглубоких скважин на глубину 15000 метров.

Достижение больших глубин стало возможным благодаря комплексному использованию новых технических решений:

- надежность, легкость и простота бурового оборудования и установки «Уралмаш-15000»;
- способа бурения опережающим стволом со съёмной колонной и ее проворачиванием;
- низкооборотного турбинного способа бурения;
- надежных бурильных труб из легких алюминиевых сплавов, масса бурильной колонны не превышала 170 тонн, при грузоподъемности вышки 400 тонн;
- средств контроля траектории скважины и силами сопротивления и их снижением;
- средств контроля за работой турбобуров на забое с передачей информации на поверхность;
- буроловки с герметизированной опорой и алмазные буроловки для отбора керна;

- керноотборные снаряды для турбинного бурения с надежным отбором керна в сложных геологических условиях;
- бурение и контроль открытого ствола протяженностью 9,5 километров;
- достижение полного цикла спуско-подъема инструмента с рекордной глубины 12262 метров не более 18 часов;
- установлены закономерности для управления траекторией скважины и процессами бурения;
- получен уникальный опыт ликвидации осложнений и аварий в открытом стволе скважины;
- созданы буровые растворы с необходимой термостойкостью и смазочными свойствами.

9. Осложнения и аварии. Ликвидация скважины.

До глубины 7 километров разрез скважины был сложен прочными породами. Необсаженный ствол в интервале 2 — 7 километров был ровный и устойчивый, без каверн. Бурение шло без осложнений. Это был разрез протерозоя со слоями прочных диабазов, доломитов, песчаников. Но ниже этой отметки в архее пошли трещиноватые, менее прочные породы, — гнейсы, амфиболиты. Появились каверны, ствол стал принимать овальную форму.

Породы залегали наклонно, имели различную плотность и трещиноватость. Бур отклоняется в сторону менее прочных пород. Керна в этих породах разрушается из-за трещиноватости и внутренних высоких напряжений в пласте, на поверхность извлекается в виде отдельных дисков, а не столбика породы, как это было в предыдущем интервале. С глубины 10 километров геологические условия в скважине еще более усложнились, что привело к осложнениям и авариям.

Необходимо отметить, что скважина в 1984 году долго стояла без бурения. Обычно это чревато осложнениями, что и подтвердилось 27 сентября 1984 года.

Этот день буровики считают «черной» датой в истории СГ-3. На глубине 12066 метров, пробуравив 9 метров за 4 часа, стали поднимать инструмент. При подъеме возник «прихват». Бурильную колонну заклинило абразивной породой, осыпающейся из каверн ствола. Колонну натянули до 200 тонн, затем добавили еще и колонна

оборвалась. В скважине остались: компоновка, турбобур и 5 километров бурильных труб. Семь месяцев ушло на ликвидацию аварии. Обычно она исправляется забуриванием обходного ствола. Из-за сложных геологических условий в скважине было пробурено 12 таких обходных стволов. Четыре из них протяженностью от 2200 до 5000 метров. После этой аварии к отметке 12 километров снова подошли только через 6 лет.

Земля создавала непреодолимые препятствия на пути в свои недра. Но усилиями буровиков в 1990 году была достигнута глубина 12262 метра. После очередных аварий убедились, что технические возможности на тот период исчерпаны, глубже не пробиться. В 1992 году бурение прекратили.

Это был уникальный опыт ликвидации осложнений и аварий на глубинах 7–12 километров, которого еще не было в мировой практике.

Предполагалось, что Кольская сверхглубокая скважина после завершения буровых работ будет превращена в уникальный исследовательский комплекс для изучения с помощью приборов глубинных процессов протекающих в земной коре. Однако распад СССР и переход к рыночной экономике нарушили планы ученых. В 1995 году все научные работы по СГ-3 из-за отсутствия финансирования были прекращены, а сама скважина законсервирована. Экспертная комиссия, обследовавшая комплекс летом 2007 года пришла к выводу о ликвидации объекта СГ-3. В феврале 2008 года бывшее федеральное государственное унитарное предприятие было приватизировано и превратилось в акционерное общество, коллектив которого и начал демонтаж оборудования комплекса.

Сейчас принимаются меры по сохранению образцов керна, геологических и геофизических материалов, результатов бурения и исследований проведенных во время проходки Кольской сверхглубокой скважины.

10. Специалисты Кольской сверхглубокой скважины.

В коллективе Кольской геологоразведочной экспедиции (ГРЭ) работало около 1000 человек. В экспедиции работали высокие профессионалы, каждый в своей области. Буровики, механики, геологи, геофизики, химики, транспортники — специалисты более 20 профес-

сий. Все жили в г. Заполярном в 10 километрах от объекта СГ-3 на границе с Норвегией. Работа на скважине осуществлялась вахтовым методом и велась на буровой круглосуточно.

На Кольской скважине работало 16 лабораторий. Это был научно-производственный комплекс, который сочетал в себе уникальное буровое предприятие, НИИ, КБ, научные лаборатории, которые обслуживали буровые процессы оперативно и круглосуточно.

Начальником Кольской ГРЭ почти бессменно был талантливый руководитель Д. Губерман, главным инженером — И. Васильченко. Он был «мозгом» буровиков, обладал огромным опытом, знаниями и умениями в своей профессии. Вместе с ним командовал буровой А. Батищев. Буровые мастера на СГ-3 все были одновременно и «кулибиными» и «левшами». Особенно все буровики запомнили настоящего «левшу» Кольской сверхглубокой — Семена Цериковского, бурового мастера, обладавшего огромным опытом бурения скважин в Баку и Казахстане. Это он придумывал устройства и приемы, которые позволяли выходить из труднейших, казалось бы, безвыходных положений. Контрольно-измерительная аппаратура на земле и под землей четко работала благодаря знаниям, опыту и руководству В. Басовича. Геологией ведали В. Ланев и Ю. Смирнов, геофизикой — Ю. Кузнецов. В руках этих специалистов накапливалась уникальная информация о фактическом разрезе Кольской скважины и свойствах пород, слагающих ее разрез. Они располагали уникальным «кладом» — хранилищем керна с глубин 0 — 12262 метра. Геологи и геофизики вели круглосуточную работу по анализу керна, геофизическим исследованиям в стволе скважины, интерпретации данных и возрасте пород, создавая новую геохронологическую карту планеты. Они оценивали уровень обнаруженных полезных ископаемых, их концентрацию и промышленную ценность.

Специалисты по контрольно-измерительной аппаратуре вели контроль за круглосуточной работой бурового оборудования, буровой вышки, механизмов, буровой колонны, забойных двигателей, компоновок, состоянием открытого ствола протяженностью 9,5 километров.

Только благодаря самоотверженной работе этих людей удалось добиться уникальных успехов на Кольской сверхглубокой скважине.

Большую работу провели специалисты ВНИИБТ, ГКНТ, Министерства геологии СССР, других институтов и заводов. Работы финансировались Мингео СССР.

За достижения в строительстве скважины СГ-3 многие специалисты и ученые были награждены отраслевыми знаками, орденами, медалями и премиями. За разработку и внедрение техники и технологии в Кольской сверхглубокой я был награжден знаком Министерства геологии СССР – «Отличник разведки недр».

Мы внедрили в скважине ряд изобретений. А за изобретение способ крепления скважины, который дал значительный экономический эффект, мы получили вознаграждение в размере 20 тыс. руб. Это самое большое вознаграждение, которое давал Госкомитет по делам изобретений и открытий на тот период. По теме Кольской сверхглубокой я защитил диссертацию. Результаты изложил в статьях и книгах. Некоторые исследования по Кольской скважине были нами изложены в книге «Трение, износ и защита бурильных колонн в глубоких скважинах» (1981 г., в соавторстве с Л.А. Новиковым).

В 1983 году на скважине была достигнута глубина 12000 метров, это был рекорд. В 1984 году в Москве состоялся Международный геологический конгресс и выставка «Геоэкспо». На конгрессе и выставке были прочитаны доклады о Кольской сверхглубокой, на стендах показаны техника, оборудование СГ-3. Многие участники конгресса побывали на Кольской сверхглубокой и увидели все собственными глазами. Была выпущена почтовая марка по Кольской скважине, значки, проведено погашение конвертов. Издана монография «Кольская сверхглубокая». Фотографии и статьи по СГ-3 обошли газеты и журналы многих стран мира. Достижение в самой глубокой скважине отметки 12262 метра занесено в Книгу мировых рекордов Гиннеса.

Технико-технологические средства и опыт бурения Кольской сверхглубокой скважины стали основой для дальнейшего повышения эффективности глубокого бурения на нефть и газ. На основании полученных результатов Межведомственный научный совет ГКНТ с участием Мингео СССР, АН СССР разработал в 1985 году перспективную комплексную программу изучения недр территории СССР, что было направлено на развитие наук о недрах планеты.

Результаты исследований ученых по геологии, геофизике, технике и технологии сверхглубокого бурения, которые проводились на Кольской сверхглубокой в течение 25 лет, стали неоценимым вкладом в развитие отрасли и науки о Земле. И я горжусь, что был участником этой огромной и чрезвычайно важной работы.

Воспоминания об однокашниках по газонефтепромысловому факультету МИНХ и ГП им. И.М. Губкина

Г.Р. Голубев, О.А. Марков

1. Газонефтепромысловый факультет

В 1956 — 1961 годах на нашем интернациональном газо-нефтепромысловом факультете в МИНХ и ГП им. И.М. Губкина училось 123 человека, в том числе шесть студентов из ГДР, один из Болгарии, один из Венгрии и четырнадцать человек из Китая, а также студенты из республик СССР: Казахстана, Азербайджана, Туркмении, Армении, Грузии, Украины, Узбекистана и РСФСР. На факультете было пять групп трех специальностей: разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений, бурение нефтяных и газовых скважин, проектирование и эксплуатация нефтегазопроводов, нефтебаз и газохранилищ.

Более 50 лет наши однокурсники трудятся на просторах России и СНГ, в странах дальнего зарубежья. Они ведут бурение глубоких, сверхглубоких, наклонных и горизонтальных скважин на суше и шельфах морей. Они добывают нефть и газ, создают уникальную технику и технологии. Они строят специальные подземные хранилища газа, строят газопроводы, транспортируют нефть и газ по просторам России, СНГ, Европы и Азии. Наши однокашники стали профессионалами в своих областях, они развивают науку и практику, защищают докторские и кандидатские диссертации, пишут книги, преподают в альма-матер и странах ближнего и дальнего зарубежья. Мы вправе

На геологической практике

Воспоминаний воздать дань глубокого уважения нашим учителям из альма-матер, ученым и своим однокашникам, которые за 50 лет своей трудовой деятельности в отрасли внесли неоценимый вклад в разработку нефтяных и газовых месторождений, бурение глубоких, сверхглубоких и горизонтальных скважин в СССР, СНГ и за рубежом.

гордиться результатами их труда. Мы с благодарностью вспоминаем своих преподавателей, академиков, профессоров, доцентов — наших учителей.

Выпускники факультета стали известными учеными, руководителями и организаторами нефтегазовой отрасли.

Основная цель этих вос-

Студенты-«губкинцы» на целине, 1958 г.

2. Воспоминания об однокашниках из ГДР.

Мы с благодарностью вспоминаем наших однокашников из социалистических стран, с которыми вместе учились на газонефтепромысловом факультете в 1956 — 1961 гг. Это наши друзья из Германской Демократической Республики (ГДР), из Венгерской народной республики (ВНР) и Китайской Народной Демократической Республики (КНР). Нас связала совместная учеба, дружба, работа, исследования, освоение новых технологий в бурении. Из ГДР на факультете училось 6 студентов: Рудольф Шварцмайер, Мартин Эйхорн, Дитор Бандлов, Эберхард Альф, Петер Шрайер, Дитор Каркосса. Они учились на «отлично», отличались дисциплиной, упорством в освоении русского языка, т.к. преподавание всех предметов шло на русском языке. После окончания института, половина из них под руководством советских ученых и специалистов нефтегазовой отрасли защитили диссертации и получили звания кандидатов технических наук: Р. Шварцмайер, М. Эйхорн, Д. Бандлов. Нас связывает 50-летняя дружба, взаимные поездки друг к другу в гости. Благодаря этой интернациональной дружбе мы познакомились с новыми странами. По приглашениям друзей мы стали выезжать к ним в гости, в ГДР, Венгрию, Болгарию, Китай. Совместные исследования дали новые знания, навыки и умения. Представляет интерес трудовые биографии наших друзей.

Встреча 20 лет спустя

Шварцмайер Рудольф

1956 — 1961 — учеба в МИНХ и ГП им. И.М. Губкина, газонефтепромысловый факультет.

1961 — работа ассистентом директора Геолого-Разведочного Предприятия VEB Erd l-Erdgas Grimmen. Работал зам. бурового мастера, инженером участка и потом инженером по новой технике. По поручению научно-исследовательского института FIEE-Gommern занимался внедрением гидромониторных шарошечных долот и советских турбобуров.

1963 — переход в научно-исследовательский институт нефти и газа FIEE-Gommern. Проектирование первой глубокой скважины (Барт-1, на 5000 м).

1965 — женился на чудесной девушке Илоне и переехал с ней из Гоммерна в город Магдебург. Прошел с Илоной интересный и сложный жизненный путь и намерен пройти до конца. Прекрасная спутница.

1968 — успешная защита диссертации в Горной Академии Bergakademie Freiberg с отзывом на работу от М.Е. Гусмана (ВНИИБТ, Москва).

В 1969 году родилась дочь Пегги.

1970 — начало более интенсивного научно-технического сотрудничества с институтами ВНИИБТ и ВНИИКРнефть (пластмассовые турбобуры, шарошечные долота с опорами скольжения, РТБ, законные пакера, ремонт обсадных колонн и др.)

1971 — начало работы в Постоянной Рабочей Группе СЭВ по бурению. Позже участвовал в работе Постоянной Комиссии СЭВ по машиностроению. Расширился круг специалистов и друзей по сотрудничеству на все «братские страны».

1987 — прошел стажировку по теме «Бурение нефтяных и газовых скважин» в МИНХ и ГП им. И.М. Губкина. (г. Москва)

1989 — переселение из г. Magdeburg в г. Reine. Начало работы в концерне PREUSSAG AG (ФРГ) по сервису наклонно направленного и горизонтального бурения. Возобновление контактов с нефтяниками за границей, особенно в СНГ.

1992 — сопровождение проводки немецкой сверхглубокой скважины КТБ, достигшей в 1994 г. глубины 9101 м.

1994 — переселение в город Salzbergen и начало работы у бурового концерна — DEUTAG. В начале ассистентом председателя правления а с 1996 г. менеджером по инженерным работам бурения (Drilling Engineering).

1994-2001 — работы по заданиям фирм KCA-Deutag, Becfield, Precision Drilling, Weatherford по вопросам техники и технологии бурения в том числе в странах СНГ . Участие в работе международных выставок «Нефть и газ».

2001 — выход на пенсию. Продолжение работы по проблемам бурения по вызову указанных фирм.

2001 — переселение в новый дом, построенный в поселке Etingen, где провел свое детство, ходил в школу и где тогда еще жила мать и сегодня еще живут родители жены Илоны.

Р. Шварцмайер пишет: «Всю трудовую жизнь дал бог провести в области бурения. А основа к этому была заложена преподавателями и профессорами института МИНХ и ГП им. И.М. Губкина. Во время учебы в альма-матер подружился с моими однокашниками: Геннадием Голубевым, Семеном Цериковским, Олегом Марковым. Эта дружба продолжается 50 лет и это в жизни большая удача. За все это большое спасибо альма-матер».

Эйхорн Мартин

1956 — 1961 — учеба в МИНХ и ГП им. И.М. Губкина по направлению из ГДР.

1961 — 1963 — работа в конторе бурения на юге ГДР.

1963 — работы по проектированию сверхглубоких скважин, г. Гоммерн (ГДР).

1963 — 1969 — руководитель службы алмазного бурения по ГДР. Под руководством М. Эйхорна алмазными долотами пробурены тысячи метров. Среди геологов имел огромный авторитет и имя «Друг геологов».

1969 — 1973 — служба по проектированию и бурению глубоких скважин на нефть и газ (г. Миттенвальде). Принимал на буровой командированных из СССР студентов и преподавателей кафедры бурения МИНХ и ГП им. И.М. Губкина.

1971 г. — защита кандидатской диссертации в Горной Академии

г. Фрайбурга по теме «Оптимизация режимов бурения с помощью ЭВМ».

1971 — 1973 — работа в рабочих группах Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

1973 — 1984 — начальник отдела технологических исследований по сооружению подземных хранилищ для природного газа, нефти и нефтепродуктов. Создание подземных хранилищ в водоносных слоях, истощенных залежах, подземных полостях (кавернах). В соляных пластах в основном для хранения природного газа из СССР. Организация сотрудничества и совместные работы с советскими институтами ВНИИгаз, ВНИИПРОМГАЗ. Работы в Уфе, Оренбурге, Краснодаре и других городах СССР.

1984 — 1989 — главный технолог по сооружению объектов газовой промышленности по Межправительственному соглашению между СССР и ГДР. Работы по заказам генерального заказчика Мингазпрома СССР и по заказам генподрядчика Миннефтегазстроя СССР в области сооружения магистральных газопроводов, компрессорных станций, подземных хранилищ газа, жилищного строительства, объектов инфраструктуры и т.д. Постоянные командировки и работа в министерствах, проектных институтах Москвы, Ленинграда, Краснодара, Оренбурга, Перми и др.

1989 — 2003 — работа в объединенной Германии (ФРГ). Маркетинг-менеджер по сооружению подземных хранилищ газа. Работы по программе Европейского Сообщества. Служебные командировки в Брюссель, Лондон, Амстердам и др.

В 2003 г. вышел на пенсию и продолжал работать консультантом для различных заказчиков и фирм Германии. Программы относились к бывшим республикам СССР: Беларусь, Грузия, Украина, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Киргизстан.

Шрайер Петер

1956 — 1961 — учеба в МИНХ и ГП им. И.М. Губкина по направлению из ГДР.

1961 — окончил МИНХ и ГП им. И.М. Губкина по специальности «Разработка и эксплуатация нефтяных и газовых месторождений».

1961 — 1966 — руководитель отдела по буровым растворам пред-

приятия разведочного бурения на нефть и газ, г. Миттенвальде (ГДР)

1966 — 1974 — буровой инженер, г. Коттбус. (ГДР)

1974 — 1990 — технолог по бурению Отдела науки и техники Предприятия по добыче бурого угля открытым способом. Разработка проектов для разведочных и дренажных скважин. Проектирование и обслуживание буровых шахт диаметром 4,5 м, глубиной до 300 м для Чехословакии.

1990 — 1993 — инженер по растворам в нефтяной промышленности американской фирмы «Эм-Ай дриллинг флюидс», г. Целле Германия. Обслуживание буровых в Германии и Австрии.

В 1993 г. вышел на пенсию, живет в г. Коттбус, женат, есть сын и внук, любит путешествовать всей семьей. Благодарен альма-матер, институту МИНХ и ГП им И.М. Губкина за знания и профессию, за интернациональную дружбу с однокашниками.

Бандлов Дитер

Родился 22 августа 1938 года в Кермике, Саксония-Ангальт, Германия

1944 — 1955 — школа и средняя школа, с. Кермик и г. Кетен

1955 — 1956 — рабфак, подготовительный год для учебы за границей, получение аттестата зрелости, г. Галле.

1956 — 1961 — учеба в МИНХ и ГП им. И.М. Губкина. Диплом с отличием по специальности «Разработка нефтяных и газовых месторождений».

1961 — 1964 — начальник Отдела/Управления по испытаниям газовых скважин и добыче на Нефтегазовом предприятии в г. Гота/Тюрингия (ГДР).

1964 — 1983 — начальник Отдела добычи и подземного хранения в Совнархозе/Министерстве геологии ГДР.

1973 — защита диссертации кандидата технических наук в МИНХ и ГП им. И.М. Губкина, руководители Ф.А. Требин и С.А. Оруджев.

1983 — 1990 — научный сотрудник у первого заместителя Председателя Совета министров ГДР (курировал геологическую службу, Госгортехнадзор и урановую промышленность).

1991 — безработный, АБМ (проект общественно-полезного труда).

1991 — 2009 — глава Московского представительства ФНГ-Акционерного общества Фербунднетц Газ, Лейпциг.

2010 — координатор национальных оргкомитетов постоянно действующего Российско-Германского Форума по использованию сырьевых ресурсов (создан в 2006 году при участии Президента России В.В. Путина и Федерального канцлера Германии А. Меркель).

Женат с 1963 года на выпускнице и бывшей аспирантке МИНХ и ГП Татьяне Тарасовой, есть дочь, внучка и внук. Имеет ряд наград, в том числе «За заслуги перед отечеством» (ГДР).

«Благодарен альма-матер за учебу, знания, за друзей, которых обрел в России», — пишет Д. Бандлов.

3. Наш друг из Венгрии — Ежеф Хингл.

Ешка Хингл был старше и опытнее нас. Он был спокойным и целеустремленным. Как и друзья из ГДР, он после окончания института защитил диссертацию и стал кандидатом технических наук.

Женился в институте, а в жены взял русскую девушку из Подмосковья, она училась на экономическом факультете.

В Венгрии он стал одним из руководителей энергетической отрасли. В новых условиях глобальной экономики наладил экономические контакты с разными странами в области энергетики и нефтегазовой отрасли. Он стал топ-менеджером современной экономики Венгрии. Время, как всегда, у него было расписано по минутам. Но при этом он отличался вниманием и гостеприимством. По его приглашению мы бывали у него в гостях в Венгрии, на озере Балатон, посетили уникальные места Будапешта.

4. О Китае и наших китайских однокашниках.

Китайские студенты были примером трудолюбия, дисциплины и сплоченности. В 60-х годах СССР оказывал огромную помощь КНР. СССР помогал Китаю в различных отраслях: машиностроении, атомной энергетике, нефтяной и газовой промышленности, авиации и автостроении. Огромная помощь оказывалась в области образования. В тот период в институтах и университетах СССР учились

тысячи студентов из Китая. Так вместе с нами на факультете в МИНХ и ГП им И.М. Губкина училось 14 ребят из КНР, многие из них стали ведущими специалистами в нефтегазовой отрасли Китая: Ван Цзу-Вей, Хуань Коу-Жень, У Энь Чжень, Тен Яо-Кун, Лю Дин Цзен, Фан И-Шеен, Чжу Жуй-Юань, Жуань Янь-Нянь, Янь-Тэнь-Чжай, Цен Моу Сянь, Чжу Ю-Цзянь, Сунь Чжи-Дао, Ван Мин-Хуа, Инь Коай-Пин.

Благодаря китайским друзьям мы впервые познакомились с уникальной и древней культурой, религией и обычаями Китая.

Первая поездка в Китай в 1985 г. оставила незабываемые впечатления. Город Шанхай — 20 миллионов жителей, 3 миллиона велосипедистов. Они снуют в узких улочках древнего города, перевозят в легких прицепах на велосипедах все: овощи, фрукты, текстиль, обувь, инструмент, стройматериалы.

Наши коллеги из Китая

Улицы Шанхая тянутся на несколько километров. В конце улицы — горы обуви, ничего не выбрасывается. Каждый может выбрать обувь для себя, детей, внуков, правнуков. Ботинки связаны шнурками попарно.

На машиностроительном заводе поразила система самообслуживания в столовых: у каждого рабочего есть полочка в общем шкафу, своя тарелка и ложка. Поел, сам вымыл свою тарелку и ложку и положил на полку.

Поражали рынки в Китае, они тянутся на целые кварталы. Здесь жарят и парят. Это уникальный восточный колорит. Длинные рыбные ряды, огромное количество морских продуктов, морских ежей, осьминогов, моллюсков и т.д.

Ряды с уникальными целебными настойками. В бутылках, сосудах и бутылках заспиртованные змеи. Китайцы веками делают эти настойки на змеях и пьют, как лечебный бальзам. Утром завтракают многие китайцы на ходу. По улице возят тележки, на которых два ведра, в одном вареные яйца, а в другом соевый соус. Даете монету, берете яйцо, чистите на ходу, скорлупу бросаете в пакет на тележке, окунаете яйцо в соус и в рот. Хотите два яйца — пожалуйста. Завтрак состоялся.

В 50-е годы СССР поставил в Китай на 30 машиностроительных заводов российские токарные станки. А в 80-е годы машиностроительные заводы в СССР были оснащены токарными станками с числовым программным управлением (ЧПУ). Китай просил СССР за валюту переоснастить 30 заводов новыми советскими токарными станками с ЧПУ в короткие сроки. СССР не смог тогда выполнить в сжатые сроки такой крупный контракт, пришлось бы лишиться станков с ЧПУ свое машиностроение. И Китай заключил контракты с Японией и Францией. Мы побывали на заводах и фабриках и в сельских провинциях Китая. Трудолюбие крестьян Китая уникально. Рисовые поля, поля, засеянные разными овощами. И везде спины, спины тысяч крестьян. Нет ни клочка не распаханной земли. И скромные крестьянские жилища. Кругом зеленые поля. Сегодня Китай снабжает своими овощами весь мир.

Китай благодаря мудрости руководства, гибкости и трудолюбию опережает по развитию экономики и Россию и США. Четыре страны, объединились в мощный блок БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай).

И на международной арене роль этого блока растет с каждым годом.

Сегодня российские и китайские предприятия создают различные совместные коммерческие, научно-технические и экономические структуры. Особое место в совместном сотрудничестве с Китаем занимают вопросы нефти и газа.

Сегодня китайские буровики со своим оборудованием и инструментом бурят скважины в 60 странах мира в поисках нефти и газа. Газпром подписал протокол о поставках газа в КНР с китайской национальной нефтегазовой корпорацией (СННС). Поставка газа в Китай должна идти по двум маршрутам: западный (газопровод «Алтай») и восточный (через Восточную Сибирь). По этим газопроводам должно экспортироваться в Китай по 30 — 40 млрд. куб. м газа ежегодно.

Наши студенческие связи с китайскими товарищами перешли в творческие и научно-технические связи. Мы побывали в разных компаниях Китая. Ежегодным местом встреч стали выставки «Нефть и газ» в Экспоцентре в г. Москве.

Деловые связи с Китаем Олега Маркова — пример получения новых знаний, навыков и умений. Он получил большой опыт совместной научной работы в трех китайских нефтяных вузах и провинциях Шаньдун, Шаньси и Сычуань в качестве научного работника и консультанта. Естественно, что для такой работы в Китае надо было изучить китайский язык, глубже ознакомиться с культурой и историей Китая. С этой целью Олег Марков в 1961 г. сдал экзамены в Институте восточных языков при МГУ и успешно работал в Китае.

5. Юбилейные встречи.

Стали традицией встречи однокашников факультета 20, 30, 40 и 50 лет спустя. Мы собирались в Москве в альма-матер, приходили на родные кафедры, вспоминали годы учебы в институте, общались со своими преподавателями, рассказывали о пройденном пути. Совершали прогулки по Москве-реке, проводили торжественные встречи, поднимали тосты «стоя и до забоя», как принято у буровиков.

В современных условиях от коллективов нефтегазовой отрасли безусловно требуется не меньше усилий, чем от ветеранов отрасли. Особенно важно развивать и реализовать творческую инициативу.

И пусть примером для молодежи послужит творческий путь старших поколений.

Мы надеемся, что нынешнее поколение нефтяников и газовиков, со знаниями и международным опытом будут хранить верность своей профессии, добьется успехов в умелом бережном использовании ресурсов нефти и газа в интересах Родины и ее народа. А ветераны приносят еще немало пользы своим странам.

«Оконторились ... блестяще»: о проблемах организации нефтяного хозяйства Западной Сибири в 1980-е годы

В.П. Карпов

Процедура извлечения уроков исторического опыта предусматривает, в частности, оценку оптимальности выбора субъектом целей развития и средств их реализации. В ходе создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) в СССР была осуществлена грандиозная перестройка географии нефте- и газодобычи, значительно улучшена структура топливно-энергетического баланса страны, дан импульс развитию многих производств и технологий, укрепились геополитические позиции государства. Что же мешало развивать эти успехи и дальше?

Кризис мобилизационности.

Мобилизационность — развитие, ориентированное на *достижение чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных средств и чрезвычайных организационных форм*¹ — была характерна для СССР с конца 1920-х годов. Советская модель экономики могла работать эффективно только в постоянно напряженном, мобилизационном режиме. Однако в реальности она функционировала, находясь в движении между двумя крайними точками — от стабильного, застойного до нестабильного, аварийно-мобилизационного состояния². В эпоху позднего социализма (1960-80-е годы) командная экономи-

ка постепенно трансформировалась в «экономику согласований» и «бюрократического торга»³. Это снижало административный нажим и эффективность советской системы в целом, что проявилось и в организации нефтегазового производства. На тюменском Севере нарастание организационных проблем было заметно особенно хорошо, потому что гигантский ЗСНГК мог функционировать лишь при условии ритмичности работы всех его звеньев, а обеспечивалось это командами из Центра, так как развитие регионального хозяйства с преимущественно моноотраслевой структурой было возможно за счет использования, в основном, внешних ресурсов — финансовых, материально-технических, трудовых. Сбои в системе «СССР-ЗСНГК» привели к дестабилизации ситуации в ЗСНГК и отрасли в целом.

По мере нарастания системного кризиса в стране в нефтегазовой промышленности региона росли штурмовщина и неразбериха. Форсирование нефте- и газодобычи с середины 1970-х годов (оно должно было вытягивать темпы развития промышленности в условиях падающей эффективности советской экономики) в условиях нарастающего отставания производственной инфраструктуры от основного производства — добычи нефти и газа — повлекло за собой все те трудности, с которыми партийные и хозяйственные органы столкнулись еще в пионерный период индустриализации тюменского Севера. «Оконтролись мы с вами блестяще, — заявил на XX Тюменской областной партконференции (декабрь 1985 г.) заместитель Председателя Совета Министров СССР (в прошлом первый секретарь Тюменского обкома КПСС) Б.Е. Щербина, — что ни контора, что ни управление — нафаршированы они работающими до беспредельности, теми, кто нужен и кто не нужен ... А ведь масштабы производства стали преогромными ...»⁴. Действительно, к 1985 г. в состав Главтюменнефтегаза входило 480 предприятий, Главтюменнефтегазстрой — 196, Тюменьгазпрома — 114⁵. В коллективах ЗСНГК было занято уже более 750 тыс. человек⁶.

Рост управленческого аппарата.

Проведенные в 1983 — 1984 гг. Тюменским областным финансовым управлением проверки вскрыли особенно большое число нарушений на предприятиях и в организациях Главтюменнефтегаза — 956 сверхштатных работников аппарата управления, Главтюменгаз-

прома — 262, Главсибтрубопроводстроя — 182⁷. К началу 1989 г. численность работников аппарата управления в народном хозяйстве Тюменской области в целом составила 14,8 % от количества рабочих и служащих, а в Главном производственном управлении «Тюменгазпром» — 17,9 % (10,9 из 60,8 тыс. человек)⁸.

Анализ организационных структур ведущих отраслей специализации показывает, что увеличивалась не столько основная промышленно-производственная группа, сколько количество занятых в обслуживающих производствах. Между тем, деятельность вспомогательных предприятий (транспорт, снабжение, торговля, коммунальное хозяйство и т.д.) не изучалась. Ассигнования на науку преимущественно направлялись на исследования основного производства. Комиссия Президиума Совета Министров СССР по вопросам развития ЗСНГК в аналитической записке «Об использовании трудовых ресурсов в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе» (30.09.1983 г.) отмечала наличие больших резервов в этой области. Нерациональная структура управления в значительной мере объяснялась разобщенностью производственной и социальной инфраструктур комплекса. Так, в г. Сургуте торговлю и общественное питание осуществляли предприятия 8 министерств, жилой фонд обслуживало 20 эксплуатационных служб, связь — 16 министерств и ведомств. Только по этому городу за счет централизации торговли, жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) и связи можно было высвободить более 2200 рабочих⁹.

В области производственной инфраструктуры характерным примером нерациональной структуры управления была организация ремонта автомобильно-транспортной и дорожно-строительной техники. В начале 1980-х годов на территории комплекса функционировало свыше 1300 предприятий, имеющих на своем балансе более 120 тыс. единиц техники, капитальный ремонт которой осуществлялся в основном силами самих хозяйств. Передача работ по капремонту в специализированные предприятия машиностроительных министерств, как это предусматривалось постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1976 г., позволила бы высвободить около 35 тыс. рабочих. В целом по ЗСНГК устранение ведомственной разобщенности в использовании уже существующих объектов и предприятий позволило бы высвободить (по данным Межведомственной

комиссии Совета Министров СССР по ЗСНГК (ЗапСибМВТК) более 60 тыс. человек¹⁰. Это, в свою очередь, должно было снизить остроту социальных проблем (жилья, соцкультбыта), а значит — и текучести кадров, которая была особенно велика на предприятиях Миннефтегазстроя (28,9%), Мингео СССР (23,6%), Минстроя СССР (23,4%)¹¹.

Специфика нефтяной и газовой промышленности (как и сырьевых, горнодобывающих отраслей в целом) такова, что если не наращивать добычу, то невозможно повышать основные показатели эффективности производства, улучшать фондоотдачу, рентабельность, производительность труда. Намечаемые в 1980-е годы большие приросты производства, безусловно, требовали больших объемов бурения, строительства, вложений материальных ресурсов, роста численности работающих. Но надо было искать наиболее экономичные решения. Об этом неоднократно говорилось на пленумах и заседаниях бюро Тюменского обкома КПСС, областных партконференциях. Однако правильные призывы так и не были воплощены в жизнь.

Организация производства в бурении.

Стержневым вопросом в развитии ЗСНГК были буровые работы. Объемы бурения росли, но не благодаря техническому прогрессу, который замедлился во 2-й половине 1970-х годов, а за счет увеличения буровых станков и бригад. Заметно ухудшились в 10-й пятилетке технико-экономические показатели бурения: проходка на одну буровую бригаду снизилась на 15 %, скорость бурения — на 28 %¹². Почти половину календарного времени буровые бригады Главтюменнефтегаза тратили на вспомогательные работы, переезды, организационные простои и ликвидацию аварий¹³. В сентябре 1981 г. Тюменский обком КПСС на заседании бюро рассмотрел вопрос «О фактах грубых нарушений технологии и аварийности в глубоком бурении». В протоколе заседания бюро отмечалось, что за 8 месяцев с начала года в буровых организациях области было допущено более 100 аварий. Многие из них привели к списанию скважин. Их ликвидация обошлась в 13,3 млн. руб., а 46 тыс. м скважин было перебурено вторыми стволами¹⁴.

Почему со второй половины 1970-х годов ухудшалась организация работ, росли брак и аварийность? Академик А.Г. Аганбегян, некоторые другие ученые и специалисты связывали проблему с быстрым ро-

стом новых трудовых коллективов, низкой квалификацией работников, высокой текучестью кадров и неполной укомплектованностью бригад. Одним из главных факторов, определяющим морально-психологический климат коллективов, их работоспособность, были жилищные и социально-культурно-бытовые условия. Особенно это относилось к отдаленным и новым месторождениям, а в 1980-е годы нефтяники, газовики, геологи, строители уходили все дальше на Север.

Бригады по ремонту скважин, например, были укомплектованы на 70 %, из-за недостатка их численности вдвое меньше скважин, чем планировалось в 10-й пятилетке, перевели на механизированную добычу, в транспортных организациях не хватало 2,2 тыс. чел.¹⁵ В 1984 г. в производственном объединении (ПО) «Сургутнефтегаз» на 1 ремонтную бригаду приходилось 139 скважин, еще хуже положение с увеличением количества ремонтных бригад было в ПО «Нижневартовскнефтегаз», где простаивало более половины нефтяных скважин¹⁶.

Серьезное отставание в развитии социально-бытовой инфраструктуры сказалось на производстве самым непосредственным образом. В 1979 г. буровики впервые не выполнили план. Главной причиной его срыва стала невозможность организации новых буровых бригад: следовало организовать 47 бригад, а сумели — только 10, так как некуда было селить буровиков и обслуживающие их подразделения¹⁷. Не лучше обстояло дело с производственными «тылами». В 1984 г. в НГДУ «Стрежевойнефть» (Томская область) маршрут обхода скважин составлял 75 км при 90 % отсутствия дорог к скважинам и одном вездеходе, который «дышал на ладан», — отсюда и простои. В НГДУ «Мамонтовнефть» — полное бездорожье на 15 % кустов скважин и на всех «одиночках». Та же картина была в управлениях «Урайнефть», «Федоровскнефть», «Мегионнефть»: отсутствие или плохое состояние внутрипромысловых дорог, нехватка специального транспорта, неуккомплектованность бригад¹⁸. Между тем, разработанная на 11-ю пятилетку комплексная программа повышения уровня организации, управления, обеспечения производства, роста производительности труда буровых бригад предусматривала опережающее строительство жилья, баз, дорог, линий электропередач, пропорциональное развитие мощностей вспомогательных подразделений¹⁹. Но спрашивали в

первую очередь, как и прежде, о количестве пробуренных метров и добытых тоннах нефти. В декабре 1986 г. в корреспонденции газеты «Правда» «Надежен ли тыл?» 1-й секретарь Тюменского обкома КПСС Г.П. Богомяков, отвечая на вопрос, вынесенный в заголовок статьи, признал, что приходилось действовать по принципу «План — любой ценой»²⁰.

Сказались на организации производства и недостатки в материально-техническом снабжении подразделений ЭСНГК. Из года в год не выполнялись пункты постановлений правительства о выделении сибирякам оборудования и материалов в 1-ом полугодии для завоза в навигацию и о 300-дневном запасе материалов. В среднем наполовину удовлетворялись потребности буровых организаций Главтюменьгеологии в турбобурах и турбодолотах, запасных частях к ним, спуско-подъемных инструментах, запорной арматуре, что порождало простои и осложнения при бурении. Необеспеченность Сургутской, Правдинской, Тазовской, Тарко-Салинской нефтеразведочных экспедиций (НРЭ) инструментом и запчастями стало одной из основных причин срыва заданий по приросту запасов²¹.

Если в 1971 г. ЦК КПСС дал высокую оценку работе многих буровых бригад Западной Сибири, обеспечивших проходку скважин на бригаду в 1,5 — 2 раза выше среднего уровня²², то в 1979 г. ЦК отмечал наиболее неудовлетворительное положение с состоянием буровых работ именно в Тюменской и Томской областях (постановление ЦК КПСС «О мерах по повышению эффективности буровых работ в нефтяной, газовой промышленности и геологии»). Из 188 буровых бригад Тюменской области план 1979 г. не выполнили 70²³.

В 1980-е годы выполнение намеченных правительством заданий по добыче нефти и газа потребовало привлечения в регион колоссальных ресурсов. Как никогда прежде, были актуальны проблемы улучшения организации производства и труда. Но не помогали никакие заклинания о необходимости ускорения научно-технического прогресса. Все заслонили объемы добычи, а их удавалось обеспечивать все с большим трудом. В 1981 г. не выполнили план по добыче 3 нефтегазодобывающих управления (НГДУ) — каждое шестое, в 1983 г. — каждое третье, в 1984 г. — больше половины управлений (12 НГДУ)²⁴. С планом по росту производительности труда в 1983 г.

не справились 83 % предприятий Главтюменнефтегазстроя, 56 % — Главтюменпромстроя, 50 % — Главзапсибжилстроя, 48 % — Главтюменнефтегаза²⁵.

В мае 1984 г. Совет Министров СССР рассмотрел на своем заседании вопрос о ходе выполнения Главтюменнефтегазом плана добычи нефти в 1984 г. и принимаемых мерах по восполнению допущенного отставания. Было отмечено, что положение с добычей остается неудовлетворительным: плохо используется фонд скважин, отстают работы по вводу новых объектов, не уделяется должного внимания созданию стабильных коллективов, формированию бригад добычи нефти и ремонта скважин, низка квалификация рабочих кадров, высока аварийность. По решению правительства и приказами Миннефтепрома СССР в нефтегазодобывающие управления были направлены специалисты и научные работники институтов, которые на месте провели анализ работы, дали рекомендации по улучшению использования основных фондов и организации работы, была оказана помощь в выделении из других районов 50 бригад по ремонту скважин, 20 монтажных бригад, организованы специальные транспортные предприятия с привлечением работников из других районов. Но этих мер оказалось недостаточно, чтобы выйти на плановый суточный уровень добычи нефти — 1018 тыс. т²⁶.

Не удалось устранить главные причины неудовлетворительно го положения: во-первых, плохую координацию работ между основным производством и смежниками, во-вторых, низкую культуру производства (ее характеризовали состояние территории промыслов, кустов скважин, оборудование их площадками, наличие дорог к скважинам, соблюдение технологических регламентов, техники безопасности, промышленной санитарии), в-третьих, рост непроизводительных затрат времени и аварийности ввиду слабой производственной дисциплины, недостаточного объема планово-предупредительных ремонтов на промыслах, низкой квалификации и нехватки рабочих кадров. «В итоге, — говорил Министр нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцев, — постоянно что-то рвется, горит, что-то лихорадит добычу нефти. От кого же это зависит? Это зависит от организаторов производства»²⁷. Если Мальцев считал таковыми министров, то от них зависело многое, но не все.

А если — начальников управлений и цехов, бригадиров, то, как было показано выше, ситуация тоже зависела не только от них: все структуры ЗСНГК должны были работать синхронно, иначе началось лихорадить всю махину в целом.

Разносный характер носило выступление Н.А. Мальцева на собрании работников нефтяной промышленности Западной Сибири в Сургуте (июнь 1984 г.) с участием представителей ЦК КПСС. Большая часть доклада министра была посвящена примерам отсутствия порядка в работе отдельных промыслов, цехов и бригад, угрозам в адрес виновных²⁸. Не было анализа ситуации, конструктивных предложений. О стиле руководства можно судить и по приказам Миннефтепрома СССР. Приказ № 1 «О мерах по выполнению установленных планов по добыче нефти и газа в 1985 году» (08.01.1985 г.) насчитывал (с приложениями) 269 (!) листов. Главтюменнефтегазу (Р.И. Кузоваткину) совместно с другими министерствами и ведомствами, участвующими в развитии ЗСНГК, было приказано с первых дней 1985 г. довести добычу нефти и газового конденсата в Тюменской области не менее, чем до 1050 тыс. тонн в сутки. Наряду с дежурными задачами: «предусмотреть», «повысить», «улучшить», «обеспечить», «принять меры», главк был обязан ускорить создание новых нефтегазодобывающих управлений и провести на предприятиях разъяснительную работу о положении дел, сложившемся на промыслах Западной Сибири²⁹.

Вклад «летающих вахт».

Еще больше усугубили проблему простоев «летающие вахты». Хотя в 1985 г. в Главтюменнефтегазе своих ремонтных бригад было уже в 2,5 раза больше, чем коллективов, добывающих нефть, возвращать жизнь простаивающим скважинам не успевали. На помощь тюменцам пришли нефтяники гг. Грозного и Баку, Куйбышева, Краснодара, Альметьевска, Уфы, других районов страны. Но к «тюменскому десанту» не везде отнеслись ответственно. Кто-то присылал людей вовсе без техники, кто-то с техникой, которая «дышала на ладан». К своим 150 ремонтным бригадам в Нижневартовске добавилось 100 приезжих³⁰. Нижневартовцам пришлось доукомплектовывать новые бригады инструментом, подъемниками. А у самих каждый комплект оборудования был на счету.

Корреспонденты газеты «Социалистическая индустрия» в августе 1985 г. побывали на селекторном совещании в ПО «Нижневартовск-нефтегаз». Генеральный директор Л.И. Филимонов принимал сообщения с мест о работе командированных коллективов за прошедшие сутки. В НГДУ «Белозернефть» не смогли отправить на промысел 2 бригады киргизских ремонтников — не было вахтовых машин. В «Приобьнефти» 68 часов простояли пермские и ставропольские бригады из-за нехватки спецтехники. 17 часов бездействовали удмуртские и нижеволжские нефтяники — ожидали раствор. В общей сложности простои подрядных бригад составили за сутки свыше 500 часов³¹. Собранные по приказу Миннефтепрома 100 ремонтных бригад со всей страны так и не дали реальной прибавки нефти. Потому что простым перераспределением трудовых ресурсов в пользу перспективного региона, наращиванием числа «летающих бригад» можно было лишь сгладить остроту возникавших проблем, но не устранить их глубинные причины.

Результативность труда вахтовиков оказалась относительно невысокой. Так, если средняя проходка скважины на 1 буровую бригаду у сибиряков составляла в год 50 тыс. м, то у «десантников» — 32,5. В вышкостроении — примерно то же: местные бригады строили в год в среднем 51,8 буровых вышек, приезжие — 31,6. У строителей, транспортников, рабочих других специальностей картина была похожей. В итоге выходило, что для выполнения одинакового объема работ «кочующих» требовалось в 1,3 — 1,5 раза больше, чем местных работников³².

Во второй половине 1980-х гг. вахтовиков возили в регион из 320 городов СССР. Для упорядочения вахтово-экспедиционных перевозок в Главтюменнефтегазе была создана специальная служба из 46 человек. В январе 1987 г. в Тюменском обкоме КПСС был рассмотрен вопрос «О задачах, стоящих перед главками Тюменской области по сокращению и упорядочению вахтово-экспедиционного метода». Отдел нефтяной, газовой промышленности и геологии обкома предложил нефтегазодобывающим объединениям разработать мероприятия по полной ликвидации вахтово-экспедиционного метода в 1988 — 1989 гг.³³ Был еще один фактор, с которым приходилось считаться: к производству, к технике, находящейся за тыся-

чи километров от родного дома, трудно привыкнуть, как к своему. Чужую технику берегли хуже, из нее стремились выжать все, что можно и чего нельзя. Безжалостным было и отношение к природе. Формировалась психология временщиков: после нас — хоть потоп.

«Экономика должна быть экономной».

Огромные масштабы освоения придали особую актуальность теме экономии и бережливости. «Что такое 1 % экономии в масштабе области (Тюменской — В.К.) в год по уровню потребления важнейших ресурсов? — спрашивал Б.Е. Щербина. — В 1985 г. по горючему это 50 тыс. тонн (а чтобы произвести их, надо переработать 100 тыс. тонн нефти), цементу — 40 тыс. тонн, трубам и металлу — 50 тыс. тонн, электроэнергии — 460 млн. квт. часов. А сколько потерь, сколько пропадает добра в виде металлолома?»³⁴ Ответить на этот вопрос было не просто. В тюменском «Вторчермете», не ручаясь за достоверность цифр, прикинули, что накопилось металлического лома в тайге, тундре, на буровых около миллиона (!) тонн. Почему определили «на глазок»? Потому что не было точных данных о количестве оборудования, поступавшего в районы нефтегазового комплекса. Не под силу было контролировать тех, кто просто-напросто зарывал металл в землю при грандиозных масштабах индустриального наступления³⁵. О кладбищах металла на всем протяжении от Тюмени до Нового Уренгоя писала «Правда» в материале «Металл в тундре»³⁶.

Во время поездки по Среднему Приобью специалистов Госснаба, Госплана и Минчермета СССР было проверено, как используются и хранятся трубы нефтяного сортамента в ПО «Нижневартовскнефтегаз», «Красноленинскнефтегаз», «Варьеганнефтегаз» (в эти объединения направлялось 60 % всех «нефтяных» труб). Только в ПО «Нижневартовскнефтегаз» из-за неудовлетворительного хранения и транспортировки в 1986 г. было приведено в негодность 3 266 т (88 916 м) труб. Всего же по нефтегазодобывающим объединениям Нижневартовска, Радужного, Нягани загубили 12,6 тыс. т труб³⁷.

Проверками Комитета народного контроля СССР были вскрыты многочисленные факты бесхозяйственности предприятий при попустительстве главков и объединений, правоохранительных и контролирую-

щих органов. Трубы, нефтегазопромысловое оборудование, металлопрокат, техника, химреактивы и другие материалы, в том числе закупленные за рубежом, использовались расточительно, часть их оказалась брошенной на месторождениях и трассах, пришла в негодность. «Рекордсменами» по количеству неустановленного оборудования были предприятия газовой промышленности. В 1988 г. его по организациям Главтюменгазпрома накопилось более, чем на 450 млн. руб. С 1983 по 1987 г. пролежали на складах главка купленные по импорту станции охлаждения газа на сумму 187 млн. рублей³⁸. Вышедшие из строя оборудование, трубы, материалы закапывались в землю. На промыслах и площадках объединений «Уренгойгаздобыча», «Надымгазпром», «Тюменьбургаз» были найдены тысячи тонн бесхозных труб, сотни единиц промыслового оборудования, машин и механизмов.

Вопрос «О бесхозности и расточительности в использовании труб, металлопроката, оборудования на предприятиях и стройках нефтегазового комплекса» в ноябре 1987 г. рассмотрело бюро Тюменского обкома КПСС. Вернулись к нему на IX пленуме обкома в мае 1988 г. Несмотря на переход к новым условиям хозяйствования, провозглашенный «перестройкой» М.С. Горбачева, сдвига в отношении к созданным производственным фондам и выделяемым материально-техническим ресурсам не произошло. «Нет экономических рычагов заинтересованности, не ликвидирована анонимность фондов, — говорил начальник Главтюменнефтегаза В.И. Грайфер, — все общественное, все общее, а содержание основных фондов плохое»³⁹.

Корректировки плановых заданий как фактор дезорганизации производства.

В 1980-е годы очень мешали нормальной организации работы корректировки заданий по добыче нефти в течение года и пятилетки, что стало широко практиковаться с конца 1970-х годов. «В 1978 г. предприятиям Тюменской области неоднократно меняли отдельные показатели государственного плана, — говорил на XVII Тюменской областной партконференции Г.П. Богомяков. — Более 10 поправок внес своим коллективам Главтюменнефтегаз, 21 раз менялся план на предприятиях Главтюменьпромстроя. За такими изменениями кроются серьезные промахи в планировании и организации работ. Они порождают неритмичность и штурмовщину, мнимое благополучие»⁴⁰.

О том, что корректировки заданий по добыче отражаются на всем комплексе работ и ведут к еще большему отставанию «тылов», говорили и руководители нефтяников.

Очевидно, что в соответствии с цифрами плановой добычи нефти определялись и задания по приросту жилья, объектов соцкультбыта, строительству дорог, росту трудовых коллективов, поэтому изменения планов в сторону произвольного увеличения дезориентировали производство. «Еще перед началом пятилетки работники нефтяной промышленности ориентировали всех на то, что в Западной Сибири в 1985 г. будет добываться 340 млн. тонн нефти. Под этот уровень были спланированы объемы строительства, энергоснабжения, выпуска техники, утилизации попутного газа, обеспечения кадрами, социальное развитие, — говорил Г.П. Богомяков на совещании партийно-хозяйственного актива (Тюмень, 6 сентября 1985 г.), — затем задание по приросту добычи неоднократно увеличивалось и с 40 млн. т возросло до 80 млн. т. Планы же смежных отраслей существенно поправлены не были»⁴¹. Как это отразилось на организации производства и труда? Об этом хорошо сказал первый секретарь другого обкома КПСС — Томского (А.Г. Мельников): «Нефтяникам Сибири часто приходится работать, как говорят, в экстремальных условиях. Это верно! Но немало таких условий создается не природой, а самими людьми»⁴².

Не изменилась ситуация и после 1985 г. «Как планомерно вести обустройство промыслов, — спрашивали в конце 1986 г. корреспонденты газеты «Социалистическая индустрия», — если проекты перекрывают каждый год»? В 1986 г. разработка Варьеганского месторождения велась по проекту, рассчитанному на 19 млн. тонн нефти в год. А планом предусмотрено добыть на 3 миллиона тонн больше. Кто будет добывать эти 3 миллиона? Получается, что некая абстрактная рабочая сила, для которой не нужны ни столовая, ни бытовки, ни жилье (проектом они, естественно, не предусматривались)⁴³.

Поскольку ресурсы не бесконечны, выправить ситуацию с добычей нефти в Западной Сибири удалось лишь на короткий срок (1986 — 1988 гг.). В 1989 г. впервые в Тюменскую область было направлено капитальных вложений меньше, чем в предыдущие годы, что не замедлило сказаться и на добыче «черного золота».

Сокращение финансирования, хронические недопоставки оборудования и материалов привели к тому, что уровень добычи нефти в 1990 г. снизился по сравнению с 1989 г. на 30 млн. тонн. Из-за ухудшения материально-технического обеспечения осенью 1990 г. простаивало 75 буровых бригад, неработающий фонд скважин превысил 8 тысяч⁴⁴. Неоднократные обращения Тюменского областного Совета народных депутатов, профсоюзов и обкома КПСС к руководству СССР и РСФСР с просьбами рассмотреть положение дел в области, результатов не принесли.

С приходом к власти М.С. Горбачева можно говорить об очередной смене мобилизационного цикла, когда номенклатура окончательно «расслабилась» и заставить экономический механизм работать в прежнем режиме было уже невозможно. Нарастала политическая и экономическая анархия как в центре, так и на местах. «Перестройка» окончательно разрушила властную вертикаль, привела не только к тяжелейшему кризису в нефтегазовой промышленности Западной Сибири, но и к краху советской системы, который в значительной мере был следствием обвального падения добычи тюменской нефти.

Примечания

1. Фонов А.Г. Россия: от мобилизационного общества к инновационному. — М., 1993. С. 88.
2. Прохоров А. Русская модель управления // Эксперт. 2000. № 3. С. 84.
3. Артемов Е.Т. Восточные регионы России: историческая преемственность экономической политики // Известия Уральского государственного университета. 2011. № 4. С. 189.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф.124. Оп. 239. Д. 14. Л. 191.
5. Очерки истории Тюменской области. — Тюмень, 1994. С. 219.
6. Карпов В.П. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта / В.П. Карпов, Г.Ю. Колева, Н.Ю. Гаврилова, М.В. Комгорт, А.И. Тимошенко. — Тюмень, 2011. С. 222.
7. Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф.1112. Оп. 2. Д. 1293. Л. 269.
8. ГАТО. Ф.1112. Оп.2. Д.2936. Лл. 74, 75.
9. ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 232. Д. 108. Л. 33.
10. ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 232. Д. 108. Л. 34.
11. Там же. Л. 35.

12. ГАСПИТО. Ф.124. Оп.222. Д. 79. Л. 68.
13. ГАСПИТО. Ф.124. Оп.225. Д. 3. Л.30.
14. ГАСПИТО. Ф.124. Оп.225. Д. 40. Л.5.
15. ГАСПИТО. Ф.124. Оп.219. Д. 107. Л.118.
16. ГАТО. Ф.2146. Оп.1. Д. 2783. Л.46.
17. ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 219. Д. 107. ЛЛ.118-120.
18. ГАТО. Ф.2146. Оп.1. Д. 2783. Лл. 87, 96, 100, 102.
19. ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 225. Д. 20. Л. 9.
20. Правда. 1986. 10 декабря.
21. Там же.
22. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т.8. — М.: Политиздат, 1972. С. 282 — 284.
23. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 219. Д. 56. Лл. 2-4.
24. ГАТО. Ф. 1112. Оп. 2. Д. 1292. Лл. 57, 58.
25. ГАТО. Ф. 1112. Оп.13. Д. 9661-а. Л.3.
26. ГАТО. Ф. 2146. Оп.1. Д. 2783. Лл.36-38.
27. ГАТО. Ф. 2146. Оп.1. Д.2783. Л.167.
28. Там же. Лл.166 — 168.
29. ГАТО. Ф.2146. Оп. 1. Д. 2901. Л.л. 1, 1-об.
30. Социалистическая индустрия. 1985. 7 августа
31. Там же.
32. Человек на Севере // Известия. 1985. 16 сентября.
33. ГАСПИТО. Ф.124. Оп.245. Д.184. ЛЛ.1-2.
34. ГАСПИТО. Ф.124. Оп.239. Д.14. Л.190.
35. ГАСПИТО. Ф.124. Оп.245. Д.157. Л.20.
36. Металл в тундре // Правда. 1987. 30 января.
37. Там же.
38. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 245. Д.62. Л.4; Оп. 248. Д. 7. Л. 34.
39. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 248. Д.7. Л.20.
40. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 216. Д.1. Л.15.
41. ГАСПИТО. Ф.124. Оп.239. Д.111. Л.15.
42. Там же. Л. 21.
43. Социалистическая индустрия. 1986. 11 апреля.
44. ГАСПИТО. Ф.124. Оп. 254. Д. 72. Л. 136; Оп.257. Д. 44. Л. 9.

11 трудовых пятилеток Виктора Коломацкого (к 85-летию со дня рождения)

В.Н. Рудкевич

В.Н. Коломацкий

30 июля 2013 года талантливому инженеру-нефтянику, бывшему начальнику Управления главного механика Миннефтепрома СССР, заместителю начальника Главнефтемашремонта, заместителю директора Департамента машиностроения и энергомеханических служб корпорации «Роснефтегаз» (далее корпорации) Виктору Николаевичу Коломацкому исполнилось 85 лет.

Он завершил трудовую деятельность только в 2005 году в возрасте 77 лет. Его стаж к тому времени превысил 50 лет. Это были годы напряженной работы по восстановлению нефтедобычи страны после войны и ее дальнейшему развитию, когда советская нефтяная отрасль достигла пиковых показателей по добыче нефти (с газовым конденсатом) 624 млн. тонн в год и в глубоком разведочном и эксплуатационном бурении скважин — 32,5 млн. метров проходки.

За прошедшие 20 лет после ухода В.Н. Коломацкого из корпорации у автора этих строк неоднократно возникала мысль написать статью о человеке, сыгравшем огромную роль в его (автора) становлении как нефтяника-механика. Но я все считал, что еще не время писать, так как он продолжал активно работать, да и мне было нужно заслужить на это моральное право, доказывая своей работой преемственность в его труде. Считаю большим счастьем то, что мне с 1981 года повезло поработать совместно с Виктором Николаевичем 12 лет. Общение с ним и работа под его руководством позволили мне профессионально расти. В 1992 году по его рекомендации президент «Роснефтегаза» Л.Д. Чурилов назначил меня начальником Департамента машиностроения и энергомеханических служб корпорации. Руководство службой механообеспечения я осуществлял до ухода на пенсию в 2011 году. Мы продолжали все это время общаться, естественно, в основном в преддверии

праздничных дат или наших дней рождений, делясь информацией о происходящих изменениях в работе и жизни каждого.

В сборнике Совета ветеранов ОАО «НК «Роснефть» «Ветераны» выпуск № 16 за 2004 год была опубликована статья Виктора Николаевича «О друзьях-товарищах», в которой отражены вехи его жизненного пути и рассказано о людях, с которыми он встречался с первых трудовых шагов. К юбилею хочется, по мере возможности, дополнить его статью информацией о событиях, которые по той или иной причине не отражены им, а также частично рассказать о судьбе отдельных близких ему людей.

Начну с того, что 60 лет тому назад выпускник Львовского политехнического института после защиты диплома по специальности «горный инженер-механик по оборудованию нефтяных и газовых промыслов» попадает в незнакомую для него Башкирию и встречается с заместителем начальника объединения «Башнефть» по бурению Н.А. Муганлинским. После собеседования с последним направляется на работу в Контору турбинного бурения № 2 бурового треста «Туймазабурнефть».

Несколько слов о Нуреддине Аббасовиче Муганлинском: он во время Отечественной войны был направлен из Азербайджана в Поволжье и все время работал в Башкирии. Прожил он сравнительно короткую жизнь, скончавшись после тяжелой болезни в марте 1968 года на 61-м году. К тому времени его ученик В.Н. Коломацкий уже работал в Западной Сибири и не присутствовал на похоронах своего первого наставника, о котором он в статье отозвался как о «мудром инженере и организаторе производства». Автору этих строк повезло со старшим сыном Н.А. Муганлинского Руффутдином работать в НГДУ «Уфанефть». Совместно с нефтяниками из всех регионов Башкирии и родственниками я провожал его отца в последний путь.

В.Н. Коломацкий прошел путь, типичный для молодых специалистов своего времени, начав с рабочей должности слесаря 6-го разряда по монтажу бурового оборудования. Через два месяца он был назначен старшим механиком вышкомонтажного цеха. В течение последующих трех лет работал начальником вышкомонтажного и сварочного цехов и участка бурения. Это был период широкого внедрения в Башкирии новых промышленных скоростных методов крупноблочного строительства буровых установок. Совместная работа со специалистами бурового треста

«Туймазабурнефть» — бригадиром монтажников И. Мульдюковым, начальником вышколомонтажного цеха П.Ф. Маловым, главным механиком конторы турбинного бурения № 2 В.И. Понятовым, которых он считал своими наставниками, позволила В.Н. Коломацкому стать знающим инженером-практиком. Около одного года он проработал главным механиком конторы турбинного бурения № 2 и в начале 1958 года был командирован в Индию в качестве руководителя бригады по монтажу закупленных в СССР буровых установок.

В мае 1958 года для него наступил новый период работы. После того как бригада, возглавляемая В.Н. Коломацким, прибыла в Дели и выполнила за 4 месяца контрактные обязательства, он до апреля 1961 года работал в Индийской государственной комиссии по нефти и газу в качестве советника. В это время советские специалисты, в их числе и башкирские нефтяники, выводили нефтяную отрасль Индии на качественно и количественно новую ступень. Так главным советником Индийской государственной комиссии по нефти и газу и руководителем группы советских специалистов был назначен главный инженер объединения «Башнефть» К.И. Коваленко. Благодаря сотрудничеству двух стран в Индии появилась новая растущая нефтяная отрасль, которая в 1951 году добывала 0,51 млн. тонн, в 1961 году — 3,02 млн. В настоящее время в стране добывается около 33 — 34 млн. тонн нефти.

Завершив контракт в апреле 1961 года, Виктор Николаевич вернулся в Башкирию, где три года проработал в тресте «Туймазабурнефть». В 1964 году он вместе с сослуживцами — известными специалистами А.М. Слепяном, Л.И. Вязовцевым, М.Н. Сафиуллиным и другими — переезжает в Западную Сибирь во вновь созданное объединение «Тюменнефтегаз».

С первых шагов, работая начальником отдела — главным механиком, В.Н. Коломацкий создавал «с нуля» механоремонтную базу для решения первоочередных задач по обеспечению плановых объемов добычи нефти, которые, в свою очередь, были связаны с большими объемами буровых работ. В этом ему помогали опытные специалисты и инженеры-механики из Башкирии Н.А. Пакуев, П.И. Фрайштетер и У.У. Мансуров и промысловый механик из Татарии Н.Е. Дурасов. Была получена помощь от руководства Тюменской области.

В конце 1964 года был создан Тюменский ремонтно-механический завод, с которого началась история организации крупной системы ремонтно-механических баз и заводов созданного в 1966 году на базе «Тюменнефтегаза» Главтюменнефтегаза. В дальнейшем завод был преобразован в завод «Нефтемаш», которым руководил в течение 16 лет Александр Анатольевич Шварев, который затем с 1982 года работал в Миннефтепроме заместителем начальника Управления главного механика, а потом — главным инженером Главнефтемашремонта. К концу 60-х годов в Тюмени был построен завод приборостроения «Электрон», а в Нижневартовске — завод по ремонту чехословацких автомобилей «Татра».

В Главтюменнефтегазе в это же время была разработана концепция централизации ремонтного обслуживания оборудования с организацией в каждом объединении центральных баз производственного обслуживания (ЦБПО). Первая такая ЦБПО появилась в Нижневартовске для ремонта бурового оборудования. Предложенная система ремонтного обслуживания после доклада В.Н. Коломацкого на коллегии Миннефтепрома СССР была рассмотрена и рекомендована к реализации в Западной Сибири и во всех объединениях страны.

В.Н. Коломацкий стоял у истоков организации электроснабжения объектов с помощью передвижных автоматизированных газотурбинных электростанций типа ПАЭС, работающих на нефтяном газе. Он являлся соруководителем совместных работ Главтюменнефтегаза и Запорожского моторостроительного объединения. В результате в 1967 году были изготовлены и испытаны два промышленных образца электроагрегатов мощностью 1,0 и 1,25 МВт. После испытаний и ввода опытных образцов в эксплуатацию часть специалистов из Запорожья осталась работать на них в Западной Сибири. Одним из них был инженер-механик Леонид Иванович Овсий, который после перевода В.Н. Коломацкого в Москву в 1974 году по его рекомендации возглавил в Главтюменнефтегазе механоремонтную службу, а затем стал директором СибНИИ НП.

Уже работая в Москве, В.Н. Коломацкий со специалистами министерства В.Ю. Филановским-Зенковым, А.А. Джавадяном, В.А. Надеиным, главным инженером Главтюменнефтегаза Ф.Г. Аржановым и другими активно участвовал в реализации промышленно-

го проекта по организации газлифтной добычи нефти на одном из месторождений Западной Сибири. В соответствии с решением Совета Министров СССР в Италии и Англии были приобретены газомоторные компрессоры большой мощности, скважинное оборудование, блочные автоматизированные замерные установки и лебедочное оборудование для обслуживания газлифтных скважин, что позволило организовать опытную эксплуатацию первоочередного газлифтного участка на Правдинском месторождении. Полученные результаты дали возможность начать широкое применение этого метода на таких крупных месторождениях, как Самотлорское и Федоровское. По приказу Министра нефтяной промышленности СССР Н.А. Мальцева была создана большая комиссия из нефтяников и специалистов нефтяного машиностроения, возглавить работу которой было поручено В.Н. Коломацкому.

Это был продолжительный этап работы по созданию и организации производства отечественных электроприводных и газотурбинных компрессоров мощностью 6,3 МВт (Казанькомпрессормаш) и 16 МВт (Сумское машиностроительное объединение им. М.В. Фрунзе), переводу нефтяных скважин на газлифт, запуску компрессорных станций французского производства мощностью 12 МВт и японского — мощностью 10 МВт и многое др.

В статье Виктора Николаевича «О друзьях-товарищах» приведены имена многих специалистов нефтяников и машиностроителей, работников других отраслей страны, задействованных в работах по газлифтному проекту. Это и министры СССР Н.А. Мальцев, К.И. Брехов, В.М. Лукьяненко, лично руководившие реализацией проекта, их заместители В.Ю. Филановский-Зенков, Д.А. Такоев, В.Ю. Алекперов, Л.С. Гликман, В.И. Резниченко, а также большая группа инженеров, вложивших значительный труд в создание Самотлорского и Федоровского газлифтных комплексов.

В.Н. Коломацкий, возглавляя в течение 14 лет Управление главного механика, уделял большое внимание вопросам обеспечения предприятий отрасли запчастями для поддержания оборудования в работоспособном состоянии. Миннефтепром из-за дефицита запчастей, требуемых для эксплуатации производимого Минтяжмашем СССР, Миноборонпромом СССР и Минхиммашем СССР оборудования, вынужден был соз-

давать собственные производственные мощности. Они также требовались для производства централизованного капитального ремонта нефтепромыслового и бурового оборудования. Строительство новых и расширение существующих заводов всегда находилось в сфере интересов министров-нефтяников В.Д. Шашина, Н.А. Мальцева и В.А. Динкова, под руководством которых В.Н. Коломацкому пришлось работать. Он всегда характеризовал их как сильных руководителей, квалифицированных инженеров и организаторов. В тоже время он особенно отмечал такие сильные стороны В.Д. Шашина, как человечность, интеллигентность и высокая личная культура. Он был единственным министром, который нашел время дважды побывать на всесоюзных совещаниях механиков, выслушать их и выступить перед ними.

Какаясь строительства заводов и создания новых ЦБПО, необходимо остановиться на работе по их оснащению металлорежущими и другими видами станков. С конца 70-х годов было заключено соглашение с Народной Республикой Болгария по поставке для Миннефтепрома СССР комплектов оборудования ремонтно-механических мастерских (РММ). По действующему соглашению проводились встречи, на которых во время переговоров согласовывались объемы годовых поставок РММ.

На периоде работы В.Н. Коломацкого в годы так называемой «перестройки» остановлюсь подробнее, т.к. он, практически, не отражен в его статье.

После назначения в сентябре 1985 года Министром нефтяной промышленности СССР В.А. Динкова, бывшего до этого Министром газовой промышленности СССР, значительная часть работы механоремонтной службы была связана с реализацией постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по организации фирменного обслуживания и ремонта оборудования силами изготовителей для предприятий Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. В.А. Динков поручил В.Н. Коломацкому координировать работу всех управлений МНП с машиностроительными министерствами в подготовке необходимых организационных и регламентирующих документов. В короткий срок с основными союзными министерствами — Минтяжмашем, Минхиммашем, Минобронпромом, Минэлектротехпромом, Минэнерго, Минчерметом, Минавтопромом и Минсельхозмашем — были согласованы и подписаны совместные приказы по созданию баз фирменного обслуживания

(БФО) нефтепромысловой техники и оборудования. С министерствами и указанными в приказах заводами было согласовано выделение из имеющихся производственных мощностей нефтегазодобывающих объединений складских помещений для БФО, а также было предоставлено жилье для их работников. Важным в этой работе было определение и комплектование БФО требуемым *неснижаемым* запасом узлов оборудования и запасных частей, а также разработка порядка его пополнения.

Осуществлялись неоднократные выезды в Западную Сибирь вместе с работниками смежных министерств. О ходе работ в вышестоящие организации систематически представлялась требуемая информация. Вся работа в 1986 — 1988 годах осуществлялась под руководством заместителя председателя Совета Министров СССР, председателя Бюро Совета Министров СССР по машиностроению И.С. Силаева. С его участием было проведено несколько выездных совещаний в Тюмени и Сургуте, в работе которых кроме нефтяников также принимали участие представители Мингазпрома СССР. Принятые меры привели к тому, что система фирменного обслуживания в Западной Сибири начала давать свои результаты — повысился межремонтный период работы оборудования, обеспечивалась его безаварийная эксплуатация. Автор этих строк благодарен судьбе, что ему, как ответственному от Управления главного механика, пришлось принять участие в совместной работе, направленной на повышение работоспособности оборудования и техники.

В 1986 — 1993 годах В.Н. Коломацкий работал заместителем начальника Главного управления по производству продукции машиностроения, эксплуатации и ремонту оборудования МНП, заместителем директора Департамента машиностроения и энерго-механических служб корпорации «Роснефтегаз». В 1993 году, уходя из «Роснефтегаза», он хронологически отработал ВОСЕМЬ «нефтяных» ПЯТИЛЕТОК.

В 1993—1994 годах В.Н. Коломацкий работал в США, являясь руководителем проекта в машиностроительной фирме «Купер». Во время загранкомандировки в 1993 году ему исполнилось 65 лет и мы все, бывшие коллеги по механоремонтной службе, поздравили его с юбилеем и, наряду с пожеланием здоровья и успешной работы в США, пожелали успехов на «садовом фронте» после возвращения домой, предполагая его выход на пенсию. Однако, после возвращения он продолжал «трубить» на производстве еще целое десятилетие.

Здесь необходимо отметить, что интерес к новизне проявился у юбиляра в том, что он в возрасте 65 лет освоил компьютерную технику, которой пользуется и сейчас при взаимном общении.

После завершения работ в США он начал работать в советско-американском СП «Камнефть», организованном в 1989 году бывшим первым заместителем Министра нефтяной промышленности В.Ю. Филановским-Зенковым, с которым В.Н. Коломацкий, еще работая в МНП, разрабатывал уставные документы по организации совместного предприятия. Вместе они проработали до смерти Владимира Юрьевича в октябре 1994 года. Результатом работы в СП явилась организация и создание производства конкурентоспособного нефтяного штангового насоса (ШГН) на заводе «Ижнефтемаш». С 1997 по 2000 год Виктор Николаевич работал главным инженером СП.

Последние пять лет до ухода в 2005 году на пенсию он работал главным специалистом в московском представительстве ОАО «Ижевский электромеханический завод «Купол», занимаясь модернизацией его производства, бывая с этой целью в загранкомандировках. Проведению квалифицированного маркетинга технологического оборудования, выпускаемого этим заводом, способствовали не только его богатейший опыт нефтяника и машиностроителя, но и отличное знание английского языка, которое было получено во время работы в Индии и усовершенствовано в США.

Упомянув об Индии, хочу сообщить, что В.Н. Коломацкому довелось посетить эту страну во второй раз в 2005 году, когда по приглашению руководства Индии он в числе бывших российских работников присутствовал на торжествах, посвященных 50-летию создания Индийской государственной комиссии по нефти и газу. С его слов, он был благодарен индийской стороне за устроенную встречу и поездку по местам проведения прежней совместной работы, за нахлынувшие воспоминания о годах молодости, соратниках по работе, друзьях и товарищах.

Производственную деятельность (52 года стажа) В.Н. Коломацкий активно сочетал с изобретательской работой. Он является автором 6 изобретений и ряда печатных работ и монографий. Книга «Монтаж оборудования при кустовом бурении скважин» (в соавторстве с А.Н. Воеводой и К.В. Карапетяном — М.: Недра, 1987) является настольным пособием для многих поколений буровиков.

Обширен перечень объектов и технологий нефтяного производства, в которые В.Н. Коломацкий внес свои идеи и предложения.

Вклад Виктора Николаевича в развитие нефтяной промышленности оценен государственными наградами: орденами Дружбы народов, «Знак Почета» и 4 медалями, он — лауреат Государственной премии СССР (1972 г.) и премии Совета Министров СССР (1983 г.). Ему присвоены звания «Почетный нефтяник», «Заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности РСФСР», он награжден знаком «Отличник нефтяной промышленности».

В.Н. Коломацкий воспитал большую плеяду механиков, крупных организаторов производства и для многих он являлся наставником. Таким его могут считать «тюменцы» А.А. Шварев, Л.И. Овсий, В.А. Гардт и механики других нефтяных регионов. Автор данной статьи также считает себя учеником Виктора Николаевича, который последовательно готовил его на должность руководителя механоремонтной службы.

В.Н. Коломацкий основатель династии нефтяников. Его старший сын Александр длительное время работал на предприятиях нефтедобычи страны, а в настоящее время работает в г. Дубае (ОАЭ) в представительстве НК «Газпромнефть». Младший сын Олег, преждевременно скончавшийся, работал в 90-х годах в ОАО «НК «Роснефть». По стопам деда пошел и его внук Сергей, который сейчас работает в центральном аппарате НК «Газпромнефть».

Трудовой путь Виктора Николаевича связан со многими известными нефтяниками и учеными, среди которых выпускники Львовского политехнического института — Е.И. Осадчук, К.Т. Дементьев, Б.Ф. Сандурский, С.Г. Скрипник, А. У. Котов, Ф.О. Гловацкий, Н.Я. Ковтун, А.С. Лештаев, В.Ф. Оловянишников, П.И. Фрайштетер.

В день 85-летия со дня рождения Виктора Николаевича Коломацкого, завидуя его статности, бодрости и молодости духа, от имени бывших коллег, учеников и последователей шлю благодарственные слова, пожелания доброго здоровья на долгие годы, благополучия, счастья и радости выдающемуся представителю нефтяной отрасли страны, великолепному инженеру и человеку, который своим плодотворным трудом сделал очень многое для ее развития и процветания!

Мой студент Михаил Миллионщиков (к 100-летию со дня рождения)*

В.Н. Щелкачев

Студент Грозненского нефтяного института М.Д. Миллионщиков

В 1933 г. по совету академика В.С. Лейбензона я приехал в Грозный для работы в Грозненском нефтяном институте, в котором начал преподавать, занимая с 1934 г. должность заведующего кафедрой теоретической механики. Практически сразу я познакомился с Михаилом Дмитриевичем Миллионщиковым, работавшим, несмотря на его совсем юный возраст, ассистентом на этой кафедре. Впервые я о нем услышал от заведующего кафедрой бурения Грозненского нефтяного института В.С. Федорова, который представил мне Михаила Дмитриевича как человека, глубоко интересующегося наукой и в первую очередь математикой и механикой. Кроме того, М.Д. Миллионщиков был настолько хорошо подготовлен в области теории бурения, что, будучи студентом старших курсов, стал вести практические занятия по этой дисциплине, так что многие студенты оказывались старше его. И действительно, Михаил Дмитриевич (вне зависимости от данных мне о нем положительных рекомендаций) оказался очень способным, целеустремленным и проявляющим особый интерес к моему роду научной деятельности — подземной гидродинамике — молодым человеком.

Что в то время представлял собой Грозненский нефтяной институт? В 1929 г. он был преобразован в высшее учебное заведение из техникума и включал в себя два факультета — нефтепромысловый и нефтехимический. К сожалению, в институте практически не было препода-

*Аудиозапись 2002 г., записал и расшифровал М.А. Лебедев.

**М.Д. Миллионщиков (второй справа)
среди студентов-практикантов**

вателей с университетским образованием; все кафедры как общетеоретического, так и специального профиля возглавляли люди, имевшие узкое техническое образование и не являвшиеся в большинстве своем обладателями ученых степеней. Поэтому, попав в институт, я — доцент, выпускник математического отделения физико-математического факультета Московского университета с опытом работы в ведущих столичных научно-исследовательских учреждениях — организовал на кафедре теоретической механики Грозненского нефтяного института студенческий научный кружок. На его занятиях я давал студентам задания, которые не

входили в обязательный курс института, — конспектирование университетских учебников и отдельных монографий, изучение биографий классиков механики: Галилея, Леонардо да Винчи, Ньютона и других. Кружок этот пользовался большой популярностью в институте, и одним из постоянных его участников был Михаил Дмитриевич.

Живя и работая в Грозном, он часто мне говорил, что не знает, как сложится его дальнейшая судьба, но что он хочет поехать в Москву, где в отличие от Грозного есть много крупных ученых и, следовательно, наверняка можно в полной мере заняться наукой и именно фундаментальной наукой. Пытаясь помочь Михаилу Дмитриевичу в этом его стремлении, я направил Л.С. Лейбензону письмо с просьбой принять в Москве М.Д. Миллионщикова. Вскоре после того, как Михаил Дмитриевич переехал из Грозного в столицу, я получил ответ от

Л.С. Лейбензона, в котором он писал, что выполнил мою просьбу, и что Миллионщиков оказался юношей бесспорно пытливым и подающим большие надежды. С рассказом об этой встрече я также получил письмо и от самого Михаила Дмитриевича, в котором он писал, что Л.С. Лейбензон направил его к академику С.А. Чаплыгину в Центральный аэрогидродинамический институт им. проф. Н.Е. Жуковского (ЦАГИ). К сожалению, ни письма Леонида Самуиловича, ни письма Михаила Дмитриевича у меня не сохранилось, они были написаны в 1934 г., и их точное содержание восстановить в памяти трудно. Знаю только, что после этого Михаил Дмитриевич долгое время проработал в ЦАГИ, внося существенный вклад в развитие подземной гидродинамики.

Обосновавшись в Москве, Михаил Дмитриевич несколько раз приезжал к своим родителям в Грозный. В один из таких приездов, по-моему, в 1936 г. он выразил желание выступить с докладом на нашем кружке в Грозненском нефтяном институте. Я с удовольствием пригласил его на одно из заседаний. Михаил Дмитриевич сделал со-

Преподаватель Грозненского нефтяного института В.Н. Щелкачев

общение по гидродинамике, которое вызвало большой интерес у аудитории. Здесь надо еще заметить, что многие слушатели хорошо знали М.Д. Миллионщикова еще по студенческим годам, когда он вел занятия на младших курсах. Поэтому Михаил Дмитриевич предстал перед ними как своего рода «образцово-показательный» выпускник Грозненского нефтяного института, успешно работающий в Москве.

После того, как семья Миллионщиковых в 1937 г. уехала из Грозного, мы с ним на протяжении нескольких лет не виделись. Причиной этому явилась война, во время которой я оставался в Грозном, а он находился вместе с Московским авиационным институтом в эвакуации в Алма-Ате, а потом в Куйбышеве, где принимал активное участие в организации авиационного института.

Следующая наша встреча с Михаилом Дмитриевичем состоялась уже в Москве, куда я был переведен для участия в работе группы специалистов по интенсификации нефтедобычи в соответствии с приказом Государственного комитета обороны. М.Д. Миллионщиков рассказал мне, что, находясь в Куйбышеве, он практически подготовил для защиты докторскую диссертацию по проблемам гидродинамики. Важный материал, по его словам, он извлек из встреч с высококвалифицированным инженером из Грозненского научно-исследовательского нефтяного института А. Болтышевым, с которым Михаил Дмитриевич хорошо был знаком по промысловым практикам. По существу, там, в Куйбышеве, М.Д. Миллионщиков написал свою диссертацию, которая была доработана им уже в докторантуре Института механики Академии наук СССР.

Защита докторской диссертации Михаила Дмитриевича была назначена на начало 1946 г. Меня, как уже достаточно хорошо известного специалиста по подземной гидродинамике, привлекли в качестве одного из оппонентов на защите. Изучив диссертацию, я написал положительный отзыв. Работа, действительно, заслуживала очень высокой оценки, поэтому хорошая характеристика с моей стороны была объективной, а не связанной с нашим многолетним знакомством, — да и вообще, не в моих правилах писать положительный отзыв на научную работу по знакомству, а не по заслугам.

В диссертации М.Д. Миллионщикова, называвшейся «Гидромеханический анализ некоторых способов эксплуатации нефтяных сква-

жин», был решен ряд интересных и сложных задач, имеющих непосредственное отношение к нефте- и газодобыче. Работа представляла собой как бы мозаику: она состояла из трех частей, по сути независимых друг от друга, но посвященных решению важных задач подземной гидродинамики.

Первым замечательным достижением Михаила Дмитриевича в докторской диссертации является построение единой кривой зависимости между коэффициентом сопротивления и коэффициентом Рейнольдса. Подобно тому, как Никурадзе впервые построил универсальную кривую для движения жидкости, так М.Д. Миллионщиков впервые построил универсальную кривую для движения нефти. Благодаря этому отпала необходимость строить для каждого вида нефти и пласта собственную кривую зависимости.

Во второй части работы Михаил Дмитриевич разработал теоретические основы метода эксплуатации нефтяных пластов с подошвенной водой, создал теорию обводнения нефтяных скважин с подошвенной водой. Выдвинутая им математическая теория имеет крайне важное значение для разработки нефтяных месторождений, имеющих слой воды, например, таких, как Туймазинское, Ромашкинское, Самотлорское, а также всех грозненских месторождений и др. После решения этой задачи стало возможным добывать нефть без большой примеси подошвенной воды, так как конус воды уходит вниз, а конус нефти, наоборот, поднимается вверх.

Третья часть диссертации имела более узкий, но также важный характер и была посвящена вопросам движения газированной нефти в пористой среде.

После успешной защиты диссертации Михаил Дмитриевич был назначен заместителем директора по научной части Института механики АН СССР. Но вскоре в его карьере произошли изменения. Специальным правительственным решением он был переведен в институт академика И.В. Курчатова. Естественно, что работы, выполненные им в этом коллективе, носили закрытый характер, и я не мог быть в курсе его новых исследований. Однако я знаю, что М.Д. Миллионщиков внес очень важный вклад в развитие атомной энергетики. Это еще раз убеждает меня в том, что Михаил Дмитриевич мог глубоко вникать в новые отрасли науки и добиваться в них существенных результатов.

Байки северного лета. Борода

В.С. Сидоров

От редсовета: В.С. Сидоров был известным специалистом в области информационных технологий, долгие годы руководил Нижневартовским районным информационно-вычислительным центром, преобразованным в «НижневартовскАСУ-нефть». В 23-м выпуске «Ветеранов» он рассказал об особенностях внедрения газлифтного комплекса на месторождениях Западной Сибири.

Предлагаемые ниже литературные зарисовки были написаны Виктором Савватьевичем в период тяжелой болезни. Супруга, которая передала в редакцию эти литературные зарисовки, рассказала, что, заставляя его писать, пыталась отвлечь от боли.

Светлой памяти инженера-нефтяника, скончавшегося 21 июня 2013 г., мы посвящаем эту публикацию.

Борода

Первым российским кооператорам посвящается.

Я познакомился с ним в конце 80-х, в бурное и беспокойное время перестройки Горбачева. Люди не понимали: к чему зовут новые власти? Общество расслоилось пока еще не по степени материального достатка (это придет позднее), а по степени серьезности восприятия заявлений тогдашнего лидера. Да-да, именно так. Даже мне, тогда сорокалетнему «красному директору», приходили на

В.С. Сидоров

память ленинские цитаты из курса политэкономии вроде: «НЭП — это всерьез и надолго!» и печальные судьбы поверивших в это несчастных нэпманов. Можно легко догадываться про чувства старших соотечественников, живо помнивших сталинские репрессии, эксперименты и обещания реформатора Хрущева с последующим закручиванием «гаек» дорогим Леонидом Ильичом. Словом, неверие людей в легковесные трескучие призывы, боязнь резких перемен, умноженные на историческую память предыдущих поколений, вконец дезориентировали население: так все-таки, что можно, а что нельзя?»

Но вот, наконец, после двух-трех лет бесплодной риторики типа: «самоуправление трудового коллектива», «самоокупаемость и хозрасчет», «коллектив интенсивного труда» и т.п. власти родили обществу простой и экономически внятный «Закон о кооперации». Сейчас мы понимаем, как трудно переоценить его значение для всех последующих событий в экономике, да и по большому счету в судьбе страны. Этот закон, наконец-то, дал перспективу не для говорунов и демагогов «встать в ряды сторонников перестройки», а хватким, энергичным, а то и алчным людям (это, пожалуй, раздражало больше всего) рискнуть открыть СВОЕ дело, ухватить за хвост Фортуны, используя уникальный исторический шанс. Мой рассказ о Бороде — из тех дней.

Был я в ту пору депутатом городского Совета и состоял в депутатской комиссии, как раз занимавшейся работой первых кооперативов. Возглавлял нашу комиссию милейший человек, по основной работе он был председателем городского финотдела, назовем его Михальчем. Было ему под шестьдесят, по случаю доводился он мне земляком, и из редких неформальных встреч с ним я знал: бурные и шумные перемены в обществе его чиновничья душа принимала с трудом. Но он был скромным и верным работником аппарата, и дисциплина не была для него пустым звуком: раз партия решила, так тому и быть! Немного подправив на перестроечный лад свой лексикон (ну, там: «плюрализм мнений», «гласность», «процесс пошел» и все такое...), он вполне сносно руководил нашей комиссией. Даже заглядывавшие иногда на наши заседания инструкторы горкома партии отмечали столь желанный горкому КПСС дух перестройки и новизны в работе комиссии, занимающейся таким новым делом в экономической политике партии, как кооперативное движение. Словом, Михальч был на высоте, и все мы были довольны.

В тот день секретарша Михальча позвонила мне с утра и предупредила о внеплановом и чрезвычайном заседании комиссии, назначенном уже через час, чего прежде никогда не случалось. Внутренне чертыхнувшись (в кармане у меня лежал билет на самолет и командировочное удостоверение), я позвонил Михальчу: мол, у меня только два часа в запасе, и услышал в ответ: «Ничего, успеешь. Тут надо с одними ёб...ми подонками разобраться — это недолго». Немало удивившись, потому что Михальч обычно следил за своей речью, я поспешил исполнять свой депутатский долг.

Из членов комиссии я оказался первым. «Ты знаешь, — без всякого вступления начал Михалыч, — эти долбаные кооператоры обнаглели вконец. Тюрьма по ним плачет, а наши вожди, как только их не называют: и прорабы перестройки, и люди нового мышления, и борцы с социалистической бюрократией и, тьфу, еще как! Вчера был на горкоме: решили, что с наиболее вопиющими случаями надо все-таки разбираться. И вроде не мы одни это понимаем. «Первый» по своей линии консультировался: похожие вещи — повсюду! Ну, я понимаю, там, бабка пирожки печет, ну — парикмахерская кооперативная, ну, на худой конец, — артель строительная баньку кому-то сложит...».

«Послушай, Михалыч, а у нас-то, что за случай? И поспокойней, смотреть больно, как ты терзаешься».

Тут стали подтягиваться остальные члены комиссии. После получасового сбивчивого повествования возмущенного Михалыча картина потихоньку стала проясняться.

Вывел из себя Михалыча сигнал о работе некоего кооператива «Нептун». Он представлял собой артель водолазов, имел в качестве материальной базы помимо водолазного снаряжения пару небольших тихоходных суденышек. Работали в кооперативе преимущественно молодые мужчины, обученные своему непростому и опасному ремеслу, как правило, в рядах военно-морского флота за время срочной службы. Возглавлял кооператив некто «Борода», сначала я подумал, что это его фамилия, но то была его кличка. В городе он появился относительно недавно, поговаривали, что из мест не столь отдаленных. Вот его-то и вызвал для объяснений наш Михалыч, решивший на его примере «подкорректировать», хотя бы на местном уровне, стремительно набравшее ход кооперативное движение.

В комнату вошел крупный мужчина, загорелый, лет сорока, с потрясающе симпатичной рыжей густой бородой и удивительно веселыми голубыми глазами. Он дружелюбно окинул нашу компанию внимательным взглядом, слегка задерживая внимание на дамах, их в нашей комиссии было трое при общей численности комиссии в семь членов, и представился: «Александр Т-ский. Я — из кооператива «Нептун!» Нависла пауза. Я вдруг отметил про себя, что его появление и первые произнесенные им слова произвели на собравшихся какое-то удивительно единодушное позитивное впечатление.

То ли эта его необъяснимая и оттого бросающаяся в глаза доброжелательность к людям, которых он видит первый раз в жизни, в сочетании с собственной внутренней уверенностью; то ли его внешняя несхожесть с нами — бледнокожими обитателями кабинетов; то ли резкий контраст с насупившимся и напряженным Михалычем — не знаю, но первый раунд предстоящего поединка, мне кажется, остался за ним.

«Так-так..., — приступил к делу Михалыч, — кооператив "Нептун", значит?! Бог морей, кажется? А почему не "Гермес", например? Тоже ведь бог. Бог торговли, если я не путаю. Мне, кажется, было бы выразительней. Да и по духу к вам ближе. А?»

«А! Так это Вы, видимо, председатель комиссии по закрытию кооперативов, — он назвал фамилию Михалыча, — или я ошибся кабинетом и попал в комиссию по изучению древнегреческой мифологии?»

Почему-то всем стало весело. Всем, кроме Михалыча.

«А Вы, я вижу, человек с юмором, — продолжал Михалыч, — а дело ваше, между прочим, совсем не смешное. А потом, собственно, почему это комиссия по закрытию? У нас много задач, одна из них — и закрытие, ...но не главная, конечно. Однако, мы ушли в сторону. А времени у всех нас — в обрез. Давайте займемся фактами, а их немало, товарищи». Михалыч покопался в бумагах.

«Та-а-ак, смотрим устав: цели создания кооператива ..., — тут он поморщился, —... извлечение максимальной прибыли в интересах ..., опускаем; ... виды деятельности..., прекрасно, даже благородно, так, ...подводные работы, противопаводковые мероприятия..., так, понятно, очистка русел рек и других водоемов... Прекрасно и понятно. А вы, вы, чем занимаетесь?»

«Да в принципе Вы все правильно перечислили. Этим и занимаемся. Можно, конечно, детализировать, если кому-то интересно. Например, поиск, извиняюсь, утопленников. Бывают обращения от рыбаков, потерявших на воде подвесные моторы. В местах купания, например, случаются всякие курьезы, — он взглянул на женщин, — мужнины подарки топят, дорогие украшения и т.д. и т.п. Знакомо?»

«И как вам за это все платят?» — оживился Михалыч.

«Тут кухня такая. За, повторно извиняюсь, утопленников — денег не берем, так же, как за участие в запланированных противопаводко-

вых и других мероприятиях, учениях ГО МЧС и т.д. — мы за это от государства тарифы заработной платы имеем. А вот за остальные услуги — извольте заплатить!»

Михалыч: «Кому заплатить, извольте полюбопытствовать, и по каким таким ценам, кто их вам устанавливает?»

«С удовольствием, как Вы выразились, изволю ответить: по-разному. С женщин, как правило, денег не берем; с рыбаков берем обычно натурой — рыбой, если улов имеется, а если нет — за спасибо. Тут много от воспитания водолаза и от самого клиента зависит. Захочет отблагодарить — кинет сколько-то. Какие тут цены? Кто их устанавливал? А вообще-то, честно говоря, я за этим строго-то и не смотрю. А зачем?»

Михалыч заметно оживился: «Вот-вот, подходим, наконец, к главному. Понятно, там женские брошки-сережки, рыбацкий мотор — мелочи, можно и за благодарный взгляд, и за хвост стерляжий, понятно... А вот, как тут пишут граждане? "Кооператив "Нептун" реализует предприятиям и частным лицам по договорным ценам металлопрокат, трубы в широком ассортименте, извлеченные им со дна водоемов в ходе выполнения как плановых мероприятий, так и по собственной инициативе... и так далее. Это про вас? Это так?»

«Да, про нас и, в общем, это соответствует истине. Замечу только, что предприятиям, к сожалению, приходится реализовывать все-таки по государственным, а не по договорным ценам, ну с небольшой накруткой, как бы за транспортировку от завода-производителя до конкретного берега. Бухгалтеров, говорят, ругают за договорные цены. Не пропускают. Время, видимо, еще не пришло... А в остальном товарищи там или граждане сигнализируют правильно».

Михалыч воодушевился: «Так вот, товарищи, и получается у нас, что водолазный кооператив "Нептун", как бы превратился в завод-изготовитель труб и металлопроката, больше того — в транспортную контору по доставке этих изделий от этого мифического или, как сейчас говорят, виртуального завода на берег реально существующего водоема. Так ведь получается, товарищи? Что-то в вашем уставе такого вида деятельности — производить и транспортировать трубы в виртуальном пространстве — я не вычитал. А нарушение кооперативом заявленных в уставе видов деятельности является грубейшим нарушением

ем Закона "О кооперации" и может являться достаточным поводом для закрытия кооператива». Тут Михалыч, до этого насупленный и серьезный, неожиданно улыбнулся и продолжил: «Ну, так что Вы там остряли о комиссии по древнегреческой мифологии? Видите, в каком-то смысле приходится нам заниматься и этим — развенчиванием мифов! Вы хоть понимаете, что вы присвоили себе результаты чужого труда: шахтеров, сталеваров, прокатчиков и так далее? А ответственность за присвоение результатов чужого труда регулируется уже не вашим любимым Законом "О кооперации", а толстой книжкой под названием "Уголовный Кодекс РСФСР", в котором сидящие здесь члены комиссии к сожалению или к счастью не являются специалистами. Это уже дело не комиссии, а суда! А от себя добавлю: присвоение результатов чужого труда — фундаментальная черта капитализма, и это переводит наш разговор уже в идеологическую плоскость, чего, с учетом дефицита времени у всех нас, не хотелось бы делать». Михалыч глубоко вздохнул от произнесенной длинной тирады, но видно было: остался доволен собой. Еще бы, так учили его старшие товарищи по далекой комсомольской молодости искусству связывать факты повседневной жизни с абстрактными, казалось бы, положениями марксистской науки. В молодости он завидовал таким мастерам — партийным пропагандистам. Вот, оказывается, и он к концу жизни может! Опыт есть опыт.

«Н-да, уж, — после продолжительной паузы молвил Борода, — с чего и начать, не знаю. В отличие от Вас уголовный кодекс мне пришлось, к сожалению или счастью — не знаю, проштудировать не один раз: как говорить, с начала до конца, как это делают русские, и с конца до начала, как это делают евреи. И основы марксистско-ленинской морали в меня нормально вбиты, не хуже, чем в других. Было бы у всех нас время, поговорили бы... Но сейчас не до этого. Сейчас мне надо оправдываться, как Вы выразились, за мой виртуальный завод. Да что я говорю? За целую отрасль, даже группу отраслей: от рудокopa и сталеплавильщика — аж до железнодорожника. Это ведь их труд, как Вы считаете, мы приписали себе. Ну, что ж. Давайте по порядку. Начнем с простого, с заявленных в уставе видов деятельности. Ведь именно эту формальность юридически Вы хотите положить в основание Вашего решения о закрытии. Замечу, что здесь у меня есть

спасительная зацепка в виде формулировки в уставе, а, именно: "... а также другие виды деятельности, не запрещенные Законом". Ведь даже при Вашем слишком уж расширительном толковании нашей скромной деятельности, согласитесь, производство труб в стране никто не запрещал. Мне полегчало. А Вам придется придумать что-то другое».

«Придумаем, придумаем, если потребуется», — несколько озадаченно и мрачновато отозвался Михалыч.

«Теперь о присвоении чужого труда. Это, конечно, наиболее тяжкое обвинение. Но и тут, в Вашем с первого взгляда логичном рассуждении, — много натяжек. Конечно же, брать нам надо только за свой труд, а именно, за подъем грузов на берег. Кто бы с этим поспорил? Вернемся к началу нашей милой беседы. Вспомните, при подъеме, как вы выразились, брошек-сережек и рыбацких моторов мы ведь не представляемся ювелирами или производителями двигателей! Здесь мы — простые водолазы. А почему? А потому, что перед нами стоит несчастный владелец потерянной вещицы, он — собственник, и этим все сказано! Он оплатит нам наш труд по своему усмотрению. А поднятая вещица — его! В данном конкретном случае Вы криминала не усматриваете?»

«Вот бы и придерживались этого "Правила конкретного случая" во всех других случаях, получали бы за свой труд и спали спокойно. Кто мешает? Жадность мешает?» — Михалыч внимательно рассматривал Бороду и думал, казалось, о чем-то, как будто внезапно пришедшем ему на ум.

«Жадность — это грубовато, товарищ председатель комиссии, а вот здоровый прагматизм, мне кажется, будет точнее. А еще точнее — ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ! Судите сами: шахтеры, трубопрокатчики и дальше все по цепочке за свой труд ведь все уже получили? Мы ни у кого ничего не отнимали, нет здесь этого Вашего так называемого присвоенного чужого труда — олицетворения капитализма. Ведь это так? Ведь все эти трубы, металлопрокаты — Ваши бдительные граждане еще не догадываются о длине этого списка — уже выведены из хозяйственного оборота, их не существует!!! И вот явились мы и произвели их на свет божий! Считайте — создали заново. А создателю его детище принадлежит законно при

любом общественном строе. Так же, как "Капитал" законно принадлежит Вашему Карлу Марксу».

Пришла пора Михалычу начинать с «н-да...»: «Н-да, уж... Куда же вас занесло, однако. Не трогали бы классиков хотя бы. Вы — взрослый и, как я вижу, не обделенный способностью логически мыслить человек и должны понимать: поднятые вами ценности бесхозные принадлежат государству. Все очень просто: го-су-дар-ству! Точка!!! Это как клад, понимаете?»

«Государству?»? А что это такое? Где-то слышал: государство — это мы! А вот для меня сейчас государство — это ВЫ, комиссия при городском Совете народных депутатов. Вы сказали: считать, как клад, да? Ну, что ж, родите тогда закон или инструкцию, не сидите без дела! Так, мол, и так, отыскавшему на дне бесхозные ценности водлазному кооперативу, да почему только ему — любому гражданину! — полагается, скажем, одна треть их стоимости, а остальные две трети после их реализации в таком-то и таком-то порядке поступают в такой-то бюджет. Ну, почему молчите, законодатели? Не ваш уровень? Стучитесь выше! Что, боязно? Нет команды сверху? А пока таких инструкций-законов ВЫ не придумали — правит ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ! Для вас Я!!! нашел руду, сварил сталь и сделал трубы. Точка!!!»

Все ошарашенно молчали и глядели друг на друга. Слишком неожиданным был переход Бороды в атаку, слишком резко скакнул градус, в общем-то, до сих пор относительно спокойной беседы.

«Извините меня за резкость, конечно. Я, понятно, тоже нервничаю, — меж тем продолжал Борода, — но я должен дополнить мой бред следующим важнейшим заключением. Давайте договоримся, если у поднятого со дна груза-клада, как хочется, называйте, найдется хозяин, но только не в виде абстрактного (виртуального) государства, а в лице конкретного, скажем, Иван Ивановича, который к тому же тянет срок за утерю товара по решению нашего народного суда, то мы без всяких условий возвращаем товар Иван Ивановичу в обмен на его свободу. Давайте так: я предоставляю вашей комиссии информацию о всех подводных находках, а вы ищите Иван Ивановичей! Если Иван Ивановича нет — товар наш! Если Иван Иванович нашелся — государство дарит ему свободу! Этих самых Иван Ивановичей, поверьте, я имел

несчастье видеть на своем веку немало. И, поверьте мне, их свобода для меня дороже сомнительных денег от продажи подводных находок. А теперь, как говорится, спасибо за внимание. Я молчу и жду Вашего решения. Все!»

«Все, так все,- сказал Михалыч,- переходим к принятию решения. Вы подождите пока за дверью. Я не думаю, что это затянется надолго. Ведь все понятно: классовый враг — это понятие никто не отменял, и дискуссии здесь бесполезны».

Борода вышел.

Михалыч: «Ну, и что мы будем делать с этим мерзавцем? Обменяемся мнениями или сразу голосуем?»

Вдруг, совершенно неожиданно для себя, я услышал фразу, произнесенную моим голосом: «Михалыч! Зачем обсуждения? Давай тайное голосование! Раздай нам листочки, мы пишем: да или нет, считаем и расходимся. Да — закрыть кооператив, нет — пусть работают! Ты же правильно сказал: дискуссии бесполезны — классовый подход!»

Опять же неожиданно для меня все члены комиссии вдруг дружно поддержали мое предложение: мол, что тут обсуждать, и так все ясно, голосуем! Быстро нашлись листочки-бюллетени, прикрывая друг от друга ладонями свои «да» и «нет», мы сложили их в урну-пепельницу, а Михалыч отошел в угол для подсчета голосов. Через минуту он вернулся.

«Зовите Бороду, — тихо промолвил он, — его взяла, товарищи. Хотя нет, не товарищи — господа!!!» Мне искренне было жаль нашего бедного старика. Мы все растерянно смотрели друг на друга, испытывая чувство неловкости от происшедшего. Как будто мы его только что предали.

«Зовите, зовите, — повторил Михалыч, — результат: шесть — против, один — за! Пусть воруют дальше!»

Вернулся Борода. Теперь он был напряжен, видимо, в ожидании худшего.

Михалыч, надо отдать ему должное, спокойно выговорил, уставившись в злосчастную урну-пепельницу: «Комиссия единогласно решила: продолжайте работать! Работайте!»

Борода удивленно вскинул брови: «Я не ослышался? Продолжать работать? Мы не закрываемся? Мо-лод-цы! Мо-лод-цы!!!» Тут не-

ожиданно для всех он резко повернулся и стремглав выбежал из комнаты. Мы ошались от происходящего. Фантастическая метаморфоза мгновенного перевоплощения взрослого, рассудительного мужчины в большого и не контролирующего своих чувств ребенка поразила и покорила всех нас. Почему-то все заулыбались, чувство неловкости перед Михальчем вдруг куда-то улетучилось. Тихо улыбался и он, рассеянно собирая свои бумажки.

«Н-да, — вдруг произнес он серьезно и задумчиво, — странное создание — человек. Всего минуту назад я считал наше заседание провальным, а теперь у меня ощущение как будто бы неплохо проделанной работы. С чего бы? Прав, наверное, этот Борода: мы за все эти годы не только чувство ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА потеряли, но и чувство СТЫДА утратили, даже искренность редкостью стала. Спасибо, что, оказывается, не до конца. Вам всем за искренность и честность — спасибо! Спасибо! Всегда бы так! Ну, будем расходиться?»

Все шумно стали собираться, задвигали стульями, пожимали друг другу руки, прощаясь. Вдруг дверь в комнату резко распахнулась, и на пороге возник Борода. Он сиял, а в руках держал три букета ослепительно белых роз.

«Мо-лод-цы!!! — продолжил он последнюю неоконченную перед своим стремительным исчезновением фразу, будто бы он и не исчезал вовсе, - мо-лод-цы!!! Это Вам, барышни! В вас я не сомневался! Женщины справедливость чувствуют сердцем — природа так их устроила! А к тебе, отец, — он повернулся к Михальчу, — ну, к твоему поступку, может даже больше, чем поступку, слов мне не подобрать! Скажу только, что сегодня ты вселил в меня веру, что весь этот "треп" совковых лет мы переживем и научимся работать, а, значит, и жить по-настоящему. Другого момента нам уже не представится! Побегу к мужикам на берег! Прощайте!», — и также стремительно Борода исчез.

Через полчаса, уже сидя в самолете, я перебирал в памяти детали этой утренней истории, перипетии неожиданно возникшей дискуссии и такой же неожиданный ее исход. Вдруг кто-то тронул меня за плечо.

«О чем задумался, дружище? Уж с десяток минут лицезрею Вашу сократовскую позу. Где мысли-то витают, знакомых не узнаешь, дорогой?! А я, например, рад тебя видеть, старина!» Передо мной стоял мой давний добрый знакомый Григорий. Мы не виделись с ним пару

лет. Слышал, что он жил сейчас в соседнем городе, где сделал впечатляющую карьеру, дослужившись до поста заместителя начальника крупного строительного главка. Мы дружески обнялись и уселись на свободные места рядом, благо, самолет был полупустым. Григорий был приятным собеседником и, что еще приятней, — бывалым командировочным, которых принято называть вечными. Так из внутреннего кармана его пижонистого костюма незаметно возникла шикарного вида дорожная фляжка с умопомрачительным импортным коньяком. Чокнувшись за встречу, мы с удовольствием предались воспоминаниям. Тут-то во время неторопливой беседы я и поведал ему утреннюю историю с Бородой.

«Послушай! А ведь я его знаю! Да-да, точно он! Колоритный, скажу тебе, мужик! Я сейчас расскажу тебе историю, у нас пол-главка хохотало, когда я им рассказывал».

И Григорий поведал мне удивительную историю, которой я и поспешу поделиться с читателем.

Случилось это около полутора лет назад. Григорий работал последние дни на базе комплектации оборудованием — сдавал дела новому начальнику базы — своему преемнику, а сам с повышением уезжал на новое место работы. Стояли прохладные, но солнечные деньки конца сентября, а на базе была сущая запарка. Подходила к концу навигация на малых реках, а база еще не справилась с заданиями по комплектации пионерных поселков оборудованием, строительной техникой для ведения работ в осенний период и ранней зимой, до обустройства зимников и ледовых переправ. Волновались капитаны самоходок — еще 3 — 4 дня и, даже доставив оборудование до места, рискуешь не вернуться к причалам штатной зимовки судов из-за стремительно мелеющих притоков Оби. Ждали караваны крупнотоннажных судов из Тюмени и Томска, чтобы быстро перегрузив оборудование на самоходки, сделать последние в эту навигацию рейсы и успеть проскочить к местам зимней стоянки. Но транспорты задерживались, а капитаны нервничали.

Наконец, долгожданный транспорт из Тюмени подошел. На причалах закипела веселая работа. Капитаны подгоняли крановщиков и стропалей, те ворчали: «Не стойте над душой!» Словом, в порту царил лихорадка, но какая-то приятная, еще бы — последняя ходка в сезоне!

И вот надо же было такому случиться; во время очередной перегрузки сорвался с крюка и ушел под воду новехонький трелевочный трактор. Что тут началось?! Моряки с самоходки, почти уже подготовленной к отплытию, чуть не устроили самосуд над несчастным крановщиком, во-время спрятавшимся в верхней кабине плавкрана. Начальник стройуправления, тот, которому предназначался трелевочник, орал на бригадира стропальщиков, грозя посадить его в тюрьму. А капитану самоходки, собравшемуся было уходить в рейс без «паршивого тракторишки», объявил, что без трактора на его стройке — труба дело! А посему весь остальной груз без трактора его стройуправление от речников не примет и ни копейки за рейс не заплатит! Наконец, оба они, вдоволь накричавшись, поспешили в контору базы, ворвались в кабинет Григория (а там, между прочим, — сразу два начальника базы!) и объяснили двум «зажравшимся начальникам», что представляет из себя их база, на смачном русском языке. Потом как-то внезапно и одновременно замолчали и обессилено опустили на диван: что делать-то будем? Новый начальник базы — преемник Григория — осторожно спросил: «А у вас, точнее у нас, на базе водолазной бригады разве нет?» Григорий молча потянулся к селектору и по громкой связи вызвал какого-то Ивана Федоровича, который через минуту-другую уже стоял навтытяжку перед старым и новым начальством. Это был самый расторопный мальиш из отдела снабжения, который, по опыту Григория, славился умением с блеском выполнять самые неожиданные, порой весьма щекотливые поручения руководства. «Про ЧП уже слышал?» — хмуро спросил Григорий. «Про трактор? — оживился снабженец, — конечно, вся база гудит!» «Так, Иван Федорович, на кону — честь базы, — он покосился в сторону своих непрошенных гостей, — черт знает что тут про нас наговорили. Короче, нужны водолазы, срочно! Знаешь, где их достать?» Паренек кивнул: «Думаю в ГИМСе (госинспекция по маломерным судам), даже кое-кого из ребят знаю. Начальство, слышал, у них недавно сменилось, а ребята остались. Час времени у меня есть?» Григорий кивнул и добавил: «Намекни, что рассчитаемся, не обидим. Давай, дуй, дорогой! Очень на тебя рассчитываем!» Паренек аж просиял от такого доверия: «Лечу, шеф!»

Расчет Григория оказался точным, а оперативность его посланца превзошла все ожидания. Уже через сорок минут он ввел в кабинет

плотного загорелого мужика с рыжей бородой, который по очереди пожал руки присутствующим, представляясь: «Александр! Начальник ГИМС». И с легкой улыбкой продолжил: «Беду вашу знаю, Иван по дороге все подробно рассказал. И с причальными вашими стенками знаком, с глубинами и так далее, да и ребята у меня опытные. Катер со снаряжением уже в пути, через полчаса, думаю, пришвартуется, и начнем! По оплате: если без формальностей, наличными, — он назвал сумму, — если по всей форме, то составим договор с кооперативом "Нептун". Будет чуть дороже — налоги. Мы его специально для таких случаев и создавали. С договором — терпит до завтра. Выбирайте!» Григорий прикинул. Сумма в наличных не казалась грабительской — примерно двухмесячная зарплата одного стропальщика. Зато никакой огласки, никаких разбирательств. Ведь как ни крути, а виновата база. «Наличными, — определился Григорий, — а деньги — сразу после подъема трактора!»

Александр протянул руку: «Ну что ж, тогда определились! На берег?» И вшестером они направились к причалу. На берегу столпилось человек тридцать, если не больше: команды самоходок и прибывших транспортов, рабочие причала и просто зеваки. Атмосфера в толпе была уже вполне дружелюбной, сейчас ее объединяло любопытство: интересно, как найдут и выгачат трактор? Вскоре подошел и катер с водолазами. Все было готово к представлению: актеры, публика и главный режиссер! В руках у Бороды, — а это был, конечно, он — откуда ни возьмись, появился рупор. Поднявшись на борт транспорта — самую высокую точку импровизированной сцены, он с видимым воодушевлением отдавал своим парням громкие команды, перемежая их собственными комментариями по поводу особо неуклюжих их действий. От этих его комментариев публика буквально валилась с ног от смеха. Спектакль удался на славу! Наступил кульминационный его момент: «Вира! Вира!» — торжественно прокричал Борода. И вот из-под воды показалась сначала крыша кабины трактора, а затем и он сам во всей красе гордо повис над водой, торжественно покачиваясь на длинных стропках.

Но, боже!!! Что это?! Толпа ахнула, а потом загудела. Час назад все видели, как ушел под воду сияющий синей заводской краской новенький трелевочный трактор марки С-100, а сейчас на стропках крана

болталось его жалкое подобие грязно-желтого цвета. Нет, это тоже был трелевочник марки С-100, но что могло с ним произойти за один час? Как синий цвет превратился в желтый, куда подевался его заводской лоск? Спектакль продолжался. Зрители, выйдя из оцепенения, вдруг начали показывать пальцами на болтающийся трактор, свистеть и кричать: «Не тот, не тот, не наш!!!» Меж тем смеркалось. Кто-то включил прожектор и направил его на стрелу крана. Обстановка от этого окончательно приобрела черты театрального действия. Декорации, свет и рев публики...

Между тем ничего не понимающий Борода (он ведь и понятия не имел, что за первоначальный вид был у сорвавшегося час назад трактора) гордо сошел с борта, картинно похлопал по плечу своего героя-водолаза, считая, видимо, шумную реакцию толпы за аплодисменты его водолазной команде, и подошел к Григорию с окружавшими его заказчиками — начальнику стройуправления и капитану самоходки. «Принимайте работу, мужики! — затем повернулся к Григорию, — Григорий, все нормально?» — словно что-то почуяв, обратился он к нему.

За всех ответил начальник стройуправления — владелец груза: «Александр, это не мой трактор! У меня был новый и синий». И замолчал. «Не понял, — возмутился Борода, — вы же заказывали трелевочник С-100, так? А это что, — он кивнул на стрелу, — танк Т-34 что ли? Заказывали — получите! Причем здесь новый, синий, о цвете речи не было! Григорий! Что ты молчишь? Была речь о цвете?» Никто ему не ответил. Компания молчала. Похоже, что-то стало доходить и до Бороды ... «Неужели...?» — начал он и вдруг, догадавшись, бросился к водолазному катеру, где парни почти уже освободили героя-водолаза от его космического скафандра.

«Назад! — прошипел Борода, — готовность к повторному погружению — через пять минут! Всем — по штатным местам: засекаю!» — подошел к облачающемуся в скафандр парню и о чем-то шептался с ним полторы-две минуты, периодически показывая пальцем на трактор и молчаливую скульптурную группу на причале во главе с Григорием. Теперь уже без рупора, без шуток и комментариев он отдавал команды, сам таскал шланги и травил веревочный фал, не обращая никакого внимания на не расходившуюся публику. Видимо, все ждали развязки.

Прошло еще минут сорок прежде, чем вновь раздалось его: «Вира-вира!» И — о, чудо! Теперь публика безо всякой команды вдруг дружно зааплодировала: на поверхности показался синий, новый, теперь уже всеми ожидаемый «НАШ» трактор. Здесь Григорий, а он, как я уже упоминал, был замечательным собеседником и рассказчиком, задумался на секунду-другую и сказал: «Ты знаешь, я такого концерта, такого неотрепетированного заранее зрелища в своей жизни не припомню. Эти ночные аплодисменты как-то сразу объединили всех, еще недавно злых друг на друга и совершенно разных людей — во всем этом было что-то мистическое».

Уже при свете прожекторов злополучный трелевочник, наконец, благополучно переключился на палубу «самоходки», а толпа стала расходиться. Люди оживленно обсуждали увиденное. Отчалил и водолазный катер. Проводив его, Борода подошел к Григорию: «Ну, как? Счастливы? Получили свой новый и синий?» — подмигнул он начальнику стройуправления. — И как сейчас рассчитывать будем? Тракторов-то получилось: целых два! Ну, если честно, полтора: один-то не синий и не новый. Григорий! Цену-то надо бы процентов на пятьдесят поднять, правда?»

«И догадайся, как мы разошлись?» — спросил меня Григорий, заканчивая свой рассказ, — Борода не взял с нас ни копейки! Он забрал себе за работу бесхозный желтый трактор. Так, что то, что он рассказывал вам на вашей депутатской комиссии, не оторванная от жизни теория, а порожденная тем самым здравым смыслом и прочно установившаяся практика. Посуди сам, зачем мне на базе неучтенный трактор? А так, заодно и дно у причала от металлолома почистили. Да и Борода твой остался доволен».

Самолет начал снижение. Сделав пару глотков из коньячной фляжки на прощание, мы с Григорием расцеловались, отметив, как незаметно пролетело время за дружеской беседой. «Увидишь Бороду, передавай от меня привет; скажи, что я помню наши приключения», — сказал напоследок Григорий.

Жизнь еще не раз сталкивала меня с Бородой: я сдавал ему экзамен на право управления маломерным судном, как-то он спасал меня, отбуксировав ночью вместе с потерявшим ход и унесенным течением катером, но это уже другая история ... Иногда мы вспоминали наше

первое знакомство и почему-то он всегда переводил разговор на своего сына, преуспевающего владельца собственной строительной фирмы. Он неподдельно гордился этим фактом, а я недоумевал: какая тут связь?

Кажется, сейчас я это понимаю ...

P.S.

Много лет отделяют нас от описываемых событий. Разные судьбы сложились у первопроходцев кооперативного движения. Одни стали современными олигархами, другие пали жертвами бандитских разборок и рэкета, третьи на каком-то этапе разочаровались в своих талантах и добровольно закрыли начатое дело. Не так давно ушел из жизни Борода и некоторые другие герои моего повествования. Но знаете, глядя на современный экономический прорыв неузнаваемо изменившейся России, я с теплотой и восхищением вспоминаю первых кооператоров, помогших ее новому рождению. Именно они своим примером противостояния, часто неравного противостояния колоссальной системе тотального подавления экономических свобод граждан со стороны родного государства сделали наше общество другим. Благодаря им, люди более старшего поколения с невероятными усилиями, но смогли выдать из себя психологию маленького «винтика» в огромном механизме под названием государство. Им не поставлено памятников в бронзе и камне, но подлинным памятником им стала наша свобода, переданная через них к нам и следующим поколениям россиян.

Николаю Петровичу Макарову – 85 лет!

17 декабря 2012 г. исполнилось 85 лет потомственному нефтянику-буровику, бывшему начальнику Управления организации труда, заработной платы и рабочих кадров ОАО «НК «Роснефть» Николаю Петровичу Макарову.

Н.П. Макаров родился в 1927 г. в Пестровском районе Самарской области. В 1933 г. семья Макаровых переехала в Грозный, где Николай Петрович окончил школу и в 1941 г. поступил в ремесленное училище.

В 1943 г. в возрасте 15 лет Н.П. Макаров устроился на работу в механическую мастерскую конторы бурения и попал в комсомольско-молодежную бригаду, которую вскоре возглавил. Бригада Николая Петровича занималась ремонтом и монтажом бурового оборудования, что в условиях реэвакуации и восстановления грозненских нефтяных промыслов имело большое значение.

После войны Н.П. Макаров окончил школу рабочей молодежи и Северо-Осетинский горный техникум по специальности «Бурение нефтяных и газовых скважин». После окончания техникума в 1952 г. его направили на работу в Татарию, где разбуривалось крупнейшее Ромашкинское нефтяное месторождение. Николай Петрович начал бурильщиком, стал буровым мастером. Со временем его перевели на инженерную работу в нормативно-исследовательскую станцию, где он занимался организацией инструкторских бригад в бурении, подземном и капитальном ремонте скважин. В 1965 г. Н.П. Макаров окончил МИНХ и ГП, получил квалификацию инженера-экономиста и некоторое время работал начальником отдела труда ПО «Татнефть».

Когда было создано Министерство нефтедобывающей промышленности, Н.П. Макарова пригласили в Управление организации труда, заработной платы и рабочих кадров, в котором он проработал до упразднения министерства. После он работал в созданной на базе Миннефтепрома корпорации «Роснефтегаз» и нефтяной компании

«Роснефть». Перед уходом на пенсию в 1998 г. Николай Петрович возглавлял управление в аппарате НК «Роснефть».

Николай Петрович проработал в нефтяной промышленности 55 лет. Его заслуги отмечены орденом «Знак Почета», многими медалями СССР, ему присвоены звания «Почетный нефтяник», «Заслуженный экономист РСФСР» и др.

Евгению Ивановичу Осадчуку – 80 лет!

2 февраля 2013 г. известному советскому нефтянику, бывшему начальнику объединения «Зарубежнефть» Евгению Ивановичу Осадчуку исполнилось 80 лет.

Е.И. Осадчук родился в 1933 г. в г. Житомире; в 1956 г. окончил Львовский политехнический институт и в течение 10 лет работал в объединении «Сталинграднефть». В 1966 г. его перевели начальником отдела Управления главного механика Миннефтепрома СССР.

С образованием при Миннефтепроме объединения «Зарубежнефть» Евгений Иванович был назначен заместителем начальника, а через некоторое время начальником объединения. Молодой и энергичный руководитель сумел за короткий срок укомплектовать объединение специалистами и по существу возглавил всю деятельность министерства по оказанию помощи развивающимся странам в становлении нефтяной промышленности, а также по обеспечению нефтяной промышленности СССР импортным оборудованием. В те годы «Зарубежнефть» вела активные работы по поиску, обустройству и эксплуатации нефтяных месторождений в Ираке, Сирии, Анголе, Алжире и других странах, направляя за рубеж тысячи специалистов.

Успешная деятельность Е.И. Осадчука не осталась без внимания руководства Государственного комитета по внешним экономическим связям. В 1974 г. СССР стал оказывать помощь Ираку в освоении

нефтяных месторождений. В Миннефтепром была направлена просьба дать согласие на назначение Евгения Ивановича экономическим советником в этой стране. По межправительственному соглашению с Ираком «Зарубежнефть» и аппарат экономического советника приняли непосредственное участие в обустройстве и вводе в эксплуатацию месторождений Западная Курна, Северная и Южная Румейла и др.

В 1978 г. Е.И. Осадчука назначили заместителем председателя Государственного комитета по внешним экономическим связям. На этом посту и в период работы заместителем Министра внешней торговли (после слияния Государственного комитета по внешним экономическим связям и Министерства внешней торговли) Евгений Иванович координировал программы в области нефтегазовой промышленности в Сирии, Алжире, Ливии, Ираке, Египте, Индии, Йемене. Он лично участвовал в создании СП «Вьетсовпетро», которое успешно решило задачу обнаружения и введения в разработку значительных запасов нефти и газа на шельфе Вьетнама.

В 1991 г. Евгения Ивановича назначили торговым представителем России в Польше. Из-за свертывания экономических отношений с этой страной после распада СЭВ Е.И. Осадчук принял решение вернуться в Москву и последний период своей деятельности работал советником в РВО «Зарубежнефть».

Кроме активной производственной деятельности Евгений Иванович проявил себя и на литературном поприще. Из-под его пера вышли воспоминания о юности, зарубежных поездках, размышления о своем времени и современниках. В 2004 г. он стал членом Союза писателей России, а в 2007 г. вышел его новый сборник повестей и рассказов «Большая прогулка».

Анатолию Степановичу Гуменюку – 80 лет!

23 августа 2013 г. исполнилось 80 лет известному отечественному нефтянику, бывшему генеральному директору объединения «Коминетфть» Анатолию Степановичу Гуменюку.

В августе 1957 г. выпускник нефтепромыслового факультета Львовского политехнического института А.С. Гуменюк прибыл в Коми АССР. Первые шаги инженера он сделал на ремонтно-механическом заводе треста «Войвожнефтегазразведка». Ему довелось поработать на ремонтно-механическом заводе на Войвоже, в автотранспортной и вышккомонтажной конторах, газопромысловом управлении на Вуктыле. В 1961 – 1968 гг. Анатолий Степанович работал в системе Ухтинского геологического управления, в котором возглавил вышккомонтажную контору. В 1970 г. он возглавил Вуктыльское газопромысловое управление Мингазпрома СССР. С 1975 г. находился на партийной работе.

Можно считать, что в его деятельности в Республике Коми было два «пика»: начальник Вуктыльского газопромыслового управления и генеральный директор объединения «Коминетфть». За участие в освоении Вуктыльского газоконденсатного месторождения А.С. Гуменюк был награжден орденом Ленина.

В течение 10 лет, с 1976 по 1985 г., Анатолий Степанович возглавлял объединение «Коминетфть». Это были годы развертывания работ на севере Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции, больших объемов бурения, капитального строительства и добычи нефти на Усинском и Возейском месторождениях, годы выхода на Харьягинское месторождение, бурного строительства г. Усинска. Немалой заслугой А.С. Гуменюка как руководителя было то, что он тесно связывал перспективы развития отрасли со строительством капитальных дорог и коммуникаций. По его инициативе в Усинск и Ухту были приглашены пермские и ленинградские строители. Построенные при нем бетонные дороги на усинские месторождения, мосты через Кожву, Ижму и ряд других сооружений в полной мере оправдали себя. Они и сегодня служат нефтяникам.

В последние годы Анатолий Степанович много времени отдает литературному творчеству, он пишет книги по истории ухтинской нефти.

Александр Вячеславовичу Кочневу – 65 лет!

24 июля 2013 г. исполнилось 65 лет известному отечественному нефтянику, бывшему начальнику Центрального диспетчерского управления нефтяной промышленности Минтопэнерго России Александру Вячеславовичу Кочневу.

А.В. Кочнев родился в 1948 г. в г. Алупка Крымской области; в 1967 г. окончил Московский электромеханический техникум. После окончания техникума он отслужил в армии, работал токарем на московском машиностроительном

заводе «Маяк», затем технологом в ЦНИИ черной металлургии.

С 1970 г. А.В. Кочнев работает в нефтяной промышленности. Он участвовал в освоении месторождений Западной Сибири, прошел путь от помощника бурильщика до начальника нефтепромысла НГДУ «Шамимнефть». В качестве начальника НГДУ «Красноленинскнефть», а затем заместителя генерального директора одноименного объединения Александр Вячеславович организовал освоение Краноленинской группы нефтяных месторождений. В 1976 г. без отрыва от производства он окончил Тюменский индустриальный институт.

В 1980 г. А.В.Кочнев был переведен в Москву в центральный аппарат Миннефтепрома СССР, где до 1985 г проработал ведущим инженером, затем главным технологом Управления по развитию техники и технологии и организации добычи нефти и газа.

В 1985 г. в связи с организацией Центрального диспетчерского управления (ЦДУ) Миннефтепрома СССР Александр Вячеславович был назначен заместителем начальника этого управления, а затем главным инженером. С 1991 г. он возглавлял ЦДУ Миннефтепрома СССР, которое было реформировано в государственное унитарное предприятие Минтопэнерго России.

В 1999 г. А.В. Кочнев был назначен первым заместителем Министра топлива и энергетики РФ. В 2001 г. в связи с реформированием министерства он перешел на работу в ОАО «НК «Роснефть» на должность

советника президента, а в 2006 г. его перевели на должность первого заместителя руководителя Экспертной службы компании.

Коллеги Александр Вячеславовича отмечают его чуткое отношение к людям, коммуникабельность, внутреннюю порядочность, а руководители — способность быстро и четко выполнять поставленные задачи.

А.В. Кочнев отмечен званиями «Почетный нефтяник» (1991), «Заслуженный работник Минтопэнерго России» (1995), «Заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности РФ» (1998); награжден медалью «Ветеран труда», значком «Отличник нефтяной промышленности», Почетной грамотой ОАО «НК «Роснефть».

В 2000 г. А.В. Кочнева избрали действительным членом Академии горных наук. Он является председателем правления фонда Совета попечителей РГУ нефти и газа им. И.М.Губкина.

Кроме активной производственной деятельности Александр Вячеславович проявил себя на литературном поприще, его перу принадлежит множество стихов, написанных к различным событиям. Он - прекрасный семьянин, отец и дед.

Виктору Иоганесовичу Отту — 65 лет!

4 августа 2013 г. исполнилось 65 лет известному отечественному нефтянику, бывшему генеральному директору ПО «Нижневартовскнефтегаз» Виктору Иоганесовичу Отту.

В.И. Отт родился в 1948 г. в г. Похвистнево Куйбышевской (Самарской) области, трудовую деятельность начал в НГДУ «Первомайнефть» после окончания Куйбышевского политехнического института в 1972 г.

Становление В.И. Отта как специалиста и крупного руководителя производства с научным подходом к проблемам освоения и развития нефтяных месторождений состоялось в Западной Сибири, где с 1975 по 1988 г. он прошел путь от начальника РИТС НГДУ «Белозернефть» до

генерального директора крупнейшего в отрасли объединения «Нижневартовскнефтегаз». Здесь при его непосредственном участии и руководстве происходило освоение Самотлорского, Покачевского, Урьевского, Поточного и Нонтъеганского месторождений.

С 1988 г. В.И. Отт принимал непосредственное участие в создании нефтедобывающей промышленности Республики Куба (на посту советника в правительстве республики) и Казахстана, где с 1989 по 1991 г. работал главным инженером ПО «Тенгизнефтегаз».

После упразднения Миннефтепрома СССР В.И. Отт продолжает работать на руководящих должностях российской нефтегазовой отрасли: вице-президентом корпорации «Роснефтегаз» (1991-1993 гг.), членом Коллегии, председателем Комитета нефтяной промышленности Минтопэнерго РФ, первым вице-президентом ГП, затем ОАО НК «Роснефть» (1993-1996 гг.), первым заместителем Министра топлива и энергетики РФ (1996-1998 гг.), некоторое время был первым вице-президентом ОАО «Стройтрансгаз», а сейчас председатель Совета директоров ЗАО «Стройтрансгазойл».

В.И. Отт ведет большую общественную и научно-практическую деятельность: кандидат технических наук, действительный член и вице-президент Международной академии топливно-энергетического комплекса, в 1992 – 2008 гг. – Председатель Центрального правления Научно-технического общества нефтяников и газовиков им. акад. И.М. Губкина. С 2011 г. он – председатель Попечительского Совета РОО «Западно-Сибирское землячество».

В.И. Отту присущи лучшие качества крупного руководителя и общественного деятеля – высокий профессионализм, большие организаторские способности, масштабность мышления, доброжелательность, он пользуется заслуженным авторитетом в научных и производственных кругах.

Руководящая производственная и научно-общественная деятельность В.И. Отта высоко оценена: он награжден орденом «Знак Почета», медалью «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири», многими отраслевыми наградами, званием «Почетный нефтяник».

Григорян Георгий Макарович (1878 – 1962)

В текущем году исполнилось 135 лет со дня рождения доктора технических наук, профессора Григория Макаровича Григоряна — крупного специалиста-нефтяника, педагога и ученого в области промышленного дела, транспорта и хранения нефти и нефтепродуктов, а также техники безопасности в нефтегазовой отрасли промышленности.

Г.М. Григорян родился 27 июля 1878 г. в семье служащего в городе Шуша, на территории Нагорного Карабаха. В 1898 г. он окончил реальное училище и поступил на механическое отделение Харьковского технологического института. Пройдя курс обучения по нефтяной специальности, Григорий Макарович в июне 1903 г. окончил институт и был удостоен звания инженера-технолога.

Первым местом работы Г.М. Григоряна стали нефтепромыслы бакинського региона в Балаханах, Сабунчах и Раманах. Начиная с 1903 г., он более 12 лет проработал там помощником управляющего крупными промыслами в акционерных обществах «И.Н. Тер-Акопов и К°» и «Руно». Приобретая большой производственный опыт, Григорий Макарович с 1916 по 1918 г. работает управляющим нефтяными промыслами на месторождении Биби-Эйбат в акционерном обществе «А.И. Манташев и К°», а затем — в Губсовнархозах Астрахани и Киева.

В начале 1922 г. Г.М. Григорян, как видный инженер-нефтяник и организатор нефтяного дела, приглашается на работу в Москву. Здесь он до 1938 г. трудился на ответственных должностях последовательно в аппаратах Центрального управления по снабжению нефтяной промышленности (ЦУСТОП), Нефтесиндиката, «Союзнефти», Главнефти и Главнефтесбыта. Григорий Макарович был избран председателем Правления нефтяной подсекции Всероссийской ассоциации инженеров. Работая в руководящих инстанциях и участвуя в подго-

товке многих важных решений по развитию нефтяной промышленности страны, Г.М. Григорян поддерживал деловые контакты с крупнейшими отечественными специалистами и учеными-нефтяниками тех лет (И.М. Губкин, В.Г. Шухов, И.В. Косиор, П.А. Пальчинский, Д.В. Голубятников, И.Н. Стрижов, Л.С. Лейбензон, А.Н. Саханов, М.А. Капелюшников, И.Т. Смилга, А.Ф. Притула и другие).

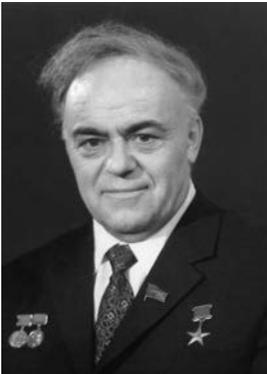
В июле 1938 г. Г.М. Григорян переходит на работу в Московский нефтяной институт (МНИ, ныне — Российский государственный университет нефти и газа) на кафедру транспорта и хранения нефти. Огромный опыт производственной и управленческой деятельности способствовал быстрому включению его как в учебный процесс, так и в выполнение обширных научно-исследовательских работ. Главной темой исследований Григория Макаровича стали проблемы, связанные с подогревом нефтей и темных нефтепродуктов (прежде всего — топочных мазутов) при их транспорте и хранении. Интенсификация и улучшение стабильности поставок этих продуктов потребителям, осуществлявшихся в тот период почти исключительно железнодорожным и речным видами транспорта, выдвигали задачи совершенствования нефтегрузовых операций, а также углубленного изучения процессов остывания и разогрева мазутов в стационарных и передвижных емкостях. Многие из этих вопросов нашли отражение в кандидатской диссертации Г.М. Григоряна, которую он защитил в 1940 г.

Во второй половине 40-х годов прошлого века исследования Григория Макаровича получают новое развитие. Он проводит целую серию масштабных промышленных экспериментов, охватывающих практически все стороны процесса доставки высоковязких нефтепродуктов. Значительный объем экспериментального материала и выполненный глубокий анализ сложившегося состояния в области перевозок высоковязких нефтегрузов составили основу докторской диссертации Г.М. Григоряна, защита которой состоялась летом 1949 г. Несколько ранее (в 1947 г.) результаты исследований Григория Макаровича нашли отражение на страницах одной из наиболее известных его книг «Подогрев нефтяных продуктов» (соавтор - В.И. Черников). После защиты диссертации Г.М. Григорян почти полностью посвящает себя педагогической деятельности — продолжает чтение курса по технике безопасности и противопожарной технике на нескольких факультетах

МНИ, руководит практиками, курсовым и дипломным проектированием студентов кафедры транспорта и хранения нефти.

После образования в МНИ кафедры «Техника безопасности и противопожарная техника» (1952 г.) Г.М. Григорян становится ее первым заведующим. Он начинает проводить большую работу по становлению кафедры, созданию ее материальной базы, формированию коллектива сотрудников, подготовке учебной литературы. Его перу принадлежит более 50 печатных трудов, в том числе несколько учебников, которые многие годы использовали преподаватели, учащиеся, проектировщики и инженерно-технические работники нефтегазовой отрасли. Летом 1960 г. в связи с преклонным возрастом Григорий Макарович оставил пост заведующего кафедрой, но и после этого он продолжал трудиться профессором кафедры еще год до ухода на пенсию.

Своей большой и многогранной инженерной, управленческой, педагогической и научной деятельностью Григорий Макарович Григорян внес достойный вклад в развитие отечественной нефтяной промышленности.

Муравленко Виктор Иванович (1912 – 1977)

25 декабря 2012 г. исполнилось 100 лет со дня рождения легендарного советского нефтяника, первого начальника Главтюменнефтегаза, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий Виктора Ивановича Муравленко.

В.И. Муравленко родился 25 декабря 1912 г. в ст. Незамаевской Ейского отдела Кубанской области (ныне — Павловский район Краснодарского края). Его отец, Иван Васильевич, был фельдшером и уважаемым человеком, поскольку в 1926 г. станичники избрали его председателем товарищества по обработке земли. Заочно И.В. Муравленко окончил институт и получил квалификацию врача. В 1929 г. он переехал в Чеченскую автономную область.

Так получилось, что становление В.И. Муравленко проходило в новых нефтедобывающих районах, где велись разведки или обустройство новых промыслов. Его, будущего выпускника Грозненского нефтяного института, судьба изначально словно готовила к пути первопроходца.

Свой путь нефтяника он начал еще до института, работая мотористом нефтеразведки в Горной Чечне у с. Стерч-Кертычка (совр. Стерч-Керч) в Бенойском районе. Там «Грознефти» после долгих лет поиска удалось получить фонтан нефти из майкопской свиты, и там Виктор Иванович впервые увидел, как сложно идут разведки и обустройство в отдаленных районах, как важна слаженная работа всех звеньев нефтяного производства: от бурения до снабжения и транспорта. После окончания института в 1936 г. его направили в Азербайджан на Локбатанское месторождение, которое едва вступило в эксплуатацию и также было оторвано от Баку. После годичной службы в РККА Виктор Иванович оказался в Сызрани, где только-только был создан нефтепромысел. По существу там он получил навыки руководителя предприятия, добился первых производственных успехов: стал буровым мастером-стахановцем, возглавил контору бурения. После вмешательства в его работу органов НКВД в 1940 г. В.И. Муравленко пришлось сменить место работы. Следующие шесть лет он отдал не менее сложному региону — о. Сахалину. Как записано в трудовой книжке, с августа 1940 по август 1943 г. он — начальник конторы бурения «Сахалиннефти», затем до мая 1944 г. — начальник Армуданской нефтеразведки, до мая 1945 г. — главный инженер треста «Дальнефтеразведка», до июня 1946 г. — начальник отдела добычи и бурения Дальнефтекомбината.

В августе 1946 г. В.И. Муравленко вернулся в Поволжье, возглавив контору бурения треста «Ставропольнефть». В июне 1948 г. он возглавил этот трест, в октябре 1950 г. — все объединение «Куйбышевнефть».

Поволжье в тот период было полигоном новых технологий, многообещающим регионом, в который много вкладывали и от которого многого ждали. Под руководством В.И. Муравленко куйбышевские нефтяники устойчиво наращивали объемы добычи, бурения, капитального строительства, открывали и вводили в эксплуатацию новые

нефтяные месторождения. Объединение стало третьим по объемам добычи в стране.

После реформ 1957 г. Виктор Иванович стал заместителем председателя Куйбышевского СНХ, затем начальником Управления нефтяной промышленности Средне-Волжского СНХ.

Вместе с Н.С. Тимофеевым и рядом других инженеров Виктор Иванович в этот период участвует в разработке бурового привода от газотурбин, на который получает патент; принимает личное участие в решении других сложных инженерных проблем.

Работу В.И. Муравленко в Поволжье государство отметило Золотой Звездой и званием «Герой Социалистического Труда».

3 сентября 1965 г. вышло постановление Совета Министров РСФСР о назначении В.И. Муравленко начальником Главтюменнефтегаза. Так начался основной период его деятельности — создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и руководство им. Виктору Иванович и его команде опытных управленцев и инженеров предстояло принять эстафету от геологов Главтюменьгеологии и инженеров объединения «Тюменнефтегаз», развивать их первый успех и вывести освоение западносибирских месторождений на новый качественный уровень. Именно команде В.И. Муравленко удалось разработать и осуществить концепцию освоения, основанную на отсыпке кустовых площадок и наклонно направленном бурении, коридорной прокладке дорог и других коммуникаций. Все это обеспечило быстрый рост добычи и выход Тюменской области в IX пятилетке (1971 — 1975 гг.) на первое место среди нефтедобывающих регионов СССР. За всем этим стоял тяжелый и напряженный труд сотен тысяч людей и, прежде всего, самого Виктора Ивановича.

Но не только промышленные показатели Главтюменнефтегаза определяют роль В.И. Муравленко в истории нефтяной промышленности страны. В этом человеке удачно сочетались те качества, которые должен иметь руководитель государственного масштаба, — приоритет интересов страны и порученного государством дела, умение комплексно решать сложные хозяйственные задачи и видеть перспективу, знание конкретных проблем производства, сочетание жестких методов руководства с заботливым отношением к подчиненным и ряд других.

Уход В.И. Муравленко из жизни на 65-м году был неожиданным и преждевременным. Привыкший выполнять все государственные задачи, во что бы то ни стало, он оказался между двух огней — необходимостью выполнять непомерные и необеспеченные необходимыми ресурсами плановые задания и предвидением тех проблем, к которым это должно было привести. 15 июня 1977 г. после драматичного разговора с министром сердце великого нефтяника не выдержало.

Память о В.И. Муравленко до сих пор жива среди российских нефтяников.

Шмарев Алексей Тихонович (1913 – 1993)

18 января 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного советского нефтяника, крупного организатора производства, одного из создателей нефтяной промышленности Республики Татарстан, лауреата Сталинской и Ленинской премий, Почетного нефтяника, Заслуженного нефтяника ТАССР Алексея Тихоновича Шмарева.

А.Т. Шмарев родился в 1913 г. в г. Нальчике; трудовую деятельность начал в 1930 г. бурильщиком в тресте «Майнефть» в г. Нефтегорске, затем учился в Грозненском нефтяном институте, где получил специальность инженера-буровика.

Становление Алексея Тихоновича как руководителя началось в Башкирии, куда его направили после окончания института в 1938 г., и совпало с широкомасштабным внедрением турбинного бурения, которое применялось в «Азнефти», меньше в «Грознефти» и практически отсутствовало в других нефтяных районах страны. В марте 1939 г. в тресте «Ишимбайнефть» была создана специальная контора турбинного бурения, управляющим которой назначили молодого инженера А.Т. Шмарева. В течение нескольких лет внедрение турбинного способа бурения являлось основной задачей Алексея Тихоновича и его

коллег. В 1941 г. 30 % «турбинных» буровых обеспечили 50 % проходки конторы бурения и в дальнейшем демонстрировали рост скоростей бурения.

В предвоенные годы А.Т. Шмарев был главным инженером, затем управляющим трестом «Башнефтеразведка», затем «Ишимбайнефть». С сентября 1945 по май 1948 г. он был заместителем начальника объединения «Башнефть» по бурению. В 1948 г., когда была поставлена задача скорейшей доразведки и ввода в эксплуатацию крупнейшего Туймазинского месторождения, Алексея Тихоновича, как опытного руководителя и грамотного инженера-буровика, поставили во главе треста «Туймазанефть». Буровики треста под его руководством включились в общую борьбу за повышение скоростей бурения и за счет рационализации режимов бурения и применяемых технологий добились высоких показателей. В результате А.Т. Шмарев в числе других инженеров-буровиков в марте 1950 г. был удостоен Сталинской премии 3-й степени «За разработку и внедрение скоростных методов бурения нефтяных скважин».

В 1950 г. начался новый этап в деятельности А.Т. Шмарева: его назначили начальником созданного объединения «Татнефть» и поставили ту же задачу — в кратчайшие сроки разбурить и ввести в разработку крупнейшее Ромашкинское месторождение. Алексею Тихоновичу удалось организовать, сплотить и обеспечить эффективность работы многотысячного коллектива татарских нефтяников. Доразведка показала, что Ромашкинское месторождение не только крупное, но и уникальное по своим геологическим запасам. Быстрый ввод его в разработку вывел объединение «Татнефть» к 1956 г. на первое место по объемам добычи нефти в СССР. Это стало возможным благодаря применению впервые в мире первичного внутриконтурного заводнения. В 1965 г. за участие в разработке и внедрении этой технологии А.Т. Шмарев в числе других ученых и инженеров был удостоен Ленинской премии.

В 1956 г. А.Т. Шмарева направляют на новый, ответственный участок работы. В тот период начинается новый этап развития газовой промышленности СССР и создается Главное управление газовой промышленности при Совете Министров СССР, прообраз будущего Мингазпрома. Алексей Тихонович стал первым начальником Главгаза СССР.

В 1957 г. в связи с реформой управления народным хозяйством А.Т. Шмарев был назначен председателем Татарского СНХ. На этом посту он продолжал работы, начатые им в период руководства объединением «Татнефть». В этот период республика вышла на уровень добычи в 100 млн. т/год и в течение нескольких десятилетий удерживала его.

В 1960 г. А.Т. Шмарев был назначен первым заместителем председателя СНХ РСФСР и приступил к организации Главного управления нефтяной промышленности, которое возглавил соратник Алексея Тихоновича по Башкирии и Татарии В.Д. Шашин. На последнем этапе «совнархозовского» периода А.Т. Шмарев возглавлял укрупненный Средне-Волжский СНХ, курирующий работу нефтяных предприятий Урало-Поволжья.

После 1965 г. А.Т. Шмарев двенадцать лет был заместителем Министра геологии РСФСР и внес большой вклад в освоение не только Западной Сибири, но и в подготовку освоения Восточной Сибири и континентального шельфа СССР. В 1966 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук.

После выхода на пенсию в 1977 г. Алексей Тихонович до 1986 г. работал заместителем директора ВНИГНИ по научной работе, а затем до 1993 г. — старшим научным сотрудником ВНИПИморнефтегаза. В этот период он внес большой вклад в организацию и обеспечение сверхглубокого бурения, участвовал в разработке проекта создания на базе атомных подводных лодок буровых судов для освоения арктического шельфа и др.

Труд А.Т. Шмарева, которого в течение всего периода деятельности назначали на наиболее ответственные и трудные участки, помимо премий был отмечен многими орденами и медалями СССР.

Известный нефтяник скончался в 1993 г. и похоронен на Троекуровском кладбище в Москве. Память о нем до сих пор сохраняется среди нефтяников. В 2003 г. в г. Бугульме был открыт памятник А.Т. Шмареву, позднее была введена книга, посвященная его жизни и деятельности.

Крол Матвей Маркович (1913 – 1995)

11 февраля 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения известного отечественного нефтяника, участника Великой Отечественной войны, одного из организаторов Главтюменнефтегаза Матвея Марковича Крола.

М.М. Крол родился в 1913 г. на Черниговщине; в 1932 г. окончил курсы экономистов-плановиков и до войны трудился в Наркомате торговли РСФСР. 23 июня 1941 г. Матвей Маркович, отказавшись от брони, ушел на фронт и прошел дорогами войны до Берлина. В 1945 г. он был помощником коменданта го-

рода и отвечал за снабжение немецкой столицы. За боевые заслуги он был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, медалями.

После демобилизации он работал в тресте «Куйбышевнефтеразведка», заочно окончил Московский нефтяной институт. В 1957 – 1965 гг. работал под руководством В.И. Муравленко в Куйбышевском и Средне-Волжском совнархозах.

В 1965 г. Виктор Иванович пригласил Матвея Марковича участвовать вместе в создании Главтюменнефтегаза. В Тюмени М.М. Крол стал первым заместителем начальника главка и взял на себя решение вопросов снабжения нового нефтегазодобывающего региона. Под его руководством были организованы трест «Тюментехснабнефть», Управление производственно-технического снабжения и комплектации с мощными производственными базами в нефтяных районах и городах — Омске, Новосибирске, Томске, которые обеспечили снабжение предприятий Главтюменнефтегаза и способствовали организации и росту нефтедобычи в Западной Сибири.

За участие в создании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса М.М. Крол был удостоен орденами Октябрьской революции,

Трудового Красного Знамени. В 1977 г. в числе других он стал лауреатом Государственной премии СССР.

В 1976 г. Матвей Маркович ушел на пенсию, но продолжил работу во ВНИИОЭНГ в должности заведующего лабораторией нормирования производственных запасов материально-технических ресурсов, занимался изучением и организацией системы технического обслуживания и комплектации оборудованием производства.

На заслуженном отдыхе М.М. Крол написал небольшие мемуары «От Берлина до Тюмени», вышедшие с предисловием Н.К. Байбакова в 1994 г., через год, в 1995 г., Матвей Маркович скончался.

Это был талантливый организатор, внимательный и отзывчивый человек с высоким чувством ответственности, присущим фронтовикам. Он по праву входит в когорту первопроходцев Западной Сибири и остается в памяти российских нефтяников.

Бабуков Александр Георгиевич (1913 – 1985)

В марте 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения крупного грозненского нефтяника-ученого, бывшего директора ГрозНИИ, доктора технических наук, профессора Бабукова Александр Георгиевича.

А.Г. Бабуков родился 25 марта 1913 г. в семье грозненского инженера Георгия Бабукова. В 1936 г. он окончил Грозненский нефтяной институт и более четверти века проработал в Грозненском нефтяном научно-исследовательском институте (ГрозНИИ).

С начала Великой Отечественной войны он находился на фронте, но решением Государственного комитета обороны СССР в числе других нефтяников он был отозван для работы по специальности.

Под руководством А.Г. Бабукова ГрозНИИ превратился в крупный научно-исследовательский центр Северного Кавказа, по ряду научных тем он стал головным в нефтяной промышленности. Ученые института внесли существенный вклад в создание новых и совершенствование действующих технологических процессов. Среди важнейших достижений ГрозНИИ — решение проблем повышения нефте-

отдачи пластов на «старых» месторождениях, освоения новых сверх-глубоких месторождений в мезозойских отложениях. Сам А.Г. Бабуков стал широко известен своими научными трудами по теории механики глубинных насосов, обоснованию природы явлений, связанных с подъемом жидкости из скважин.

Работая в Москве, во ВНИИнефти, он продолжал теоретические исследования в области техники и технологии добычи нефти, руководил аспирантами.

Тяжелая болезнь не позволила завершить все его задумки. В 1985 г. в возрасте 72 лет он ушел из жизни.

Александр Георгиевич был высоко порядочным человеком, большим ученым-эрудитом, пользовался высоким авторитетом среди грозненских и московских ученых. Его заслуги отмечены орденами и медалями СССР, почетными званиями «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР», «Заслуженный деятель науки и техники Чечено-Ингушской АССР».

Рустамбеков Тофик Фатуллаевич (1918 – 2007)

4 декабря 2012 г. исполнилось 95 лет со дня рождения известного инженера-буровика, потомственного нефтяника, многолетнего председателя Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» Тофика Фатуллаевича Рустамбекова.

Т.Ф. Рустамбеков родился 4 декабря 1918 г. в семье инженера-нефтяника, первого технического директора «Азнефти» Ф.А. Рустамбекова, сподвижника А.П. Серебровского и С.М. Кирова.

Свою производственную деятельность Тофик Фатуллаевич начал в г. Баку в 1941 г. после окончания АзИИ им. М. Азизбекова в экспериментальной конторе турбинного бурения (ЭКТБ) Наркомнефти.

С началом Великой Отечественной войны ЭКТБ была перебазирована в г. Краснокамск Пермской области, там Т.Ф. Рустамбеков работал заместителем начальника механо-ремонтной базы треста «Краснокамскнефть». В конце 1942 г. его перевели в Наркомнефть инженером технического отдела, где вскоре он возглавил экспериментально-технический сектор отдела турбинного бурения. В июне 1944 г. Т.Ф. Рустамбекова назначили главным инженером конторы турбинного бурения треста «Дагнефть», а в 1950 г. — заместителем управляющего трестом «Дагморнефть».

С 1952 по 1965 г. Т.Ф. Рустамбеков работал в Татарии. Сначала он был главным инженером — заместителем управляющего трестом «Альметьевбурнефть»; в 1956 г. его назначили заместителем начальника ПО «Татнефть» по бурению, в 1957 г. — заместителем начальника Управления нефтяной промышленности Татсовнархоза, в 1957 г. — Средне-Волжского совнархоза. В этот период Тофик Фатуллаевич внес большой вклад в обустройство Ромашкинского нефтяного месторождения, внедрение новой буровой техники и передовых технологий, создание местной школы буровиков-новаторов.

В 1965 г. Тофика Фатуллаевича назначили на должность заместителя начальника ПО «Азнефть», затем - заместителя Министра нефтедобывающей промышленности АзССР. В 1970 г. по инициативе Министра нефтяной промышленности СССР В.Д. Шашина Т.Ф. Рустамбекова перевели в Миннефтепром СССР на должность главного инженера — заместителя начальника Управления по бурению, где он трудился до 1988 г.

С уходом на пенсию он еще 6 лет работал старшим научным сотрудником ВНИИБТ.

Завидная судьба выпала на долю Тофика Фатуллаевича: он всю жизнь посвятил почетной, но трудной профессии буровика, много сил отдал совершенствованию техники и технологии буровых работ (особенно турбинного способа) и подготовке молодых специалистов. Работая в центральном аппарате Министерства, он щедро делился своими глубокими знаниями в области организации, планирования и финансирования буровых работ, неоднократно посещал многие производственные коллективы отрасли. Тофик Фатуллаевич активно участвовал в проведении хозяйственной реформы в бурении, переводе бу-

ровых организаций отрасли на новую систему планирования и экономического стимулирования, а также во внедрении вахтово-экспедиционного метода проведения буровых работ в Западной Сибири и других регионах страны. Т.Ф. Рустамбекову принадлежит большая роль в организации действенного соревнования буровых мастеров. Он был ключевой фигурой при организации ежегодных совещаний победителей соревнования с участием руководителей министерства.

Наряду с напряженной производственной деятельностью Тофик Фатуллаевич вел большую общественную работу: проводил заседания уполномоченных стран — членов СЭВ по проблеме «Создание системы оптимизации буровых процессов с применением ЭВМ для бурения глубоких и сверхглубоких скважин»; в качестве председателя секции бурения НТО нефтяной и газовой промышленности активно участвовал в организации совещаний по таким ключевым проблемам, как строительство скважин в экстремальных условиях, часто выступал на них с докладами; много лет являлся членом редколлегии журнала «Нефтяное хозяйство». Тофик Фатуллаевич был автором 50 научных публикаций и 7 авторских свидетельств на изобретения, награжден медалями ВДНХ.

Т.Ф. Рустамбеков более 15 лет успешно возглавлял Совет ветеранов Миннефтепрома СССР, затем НК «Роснефть». Совет ветеранов под его руководством многое делал для поддержки ветеранов-нефтяников. В этой непростой деятельности проявились высокие моральные качества Тофика Фатуллаевича — доброжелательное и внимательное отношение к старшему поколению, неуклонное желание помочь больным и одиноким.

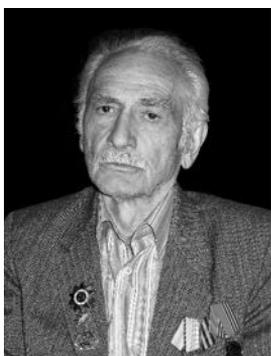
Бережно, по крупицам собирая материалы по истории развития нефтяной промышленности, о выдающихся нефтяниках, новаторах и передовиках отрасли, ветеранах Великой Отечественной войны, Совет под руководством Т.Ф. Рустамбекова и при его деятельном участии издал 20 выпусков сборников «Ветераны. Из истории развития нефтяной и газовой промышленности» и продолжает издавать их после его ухода из жизни.

За свою плодотворную деятельность Т.Ф. Рустамбеков был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Дружбы народов, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени и многими другими. Также он был удостоен почетных зва-

ний «Заслуженный работник нефтяной и газовой промышленности РСФСР», «Заслуженный деятель науки и техники ТАССР», «Почетный нефтяник», а также премии им. И.М. Губкина.

Т.Ф. Рустамбеков скончался 24 октября 2007 г.

Петросов Владимир Антонович (1920 – 2012)

10 октября 2012 г. после непродолжительной болезни ушел из жизни один из старейших ветеранов нефтегазовой отрасли, специалист в области морской нефтедобычи, участник Великой Отечественной войны Владимир Антонович Петросов.

В.А. Петросов родился 19 декабря 1920 г. в г. Баку. В 1939 г. поступил в Азербайджанский индустриальный институт, но с началом Великой Отечественной войны был призван в зенитную артиллерию и прошел боевой путь от Северного Кавказа до Берлина. Орден Отечественной войны II степени и боевые медали отметили вклад Владимира Антоновича в борьбу за независимость нашей страны.

В конце войны В.А. Петросов вернулся в вуз и после его окончания в 1949 г. работал в организациях и на предприятиях нефтяной промышленности: до 1953 г. - в объединении «Азнефть» и институте Азинмаш, а затем долгое время заместителем начальника отдела и главным инженером проектов в Гипроморнефти. За это время он стал высококлассным специалистом в области гидротехнических сооружений для нефтяной промышленности.

В 1968 г. его пригласили в Москву, где до 1972 г. он работал в системе Минхиммаша СССР.

С 1972 г. он возглавлял отдел морской техники и технологии бурения Главбурнефти Миннефтепрома СССР. Когда в Мингазпроме СССР был создан Главморнефтегаз, то Владимир Антонович пере-

шел в новый главк главным специалистом, затем стал ведущим инженером ВНИПИморнефтегаза.

Все годы своей работы в нефтегазовой отрасли В.А. Петросов активно участвовал в разработке техники и технологии морского бурения, в частности, в перевооружении буровых и строительных баз на Каспии, в освоении недр арктических и дальневосточных морей. Владимир Антонович был участником переговоров с иностранными фирмами, участвовал в подготовке производственных контрактов и правительственных постановлений по вопросам перевооружения отрасли, организации строительства глубоководных стационарных платформ.

После выхода на пенсию В.А. Петросов вошел в Совет ветеранов войны и труда Миннефтепрома СССР, а затем ОАО «НК «Роснефть». Как ветеран и участник Великой Отечественной войны, как специалист по разработке морских нефтегазовых месторождений он активно участвовал в военно-патриотической работе Совета ветеранов, регулярно бывал в поездках по местам боевой и трудовой славы нашей страны, встречался с производственниками. Особое признание В.А. Петросов, прекрасный оратор, нашел в организации и проведении встреч с учащимися подшефной московской школы № 1262 им. А.Н. Островского, где его регулярные выступления о военном периоде жизни и послевоенных годах старшие и младшие школьники и преподаватели слушали буквально затаив дыхание. Владимир Антонович оставил после себя замечательные очерки-воспоминания о нелегком развитии морской нефтедобычи в нашей стране.

В.А. Петросов, замечательный, отзывчивый добрейшей души человек, патриот, навсегда останется в нашей памяти, в наших сердцах.

Мальцев Николай Алексеевич (1928 – 2001)

10 марта 2013 г. исполнилось 85 лет со дня рождения известного отечественного нефтяника, бывшего Министра нефтяной промышленности СССР, Героя Социалистического Труда Николая Алексеевича Мальцева.

Н.А. Мальцев родился в 1928 г. на территории современного Краснодарского края. В 1951 г. он окончил Грозненский нефтяной институт и был направлен на нефтепромыслы Татарии, где прошел путь от инженера до руководителя нефтепромыслового управления. Возглавляя НПУ «Азнакаевскнефть», а затем НПУ «Бавлынефть», он получил настоящую профессиональную закалку, вырос в крупного хозяйственного руководителя и организатора нефтяного производства.

В 1961 г. Н.А. Мальцева назначили начальником Управления нефтяной промышленности Пермского совнархоза, затем начальником ПО «Пермнефть». В 1971 г. за большой вклад в развитие нефтяной промышленности Пермской области Н.А. Мальцеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

С 1972 г. Н.А. Мальцев работал в должности первого заместителя министра нефтяной промышленности, а с 1977 по 1985 г. сам возглавлял Миннефтепром СССР.

Время руководства Н.А. Мальцевым нефтяной промышленностью было очень тяжелым. Николай Алексеевич проявил подлинно государственное мышление, твердый характер и высокие организаторские способности, которые позволили ему осуществить крупные технико-экономические преобразования в отрасли. В 1984 г. по инициативе Николая Алексеевича было решено подключить силы двух крупных объединений страны — «Башнефть» и «Татнефть» - к эксплуатации нефтяных месторождений Тюменской области. Это было новым в практике нефтяной промышленности.

Почти 45 лет Н.А. Мальцев работал в нефтяной промышленности, внес неоценимый вклад в развитие и организацию нефтяного про-

изводства, особенно в освоение нефтяных месторождений Северного Урала и Западной Сибири, научно-техническое перевооружение отрасли. Николай Алексеевич много сделал для улучшения жизни и быта нефтяников. Он отличался высоким профессионализмом, повышенной требовательностью и настойчивостью. Николай Алексеевич был общественным деятелем, избирался депутатом Верховного Совета СССР, кандидатом в члены ЦК КПСС.

Родина высоко оценила заслуги Н.А. Мальцева. Он был награжден многими правительственными и отраслевыми наградами.

Николай Алексеевич ушел из жизни 2 декабря 2001 г.

Филановский-Зенков Владимир Юрьевич (1928 – 1994)

5 апреля 2013 г. исполнилось 85 лет со дня рождения известного советского нефтяника-руководителя, бывшего главного редактора журнала «Нефтяное хозяйство» Владимира Юрьевича Филановского-Зенкова.

В.Ю. Филановский родился в 1928 г. в с. Красный Артем Зауральской области (ныне г. Артемовский Свердловской обл.) в семье врачей. Детство и юность провел в Нальчике, рано лишился отца.

В 1946 г. он выбрал профессию нефтяника и поступил на подготовительное отделение Московского нефтяного института, с 1947 по 1952 г. учился на нефтепромысловом факультете института.

В 1952 г. В.Ю. Филановский был направлен в НПУ «Альметьевскнефть» объединения «Татнефть». В Татарии, на Ромашкинском месторождении Владимир Юрьевич осваивал азы инженерного искусства. Как и было положено в то время, он начал с низовых ступеней: помощник мастера, мастер по добыче нефти, старший геолог нефтепромысла. Через три года после окончания института он уже заве-

додал нефтепромыслом. А в 1959 г. молодого инженера отметили медалью «За трудовую доблесть» и назначили начальником нового НПУ «Алькеевнефть».

Руководство работой НПУ стало настоящей школой для будущего руководителя. В центре его внимания находились вопросы разработки Сулеевской и Алькеевской площадей Ромашкинского месторождения. Они стали настоящим полигоном для опробования и внедрения всего нового в технологиях нефтедобычи. Благодаря настойчивости и упорству В.Ю. Филановского на месте бывшего поселка Сулеево возник благоустроенный город нефтяников Джалиль. Вероятно, грамотное решение строительных проблем навело на мысль — назначить талантливого руководителя на должность заместителя начальника Управления нефтяной промышленности Татсовнархоза по капитальному строительству.

В 1963 г. В.Ю. Филановский стал заместителем В.И. Муравленко в должности главного инженера Управления нефтегазодобывающей промышленности Средне-Волжского СНХ. Вместе в 1965 г. они отправились в Тюмень, где В.Ю. Филановский стал главным инженером, первым заместителем начальника Главтюменнефтегаза.

В.Ю. Филановский работал в Западной Сибири до 1969 г. За этот короткий промежуток ему, вместе с другими руководителями главка, удалось создать качественную научную и проектную базу и сформулировать основы комплексного освоения месторождений в тяжелых природно-климатических условиях. Любое грамотное, пусть даже и нестандартное предложение находило поддержку В.Ю. Филановского. Его вклад в освоение Западной Сибири в 1970 г. был отмечен Ленинской премией — «за разработку и внедрение высокоэффективных комплексных технико-технологических решений, обеспечивающих ускоренное развитие добычи нефти в Тюменской области». Но В.Ю. Филановский очень рано понял ошибочность государственной политики по отношению к Западной Сибири: любой ценой дать как можно больше нефти, и был вынужден покинуть Тюмень.

Дальнейшая деятельность В.Ю. Филановского протекала в Москве. В 1969 — 1975 гг. он руководил Главным управлением капитального строительства Миннефтепрома СССР, затем до 1976 г. —

Управлением по добыче нефти. В 1976 г. в Госплане СССР встал вопрос о новом руководителе отдела нефтяной и газовой промышленности. По предложению министра В.Д. Шашина на эту должность был выдвинут Владимир Юрьевич.

До 1985 г. В.Ю. Филановский руководил сложным процессом планирования и финансирования отрасли. Это было сложное время, когда желание иметь много нефти при низких вложениях господствовало в политических верхах. Владимир Юрьевич оказался между двух огней. И он и руководители Миннефтепрома убеждали ЦК КПСС, что природные богатства невосполнимы и нужно останавливать безудержную, не подкрепленную должными ресурсами погоню за очередными миллионами тонн. На одном из больших совещаний в Тюмени перед высоким партийным начальством Владимир Юрьевич вскрыл все «язвы» отрасли: высокую изношенность основных фондов, которые давно нуждались в модернизации, низкий технический уровень нефтяного машиностроения, неэффективность финансово-экономического обеспечения отрасли. Со своей стороны он многое делал для внедрения новейших технологий, в том числе и западных.

В 1985 г. Владимир Юрьевич вернулся в Миннефтепром, на должность первого заместителя министра. Всей душой он отдался решению сложных проблем. В этот период он руководит работой Центральной комиссии по разработке нефтяных месторождений, курирует вопросы автоматизации управления, создания технических и системных основ для внедрения информационных технологий, занимается укреплением внешнеэкономических связей отрасли и вопросами ее оснащения западными технико-технологическими новинками.

С 1985 по 1990 г. Владимир Юрьевич был главным редактором журнала «Нефтяное хозяйство» и внес большой вклад в его развитие.

Владимир Юрьевич очень сильно переживал развал Миннефтепрома, некоторое время руководил инновационным совместным предприятием. Но в октябре 1994 г. он безвременно скончался, оставив о себе память, как о «рыцаре без страха и упрека».

Павлов Владимир Павлович (1933 – 2013)

6 января 2013 г. ушел из жизни известный российский нефтяник, бывший начальник отдела запасов нефти и газа Главного управления по геологии и разработке нефтяных и газовых месторождений Миннефтепрома СССР и член Бюро Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть» Владимир Павлович Павлов.

Владимир Павлович родился в 1933 г. в г. Кирове в семье служащих. В 1951 – 1956 гг. учился на нефтяном факультете Свердловского горного института им. В.В. Вахрушева и получил специальность «горный инженер – геолог».

Трудовую деятельность В.П. Павлов начал оператором по добыче нефти в НПУ «Туймазанефть». Затем стал старшим инженером ЦНИЛ. В 1958 г. он возглавил технологический отдел НПУ «Арланнефть», а вскоре его назначили заместителем главного геолога НПУ. В 1965 г. Владимир Павлович возглавил отдел разработки ПО «Башнефть». С 1967 по 1971 г. он был консультантом при объединении «Нефть и газ» в ГДР и участвовал в вводе в эксплуатацию месторождения Лютов, за что был награжден медалью ГДР «Заслуженный активист строительства социализма в ГДР» и орденом общества германо-советской дружбы «Серебряная игла». По возвращению заведовал сектором в БашНИПИнефти и принимал непосредственное участие в подсчете запасов крупнейших нефтяных месторождений Башкирии.

В 1982 г. В.П. Павлов был переведен на работу в центральный аппарат Миннефтепрома СССР на должность начальника отдела. Работая в министерстве, Владимир Павлович состоял ученым секретарем Центральной комиссии по запасам МНП СССР и был экспертом и членом Экспертно-технического совета

Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых СССР. Коллеги отмечали его высокий профессионализм и деловые качества.

В 1968 г. Владимир Павлович защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. Им написаны около 50 рукописных и печатных работ, некоторые из них были опубликованы в журнале «Нефтяное хозяйство».

За большие заслуги в области разработки нефтяных месторождений и подсчета запасов нефти и газа Владимир Павлович был награжден отечественными правительственными и отраслевыми наградами.

В 2002 г. В.П. Павлов ушел на пенсию и несколько лет был членом Бюро Совета пенсионеров-ветеранов войны и труда ОАО «НК «Роснефть».

Владимир Павлович оставил о себе добрую и светлую память.

Байков Назип Мавлютович (1921 – 2013)

28 июня 2013 г. на 92-м году жизни остановилось сердце выдающегося ученого-нефтяника, постоянного автора журнала «Нефтяное хозяйство», обозревателя зарубежной нефтяной промышленности Назипа Мавлютовича Байкова.

Участник Великой Отечественной войны и кавалер боевых орденов, за десять лет после окончания войны Н.М. Байков успел окончить два вуза: в 1951 г. — Московский институт международных отношений, где в совершенстве овладел английским языком, и в 1955 г. — Московский нефтяной институт им. И.М. Губкина. Трудовую деятельность он начал на промыслах Татарии, где работал мастером по

добыче нефти, старшим инженером, заведующим промыслом, главным инженером НГДУ «Бавлынефть» и «Лениноргорскнефть».

Его не могли не заметить. Воспитанник непревзойденной школы татарских нефтяников, давшей стране многих выдающихся организаторов нефтяной промышленности, Н.М. Байков в 1966 г. был приглашен на работу в центральный аппарат вновь организованного в 1965 г. Миннефтепрома СССР, который возглавил В.Д. Шашин. Здесь с первых дней он завоевал высокую репутацию профессионала. Его пятнадцатилетняя деятельность в центральном штабе нефтяников страны была неоднократно отмечена руководством министерства. Кандидат технических наук с безупречным знанием английского языка, Назип Мавлютович был незаменимым помощником В.Д. Шашина, позволяя ему чувствовать себя исключительно комфортно на сложных переговорах с представителями крупных мировых нефтяных компаний и международных организаций. К его знаниям обращались и специалисты Государственного комитета СССР по науке и технике, и специалисты Минвнешторга СССР.

В 1970 – 1980 гг. Н.М. Байков возглавлял отдел сбора и подготовки нефти и воды Управления добычи нефти. В период работы в Миннефтепроме под его руководством и при непосредственном участии был создан полный набор блочного оборудования для систем сбора и подготовки нефти и воды, позволившего обустроить нефтяные месторождения, в первую очередь Западной Сибири, по новой технологической схеме. Назип Мавлютович имел 35 авторских свидетельств на изобретения в области блочного оборудования для обустройства нефтяных месторождений.

С 1980 г. и до конца жизни Н.М. Байков работал в Институте мировой экономики и международных отношений РАН, где в качестве ведущего научного сотрудника вел исследования в области развития мировой энергетики.

Назип Мавлютович скончался за письменным столом. Перед этим в невероятную московскую жару он посетил международную выставку «Нефть и газ – 2013», удивляя бодростью и оптимизмом своих коллег-нефтяников. Великолепный технолог и знаток

зарубежной нефтяной промышленности Назип Мавлютович был поборником широкого использования всего нового, что появляется в других странах и направлено на оптимизацию добычи и транспорта нефти. Для своих статей он выбирал чрезвычайно актуальные темы: закачка углекислоты, добыча сланцевой нефти и газа, тенденции развития нефтяной отрасли в том или ином регионе мира, структура капиталовложений и многие другие.

Жизнь многократно, вновь и вновь подтверждала, что феномен Н.М. Байкова зиждился на лучших исторических традициях отечественной технической интеллигенции с ее высокими профессиональными знаниями, личной скромностью и бескорыстием, на сохранении человеческого достоинства.

В 23-м выпуске «Ветеранов», посвященном 65-летию Победы, Назип Мавлютович опубликовал свои правдивые воспоминания о тяжелом для страны периоде — начале Великой Отечественной войны.

Память о Назипе Мавлютовиче Байкове надолго сохранится в сердцах нефтяников. Мы выражаем глубокие соболезнования родным и близким Назипа Мавлютовича.

Сведения об авторах

Голубев Геннадий Римович (1938 г.р.) — инженер-буровик, кандидат технических наук, работал во ВНИИ БТ, участник разработки техники и технологий строительства Кольской сверхглубокой скважины.

Иванов Александр Васильевич — см. с. 20 — 39 настоящего издания.

Евдошенко Юрий Викторович (1970 г.р.) — редактор журнала «Нефтяное хозяйство», кандидат исторических наук, автор книг и статей по истории отечественной нефтяной и газовой промышленности.

Каплина Татьяна Федоровна (1937 г.р.) — бывший сотрудник научно-технического отдела Главморнефтегаза Миннефтепрома СССР, уполномоченная Совета ветеранов ОАО «НК «Роснефть».

Карпов Виктор Петрович (1958 г.р.) — историк, доктор исторических наук, профессор Тюменского государственного нефтегазового университета, автор книг, учебников и методических пособий по истории отечественной нефтяной промышленности, в том числе «История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1948-1990 гг.)» (Тюмень, 2005).

Кульчицкий Валерий Владимирович (1953 г.р.) — инженер-буровик, доктор технических наук, заместитель заведующего кафедрой бурения нефтяных и газовых скважин РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина, директор НИИ буровых технологий, исполнительный директор Центрального правления Научно-технического общества нефтяников и газовиков им. И.М. Губкина.

Марков Олег Андреевич (1939 г.р.) — инженер-буровик, кандидат технических наук, директор Тренажерного центра управления скважиной РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Матвейчук Александр Анатольевич (1950 г.р.) — академик Российской академии наук, кандидат исторических наук, лауреат премии

им. акад. И.М. Губкина, награжден Почетным знаком Союза нефтегазопромышленников России и другими отраслевыми наградами

Николаев Борис Алексеевич (1933 г.р.) — инженер по разработке нефтяных и газовых месторождений, работал в Гипровостокнефти и Управлении капитального строительства Миннефтепрома СССР, неоднократно выезжал в длительные командировки в Индию.

Рудкевич Валерий Николаевич (1941 г.р.) — инженер-механик, в 1992-2011 гг. директор Департамента машиностроения и энерго-механических служб корпорации «Роснефтегаз», ГП «Роснефть», а затем руководитель механоремонтной службы в ОАО «НК «Роснефть».

Салтыков Александр Леонидович (1937 г.р.) — инженер трубопроводного транспорта и хранения нефти, был начальником отдела научно-технической информации Техуправления Миннефтепрома СССР, долгое время работал в Центральном правлении Всесоюзного научно-технического общества нефтяной и газовой промышленности им. И.М. Губкина (ныне НТО НГ). Член Бюро Совета ветеранов ОАО «НК «Роснефть».

Севанько Георгий Дмитриевич (1916 — 1996) — геолог, выпускник Московского нефтяного института им. И.М. Губкина, работал в геологических организациях Удмуртской АССР.

Сидоров Виктор Савватьевич (1949 — 2013) - инженер-нефтяник, специалист по автоматизированным системам управления производством. Работал в КИВЦ Главтюменнефтегаза, первый директор производственного управления «НижевартовскАСУнефть».

Юхименко Вадим Григорьевич (1968 г.р.) — инженер-геофизик, старший преподаватель кафедры нефтегазовых технологий Камского института гуманитарных и инженерных технологий (г. Ижевск), автор работ по истории удмуртской нефти.

ВETERАНЫ: ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ НЕФТЯНОЙ И ГАЗОВОЙ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ВЫП. 26. –
М.: ЗАО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «НЕФТЯНОЕ ХОЗЯЙСТВО», 2013.

Редактор
Ю.В. Евдошенко
Верстка
Г.Д. Мухина
Ретушь и цветокоррекция
Я.А. Морозова
Художественное оформление
А.А. Клышникова

Подписано в печать 01.08.2013. Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,5. Тираж 400 экз. Заказ № 26.

ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство»

Отпечатано в ООО «Август Борг»